

Об авторе – Светлана Александровна ПОТАПОВА (Прилежаева) – журналист, собкор московской «Учительской газеты». Живет в Великом Новгороде. Член Российского межрегионального союза писателей с 2014г.. Публиковалась в «Литературной газете», журналах «Нева», «Молоко», «Санкт-Петербургская Искорка» и др. Участница фестиваля «Молодые писатели вокруг «ДетГИЗ»а»-2016. Шорт-лист конкурса «Хрустальный родник»-2016 и 2017. Лонг-лист премии «КНИГУРУ»-2017 (с повестью «Ремонт»). Книги: «Семейные сказки Маши Светловой» (Новгородский институт развития образования, 2014 год), «Ремонт. Она была похожа на инопланетянку.» (сборник повестей С.Потаповой, издательство «КомпасГид», Москва, 2018 год, готовится к печати).

12+

Светлана ПОТАПОВА

НАДЯ-САН ИЗ СЕЛА МЕДВЕДЬ

Историко-художественный роман

От автора: в основе романа – реальная история существования в селе Медведь (ныне Шимский район Новгородской области) в период русско-японской войны 1904-1905 гг. единственного в Российской Империи массового лагеря для 2500- 3 000 пленных японцев.

События и детали в романе основаны на документах или согласованы с историческими реалиями. Надя Карпова, Хигаки Масакадзу, Александра Орлова и некоторые другие персонажи в романе являются реальными лицами, но детали их жизни в необходимой степени определены вымыслом автора. Просьба не считать эти и иные образы идентичными реально жившим людям.

Автор благодарит директора Токийского института русского языка Йосихико Мори (Япония), ведущего научного сотрудника Новгородского государственного объединенного музея-заповедника, кандидата исторических наук И.В.Хохлова, шимского краеведа В.Н. Иванова, собирательницу шимских диалектных слов Е. Б. Стогову (Россия)

Посвящается памяти японоведа Александры Орловой и директору Токийского института русского языка Йосихико Мори

«Свет видится тогда, когда свет во очах есть».

Г.С.Сковорода, «Наркисс», 1760–1769 г.

*Илья Хохлов, кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник Новгородского
государственного объединенного музея-заповедника.*

Вступительное слово к роману «Надя-сан из села Медведь»

Русско-японская война 1904-1905 годов не оставила глубокого следа в памяти русского народа. Разочарование и горечь от испытанных во время этой далёкой во всех смыслах войны вскоре сменились новыми, куда более ощутимыми потрясениями. Война с Японией, события которой разворачивались на малознакомом большинству жителей Российской Империи Дальнем Востоке, навсегда осталась в массовом сознании символом надвигающегося краха «царизма».

Но есть в России места, где о русско-японской войне помнят не только благодаря учебникам истории. Одно из таких мест – расположенное в новгородской глубинке село Медведь. В центре этого старинного и некогда богатого села с интересной историей стоит скромный монумент с японскими иероглифами и надписью: «За мир и дружбу между Россией и Японией». Памятник посвящён японским военнопленным, умершим в 1904-1905 годах во время пребывания в Медведе. Именно это село было выбрано для размещения единственного постоянного лагеря для содержания пленных японцев. Впрочем, не только их. Среди содержащихся в лагере военнопленных были состоявшие в японской армии в качестве обслуживающего персонала китайцы и корейцы, а также британские подданные – моряки с перевозивших в интересах японского правительства грузы судов.

Как ни парадоксально это звучит, но именно такая трагическая страница русско-японских отношений, как война, спустя несколько десятилетий послужила залогом крепкой дружбы между жителями

Медведя и представителями Японии. Прибытие загадочных во многом иноземцев из окутанной тайной страны не могло не оставить яркий след в памяти сельчан. Страх, неприязнь и недоверие со временем уступили место любопытству и сочувствию. Тем более, что условия содержания военнопленных способствовали установлению достаточно тесных контактов между ними и местным населением. Пленным была предоставлена относительная свобода передвижения по селу, разрешены покупки в местных лавках и магазинах.

Несмотря на довольно мягкие и комфортные условия жизни в лагере, не всем военнопленным суждено было вернуться домой. Перенесённые тяготы войны и непривычный климат стали, вероятно, причиной гибели некоторых из них. Вскоре после окончания войны прах умерших в Медведе японских военнослужащих был перевезён на родину. Намогильные камни с японскими надписями, служившие напоминанием об этой странице истории села, со временем заросли землёй и затерялись.

В 1965 году, спустя шесть десятилетий после окончания русско-японской войны, началась новая «японская» страница в истории села Медведь. Обнаружение местными школьниками японских могильных камней стало событием, нашедшим отклик как в советской, так и в японской прессе. Но прошло ещё около сорока лет прежде, чем в селе появился призывающий к дружбе между двумя странами мемориал. Рядом с ним лежат камни с могил умерших в Медведе японских воинов.

История пребывания японских военнопленных в селе Медведь легла в основу романа Светланы Потаповой «Надя-сан из села Медведь». В мыслях и словах персонажей романа нашли отражение важнейшие темы, волновавшие жителей тогдашней России: горечь от военных поражений, невольное уважение и интерес к оказавшемуся достойным неприятелю, страх перед надвигающимися внутренними потрясениями и, несмотря ни на что, надежды на лучшую жизнь. Персонажи романа вслед за реальной историей доказывают, что взаимное уважение и интерес, стремление к дружбе и миру сильнее войн и ненависти.

ЧАСТЬ I.

ПОСЛЕДНЯЯ ДЖЕНТЛЬМЕНСКАЯ

«...любите врагов ваших...»

Новый Завет от Матфея

святое благовествование 5:44

1.

«Июльским утром 1904 года в большое, богатое село Медведь Новгородской губернии входил строй маленьких, ростом с баб, худых и черноволосых, с неподвижными, узкоглазыми и будто загорелыми лицами японских военнопленных.

Было их множество, они заполнили центральную улицу – Миллионную – как тараканы, толпой бегущие от свечки, и усы, примечали вслух медведцы, многие имели длинные и чёрные, как тараканьи.

Жители Медведа стояли на обочинах Миллионной, по которой японцы с конвоем шли к своей цели – красным кирпичным казармам на краю села -- и глазели на пришлых.

-- Не юлись ты, Верка, не егось! Вон Катка к мати прижацце¹, звать, боицце! – говорила девочке лет пяти, в светлом платьице с оборками, но, впрочем, под носом чумазой, женщина в длинной пёстрой юбке и светлой же выходной кофте, повязанная белым головным платком. (Принарядились для ожидаемого события не только бабы, но и мужики: последние обули, у кого они были, сапоги по колено и заправили в них штаны; кто-то потел в пиджаке; и богатую, и бедную голову одинаково заботливо покрывала от солнца демократическая фуражка-картуз).

¹ Здесь и далее -- диалектные слова и диалектное произношение Шимского района Новгородской области. Здесь и далее везде примечания автора.

-- А то как не бояцце?!! – опасливо отвечала соседке мать боязливой Катьки. – Слыхали, бабы? Грят, кажинный апонец с войны должен привезть куль² посолёных чилавечих ухов. Нешто, бабыньки, взабыль³?

-- Совсим у теби тыквина⁴ не сображат! Трёкашь⁵ не знашь чё! - - возражала ей собеседница. – Вон Тришка тоже казал – быдто у апонцев морды собачьи. И шо?

-- Ну, Тришка-то лучче знат! Глянь на яво -- с утра ноздри наварён⁶! – отметила причину бурной Тришкиной фантазии Катькина мать. -- Да ни, навроде ни собачьи... А желемустины⁷-та вси каки!! Катька, поди, залазь к бате на клюкушки⁸, лучче видать оттеда!

-- Гри/ли, у апонцев – хвосты, как у макак. А не видать под штана/м... -- Ой, и де ж ты тово макака выдавше?.. – А в Питербурхе на ярманке... -- Да ты и сама как тот макак, как нарядиссе... -- Скока ж их тут, нехристей? Прогон⁹ ись занявше! -- Ну и што ты выгаливше¹⁰? Возгри¹¹ подотри! А то не люди? – говорили в толпе.

Село Медведь, центр Медведской волости Новгородского уезда Новгородской губернии, походило на городок – в 150 домах, добротных деревянных и каменных, жила тысяча человек. Медведцы справедливо гордились бронзовым памятником Императору Николаю Первому в натуральную величину, каменной пятикупольной церковью Святой Троицы и железным мостом с деревянным настилом через речку Мшагу. Тьма была торговых лавок, магазинов¹², мастерских, питейных заведений, среди которых числился ночной ресторан, имелась почтовая станция, водяная мельница, кузница, бани и несколько даже заводиков. Всё это, включая почтовую станцию, держали медведские купцы и торговые люди, и держали

² Куль (шимск. диал.) -- мешок

³ Взабыль (шимск. диал.) – на самом деле.

⁴ Тыквина (шимск. диал.) – голова

⁵ Трёкать (шимск. диал.) – сплетничать, болтать

⁶ Ноздри наварён (шимск. диал.) -- пьян

⁷ Желемустина (шимск. диал.) – худенький человек

⁸ Клюкушки (шимск. диал.) -- плечи

⁹ Прогон (шимск. диал.) -- дорога на въезде в деревню. Ись – весь.

¹⁰ Выгальиться (шимск. диал.) -- пристально смотреть.

¹¹ Возгри (шимск. диал.) - - сопли

¹² Магазин в конце 19-го-начале 20 века – здание или часть здания для хранения товаров, склад.

умно. Улица Миллионная была центральной и лучшей в Медведе -- на ней стояли сплошь каменные двухэтажные купеческие дома с железными, крашеными зелёной или красной краскою кровлями. Лучшим же домом на Миллионной признавался огромный двухэтажный, с единственной в селе медной, новой, горящей на солнце крышею особняк Козьмы Гаврилина -- миллионера, самого богатого купца Медведа.

В каждом, пожалуй, провинциальном городе и крупном селе России местный главный богач выстроил такой, самый роскошный, дом. Избрал он для этого, как правило, центральную площадь или перекрёсток главной дороги, который не миновать ни прохожему, ни проезжему. Дом Гаврилина в Медведе своим углом, как гигантский корабль носом, врезался в перекрёсток в центре села. Боковая стена его, покорооче, выходила на Миллионную. Фасад же, с пятнадцатью высокими окнами на каждом из двух этажей, придавленный массивным шестиоконным мезонином, дерзко глядел поверх центральной городской площади на церковь Святой Троицы, только остроконечная церковная колокольня превышала его. Угол дома-корабля, врезавшийся в перекрёсток, был архитектором срезан, на срезе на первом этаже была дверь, а на втором -- балкон.

На этом широком балконе с кремовыми гардинами, драпированными на манер полуоткрытого театрального занавеса, и цветами в напольных вазах виднелись теперь женские головки. На балконе велись уже другие разговоры по поводу проходивших внизу военнопленных.

При хозяйке дома, Марии Евграфовне, конечно, нельзя было даже намекнуть на одну пикантную новость, о которой страстно хотели переговорить две молодые женщины -- невестка Гаврилиных, темноволосая с всегда немного утомлённым взглядом Софья Афанасьевна и подруга Сонечки -- блондинка с острым носиком и круглыми довольными щеками Настасья Яковлевна.

Софья Афанасьевна, безусловно, была учёна манерам -- единственный сын Гаврилиных Максим взял её даже не из Медведа -- самого Новгорода, из семьи не только веково богатой, но и современно деловой: брат Софьи Афанасьевны был модным фотографом. Настасья Яковлевна не уступала подруге: супруга компаньона по делам Максима Гаврилина и говорить была способна красноречиво, и одежду имела, что ж, пожалуй, даже поизысканнее, чем у Сонечки... Софья Афанасьевна вскользь окинула взглядом серый шерстяной

жакет Настеньки и запомнила, что рукава фасона «баранья нога» начинаются на плечах маленькими буфами (ведь совсем недавно ещё буфы раза в три шире носили!), а от локтей резко облегают руки, как перчатки; в самом низу же плотно прихватывают запястья широкими манжетами. Всё это словно сжимало Настенькино тело, звало: «Посмотрите-ка сюда, на эти руки и дальше: не правда ли – гибко, хорошо!?» Платье самой Сонечки было модного цвета жандарм¹³ и шито у лучшей новгородской портнихи – но шито, увы, так, как носили уже давно – с широкой юбкой, присборенным у талии лифом и более всего, как она теперь была уверена, устарелыми воланами из кружев на концах рукавов.

Серая юбка Настеньки, плотная, как мужской английский костюм, обжимала владелице живот и бока и лишь сзади имела пару вольных складок. Но самое главное в костюме подружки был -- диковинный перед жакета! Такого покроя Сонечка не видела ни у кого в Медведе и не встречала на дамах в самом Новгороде. Половинки этого переда неведомый смелый портной отмахнул ножницами не прямо, как полагается, а косо, так что они внахлест шли одна на другую выше груди. Нахлест близ левого плеча держали три пуговицы с красивыми витыми петлями. В образовавшемся на животе треугольном распахе жакета был виден высокий пояс серой юбки, дающий знать, что у Настасьи Яковлевны тонкая талия.

«Кто же её необыкновенный портной?» -- думала с досадой Сонечка. (Не раз уже за их дружбу язык её просился задать этот вопрос, но гордость первой дамы местечка была препятствием...) -- «Или портниха? Где она скрывает его – или её? У нас таких искусников точно нет, в Новгороде тоже... Может, она выписывает платья из Петербурга? Парижа???»

На революционный распах жакета не глядела Мария Евграфовна. 70-летняя староверка в глухой, до горла, силуэта ёлки, кофте и длинной юбке, на подоле которой были дозволены два с вялыми складками окружных рюша, в чепчике, скрывшем седые волосы, сидела в кресле поодаль от края балкона. Сонечка и Настя занимали кресла справа и слева от нее. Из комнаты за их спинами выглядывала любопытствующая прислуга. И женская прислуга, и Сонечка с Настей знали, что где-то в толпе под балконом может находиться важный, занимавший их мысли предмет, но не смели говорить о нём.

¹³ *Жандарм* — оттенок голубого. Слово в лексиконе моды появилось в конце XIX в. благодаря цвету жандармской формы в России.

Этот предмет был комичная и одновременно романтическая персона – костромская барыня.

О барыне писали газеты, и знали о ней все медведцы.

Сквозь всю почти Россию, от Дальнего Востока до северо-западной, близкой к Петербургу Новгородской губернии, на пароме по озеру Байкал, мимо рек Ангары, Оби, Тобола и Волги, 8500 вёрст¹⁴ по новорождённой Транссибирской железной дороге японских военнопленных с задержками, растянувшимися почти на два месяца из-за первоочередного пропуска техники и людей, движущихся им навстречу - - на войну, на восток -- провезли через и мимо сотен городов, сел и деревень. В караване пленников из 500-600 человек случилось четверо английских офицеров. В одного из англичан, по газетным сплетням, безумно влюбилась с первого взгляда некая барыня из Костромы. Барыня упорно следовала за предметом любви до Медведя и теперь могла оказаться в толпе, встречавшей пленных. Чужого в селе человека, не простолюдина, Настенька и Сонечка, несомненно, признали бы. И, как только Мария Евграфовна, решив, что долее сидеть неприлично, встала и неторопливо покинула балкон, молодые женщины оказались на самом его краю и нетерпеливо начали вглядываться в толпу.

Никого похожего на костромскую барыню они, однако, не увидели.

-- Вот же, вероятно, и англичане! – воскликнула Сонечка, кивком указав подруге на нескольких шедших под конвоем офицеров. – Который же, любопытно?! Ах, как это, я думаю, самоотверженно – бросить всё, все богатства, запятнать честное имя и уйти за любимым!!!

-- Что бы сказали, услышав такое, наши мужья?! – лукаво прищурилась в ответ подруге и откинула с пухлой щеки мешавший белокурый локон Настенька. – Нет, я от своего супруга никуда не уйду никогда! – с этими словами Настасья Яковлевна почти перегнулась через балкон и уронила, конечно, невзначай за его край белый носовой платочек с инициалами... Платочек по воле случая пал недалеко от проходившего красивого офицера, по-видимому, английского пленного... Он подошёл, поднял платок, поднял и лицо своё к Настасье Яковлевне... Красивые глаза его задержались на блондинке, губы улыбнулись... Конвоир ждал, пока офицер медленно подносил платок к губам своим, – возможно, что у офицера

¹⁴

Приблизительно 9 000 километров

в долгой дороге случился насморк – легко махнул рукой с платком вверх, обещая этим жестом при возможности вернуть потерянное, и бережно положил платочек в карман.

...И совсем иные разговоры по поводу военнопленных велись на первом этаже дома-корабля на углу Миллионной. Под балконом с кремовыми гардинами был вход в лавку купца Козьмы Гаврилина, внутри которой дверь вела в смежную контору. В последней находились сейчас сам Козьма Михалыч, в свои 73 года еще не отошедший от дел; сын его, 29-летний Максим Козьмич; компаньон Максима Гаврилина, тоже молодой, счастливый муж верной блондинки Настеньки Владимир Назарьевич Самойлов и старинный, без возраста, приказчик Гаврилиных Кайдаков.

-- Около шести сотен пленных – и всё к нам, в Медведь?! Поближе к войне места в Российской империи не нашлось, однако, господа? Я удивляюсь – ведь сквозь всю страну везти -- определено -- невыгодно?! – отнюдь не недовольно говорил Максим Гаврилин. Молодой человек был в отличном настроении – он чувствовал себя в конторе вполне хозяином. На деле миллионером был именно Максим Козьмич, а не его батюшка. Тот нажил богатство, но этот преумножил его в десятки раз.

Для подтверждения своих слов молодой Гаврилин достал из ящика письменного стола карту империи и, разложив ее, отмахнул над нею рукой путь от Дальнего Востока до Новгородской губернии, который проделали пленные.

Максим Козьмич был необычно для русского северного человека подвижен: казалось, не только лицо, но и даже фигуру его каждомоментно оживляла, приводя к движению, какая-либо мысль. Он представлял образец того типа телосложения, который медведский народ называл словом «желемустина» -- и, точно, был, как *жимолость*, тонок и невысок. Лицо его, тоже худое, с тонким, длинноватым носом (эти впечатления зрительно усиливали негустая, острым клином, короткая бородка и стремящиеся к бородке своими концами усики) поминутно показывало разные оттенки настроения, кроме унылого. Одет молодой миллионер был в европейский двубортный серый сюртук, чёрные брюки с последней английской новинкой – отутюженными складками-стрелками. В деловой, как сейчас, обстановке на нём были безукоризненно начищенные чёрные ботинки. (За ширмою в конторе стояли его сапоги, готовые к посещению лесных участков: держа

вместе с Самойловым льняной завод, Максим Козьмич и в дело отца – торговлю лесом – вкладывал большие силы.)

Произнеся свои вопросы, Максим Козьмич резво повернулся, прошел быстрым шагом до окна, где гудела толпа, указал присутствующим на длинные ряды пленных и поднял брови, ожидая ответа. (В его характере была внимательность и способность ловить мысли от других, без разбора чинов и возраста – возможно, эта черта среди прочих помогла ему стать миллионером).

– Пошто к нам? А небось места в наших казармах дюже много! -- первым откликнулся старик Гаврилин. – Граф Ракчеев крепко строил! Гляди, турки не вырвались! Сидели тут в семьдесят седьмом!¹⁵ Будем драть з...цу япошкам и дальше – поместим ещё хоть три тыщи!

-- Осмелюсь сказать, несмотря на всё мое уважение: пока что они нам з...цы, извиняюсь, дерут! – с шутливым полупоклоном Козьме Михалычу, но глядя мимо старика на молодого Гаврилина, заметил Самойлов. -- Половина российского флота - - в Порт-Артуре, а тот – где? -- в японской осаде! В Медведь -- шестьсот пленных – но это, видимо, и есть -- почти всё! О других лагерях, кроме нашего, в России для японцев не слышно! Какие-нибудь десятки, много сотня, кто ещё не у нас, содержатся на перегонах. А мне, господа, доставили сегодня письмо – знакомый офицер из японского плену пишет, что русских в его лагере – представьте!!! -- уже 15 («пятна-а-адцать» - - нараспев повторил, подчеркивая, Самойлов) тысяч человек!!! А лагерей таких, между тем, по слухам, в Японии -- не один и не два! Несоразмерно! Тревожно, господа. Не хотелось бы пускать панику, но бог войны пока не на нашей стороне.

-- Тогда... возможно... это... -- нарочно! Демонстрация народу нашей силы... -- с паузами, тихо проговорил последним приказчик Кайдаков, от смущения растирая пальцами свою недлинную редковатую бородку. (Максим Гаврилин обернулся к приказчику с большим вниманием.) – Везут японцев чрез всю Россию для поддержания... верноподданнических настроений... ну и...предусмотреть волнения!

-- Я, господа, говорил вчера на улице с соседом – у нас на Подгорной, знаете, много живёт жидков, это не то что Миллионная, – с очевидной новой

¹⁵ Ракчеев – граф А.А.Аракчеев, по приказу которого в 1823-1839 годах в Медведе был построен огромный казарменный комплекс. В 19-20 веках в Аракчеевских казармах располагались различные русские воинские части. В 1877-78 годах Аракчеевские казармы в Медведе использовались в качестве лагеря для военнопленных в ходе русско-турецкой войны.

идеей оживлённо заговорил Самойлов. -- Этот, кажется, Додка, Беатус, что разводит у себя на дворе индюков...

— Ещё б не знать! Мы их нюхаем и на Миллионной, -- с ехидцей вставил старый Гаврилин.

-- Индюков, я Вас уверяю, нюхает весь Медведь, до окраин! Тысяча голов птицы – не шутка! Как там сама эта семья живет, непонятно! Мы рядом определённо страдаем. Но знаете – у него голова, у этого Додки. Он ведь получает неплохой барыш -- возит сам мясо в Петербург! Работников притом нет – только семья. Жена его, эта Зинда, Зинка, не поверите -- сама рубит птице головы...

-- Жида в дом никогда не пушу, а на улице переговорить можно. У них башка на деньги повёрнута, -- в том, что касалось денег, старый Гаврилин проявлял гибкость патриархальной медведской идеологии.

-- Вот и я о том же, Козьма Михалыч, -- начал объяснять свою идею Самойлов. -- Этот Додка в своей коммерческой чернокудрой голове уже соображает – что лично он может выгадать от японских пленных?!

Ведь подумать – этакое число -- шестьсот человек! -- а будет, верно, и больше – необходимо кормить, какие-то товары поставлять. Им - - японцам – личные деньги сейчас пойдут как жалованье. У наших там -- уже так! Вот, позвольте, господа, я для примера прочту, что пишет тот мой знакомый офицер из японского плена. Я только сам ещё бегло просмотрел. Позвольте прочесть подряд, без купюр, ежели интересно...

Самойлов достал бумагу из кармана пиджака, и все присутствующие машинально отметили, что пиджак стягивает подмышками, не даёт вольготно двигаться широкому телу его владельца. Многие ещё, чего требовали время и его положение, было Самойлову также неестественно и не шло: тёмная борода, не модным клинышком, как у молодого Гаврилина, а широкой дедовской лопатою, была коротко непропорционально обрезана; усы, втрое толще, чем у Максима Козьмича, приходилось постоянно обкручивать, придавая форму, пальцами; причёска – волосы разделены прямым пробором и гладко зачёсаны к ушам – была одинакова у присутствующих мужчин, за исключением лысоватого приказчика, но делала нелепым лицо только Самойлова; страшно не шёл бы ему новомодный, как у Максима Козьмича, котелок – да он его и не носил, благоразумно заменяя демократическим картузом из добротной ткани. Свободного и потому

красивого в нём были только глаза: окружённые большими, как у детей, ресницами, живые, серые, словно вечно движущаяся чистая река с отражением случайного серого облака. Но именно детский цвет и искреннее выражение глаз контрастировали с тем искусственным, что ему не шло, и делали это искусственное ещё более явным. Истый медведь казался Владимир Назарьевич Самойлов в обществе, и супруга его, модная блондинка Настенька, хотя имела с ним разницу в два года, выглядела на десяток лет моложе...

-- «Я, признаться, был поражён,» -- читал своим густым, тоже медвежьим, голосом Самойлов письмо, -- «но все международные правила к пленным по Гаагской конвенции¹⁶ здесь, в Японии, соблюдаются строго. Кто бы мог ожидать это от такого народа?!

Действительно, каким мы воображали врага ещё недавно, в начале войны?

Прежде всего, на памяти у каждого русского -- несчастье, произошедшее лет 10 тому назад, когда в поездке в эту страну на нашего Государя напал с мечом и ранил островитянин¹⁷. Можно представить -- как сильно должен был ненавидеть нас, русских, тот человек! Какие веские для своего разума причины он имел, чтобы так поступить!!! (Причины, очевидно, выработанные не им самим, не его одиночной головой -- а чувствами и идеями, принятыми во всём или по крайней мере в значительной части его отечества!)

Я убежден, что нашего врага перед войной прямо наставляли ненавидеть Россию и русских. Япония напала на Россию -- нам пришлось ненавидеть японцев в ответ. Вдобавок к тому мы -- и не только непросвещённый народ, а и люди образованные, читающие и мыслящие -- многие представляли жителей этой страны недалеко ушедшими от обитателей «негритянского зверинца»¹⁸ Санкт-Петербурга -- как

¹⁶ Первая мирная конференция в Гааге была созвана в 1899 году по инициативе императора России Николая Второго. Участвовало 26 государств, в том числе Япония. Конференция приняла 3 конвенции: о мирном решении международных столкновений; о законах и обычаях сухопутной войны; о применении к морской войне начал Женевской конвенции 1864 года.

¹⁷ В 1891 году во время посещения Японии цесаревичем, будущим царем Николаем Вторым, на него совершил нападение, ранив цесаревича, полицейский Цуда Сандзо

¹⁸ Имеется в виду «негритянская деревня» (также «этнологическая экспозиция», «выставка людей») -- человеческий зоопарк, распространённый на Западе вид развлечения для широкой публики в 19-начале 20

неевропейский, а потому, по нашему понятию, отсталый народ. И немудрено -- решительно никто не знал – или не интересовался знать -- ничего о них! Самая их внешность была для нас загадкой. Мы с готовностью смеялись над их изображениями, какие с щедростью давали нам наши газеты, журналы, а простому люду – лубочные базарные картинки¹⁹.

Я помню, в начале войны в «Вестнике Европы» и «Русском вестнике» писали, что японцы – это крохотные, вдвое ниже нас, человечки, вчерашние дикари, которые не слишком ещё освоились со штанами; что они поклоняются не Богу, а богопротивным идолам, куря последним под нос зелья; что они безобразны и есть среди них такие, кого легко счесть за обезьян, когда бы не человеческое платье. На лубочных картинках, которые приносила с базара моя прислуга, японцев изображали вчетверо меньшими, чем русских солдат, именовали их «пигмеями-человеками», «желтокожими карликами», рисовали в виде обезьян, собак или имеющими звериные морды.

На лубочной картинке гигант русский молодец Иван Кулак отрывал нос крохотному слабенькому врагу, а тот, японец Сам Со Бака, сидел на пороховом ящике, униженно снося побои и утирая кровавые сопли. Совсем не то оказалось на настоящей войне.

Что лубки – наши генералы в начале войны говорили, что японская армия в силу отсутствия цивилизованности не имеет необходимого порядка, что нескоро она усвоит правила, на которых основывается устройство европейского войска, а потому мы, русские воины, шутя способны справиться с таким несостоящим противником. Ходили слухи, что японские солдаты за плечами носят чехлы без ружей!

Такие шапкозакидательские убеждения сыграли против нас самих. Мы вступили в войну с неизвестным противником, с чёрной тенью, невидимой в тёмной комнате - - забыв славянские легенды о том, что тени способны наносить удар! Тень ожила. Противник на жестокой поверке войны оказался природно храбр, военно организован в неукоснительном подчинении старшим и часто умён и хитёр.

века. Выходцев из Азии и Африки возили по городам, выставляя зачастую рядом с обезьянами. Последняя экспозиция с неграми была показана в 1958 году в Брюсселе.

¹⁹ Лубочная картинка, потешный лист — вид графики, изображение с подписью, отличающееся простотой и доступностью образов. Выполнялся в технике ксилографии, гравюры на меди, литографии. В конце XIX века в России выпускалось ежегодно несколько миллионов лубков на библейские и светские сюжеты.

Храбрость их, как и ненависть ко всему русскому, очевидно фанатичны и происходят от преданности своему императору и Японии. Я лично был свидетелем случая, как матрос-японец, упавший за борт, отбросил трос, который спустили ему с русского корабля по старинному благородному правилу морских войн, и с криком «Банзай»²⁰, обращённым к своей стране, и перекиривленным от злобы лицом отправился на дно к рыбам».

-- Я лишнее читаю, -- стеснённо сказал Самойлов на этом месте. – Я не то хотел... Но, впрочем...

-- Нет, интересно!!! – с чувством отвечал Максим Гаврилин. – Это ничего, читайте всё, да, господа???

Самойлов продолжил.

«Но главным для нас удивлением оказалась встреча с благородством японцев (свойством, согласитесь, уже точно никак не могущим быть приписанным дикарям!).

Известно стало, к примеру, что, согласно тем же старинным правилам чести, японцы спасали русских, тонущих в море, с потопленных кораблей. Доктора их оказывали нашим пленным лечение. Мне рассказывали, что при спасении команды одного из наших затонувших кораблей японцы, помогая пленным всходить по трапу, отдавали им честь. В газетах читал я о случаях, когда враги, найдя при наших убитых офицерах и нижних чинах (погребенных японцами) деньги и ценные предметы, пересылали их в Россию, тщательно уложенными, с описью и указанием места погребения владельца.»

-- Ишь ты, блаародство! – резко крикнул старик Гаврилин, который давно уже ёрзал на стуле, – А убивают оне тоже блаародно? -- миль пардоньте²¹, ну-тка, не шевелись минутку, сударь, я вам, тово-с, немножко башку снесу, а потом вещички ваши домой отправлю! (Он закривлялся.) С почтением-с!

-- Думаю, им приказ такой дан... -- сказал Кайдаков, и молодой Гаврилин придвинулся к приказчику, чтобы хорошо расслышать. – Это --

²⁰ «Банзай» (яп.) -- традиционное пожелание долголетия, может переводиться как «Да здравствует...»

²¹ Искж. Франц. *«mille pardon»* («тысяча извинений»)

проходной билет в Европу. В цивилизованный мир. Как, знаете, японцы себя сейчас покажут, так к ним вперёд и будут относиться...

-- Это правда! Это правление Мэйдзи²²!-- восторженно подхватил молодой Гаврилин -- Я читал! Представьте -- ... Хотя нет! Я лучше позже скажу. Читайте, читайте!!

Самойлов продолжил:

«Те же правила цивилизации соблюдаются и в отношении содержания в Японии русских пленных. Нас не только не утесняют, но и как будто стремятся показать всему миру (в нашем лагере часты некие инспекции посетителей европейского вида под руководством японских начальников), что всё здесь исполняется по прописанным и негласным законам джентльменской войны.

Возможно, лагерь наш является показательным, демонстрационным; может быть, что в других лагерях нет точно такого порядка. Но я опишу, как устроено у нас.

Лагерь наш сами японцы называют приютом. Мы, офицеры, имеем каждый отдельную комнату, гуляем беспрепятственно в саду, в нашем распоряжении -- бильярд и теннис. Несколько офицеров для уюта завели канареек и домашних зверушек; к одному с тою же целью приехала на жительство по разрешению японского начальства супруга из России. Нижние чины от скуки приохотились к домашней игре в карты и местным боям пауков, которым их обучили японцы (за огромными пауками далеко ходить нет нужды, их ловят прямо на дворе) -- оба увлечения предсказуемо ведут к вынужденным подаркам личного имущества выигравшему. Но осудить их я не могу: лишение свободы, как всякая житейская буря, открывает, будто отлив морские низы, самое дно души человека и лежащее там постыдное или великое. Один из офицеров, Алексей С.²³, открыл в лагере школу с тем чтобы обучать неграмотных нижних чинов письму и счёту, а также отвлечь их от дружбы с пауками и картами. Из офицеров есть те, кто пытается разобрать японский язык самоучкою по приобретенным книгам, но преуспели в этом немногие.

²² Правильно эпоха Мэйдзи — период в истории Японии с 1868 по 1912 год, когда императором был Муцухито или Мэйдзи. Последнее имя переводится как «просвещенное правление» и является девизом правления Муцухито.

²³ Офицер Алексей Саранкин в лагере для военнопленных Нарасино

Поговаривают, что скоро нам разрешат брать внаём жилье в селении.

Мы получаем от русского правительства ежемесячное жалованье в 50 рублей (нижние чины также, но в меньшем размере). Деньги эти весьма кстати уже потому, что порции еды подают крайне скудные, а сама пища для русского человека непривычна.

Японцы и сами едят мало – это в национальной привычке, верно, оттого они так худы и низки ростом – и, думаю, то же, что дают нам. Представьте: каждый день -- овощные супы странного вкуса (некоторые прямо внушают отвращение) и сарачинское пшено²⁴ -- рис, к которому добавлены крохотные кусочки мяса или, чаще, рыбы. Но как же русскому человеку без картошки, сала, мяса да квашеной капусты, а пуще всего -- чёрного хлеба!?? Японцы не знают ржаного хлеба, а едят белый, рисовый, в виде лепешек. Наши солдаты решительно не могут свыкнуться с указанными неудобствами, как, впрочем, и с непонятным для них зубным порошком, каковой японцы выдали им в первый же день вместе с зубными щётками и прочими гигиеническими предметами.

Не могу сказать, какими путями добыли ржаную муку, но в лагере нашем уже налажена выпечка чёрного русского хлеба! Делают его хлебопеки из числа наших пленных, также из наших выбраны повара и кухонные рабочие. Я сговорился с поваром, чтобы он готовил мне прибавку к столу и чай. Мяса, таким образом, у меня больше, но я скучаю по картошке, здесь, кажется, неведомой.

Говорят, что кому-то в лагере уже доставляли подлинную русскую «смирновку». (Есть и поддельная, изготавливаемая японцами, отличить её просто -- на этикетке написано «у Чуиуннаго моста»²⁵.) Видал я ранним утром неподалёку от лагеря и прелестное создание с высоко убранными чёрными волосами, в пёстром платице с широким поясом и необъятными рукавами, белых носочках и стучащих деревянных сандалах, прикрывавшее личико жёлтым шёлковым зонтом. Ростом сия милая особа была столь мала, что, мне

²⁴ До 1870-х рис в России назывался сарацинской пшеницей или сарацинским зерном. В народе было известно название «сарачинское пшено». В конце 19 века его стало заменять слово «рис», пришедшее из немецкого языка. Слово стало распространяться, так как с постройкой Транссибирской железной дороги (1901г) в Россию массово стал ввозиться рис, хотя в то время он был еще дорог.

²⁵ Винно-водочный завод и винная лавка П.А.Смирнова с конца 19 века располагались в Москве у Чугунного моста. С целью рекламы Смирнов размещал картинку с Чугунным мостом на этикетке и делал подпись «У Чугуннаго моста въ Москвѣ».

представляется, ежели бы миниатюрист ²⁶ вздумал писать с неё портрет, она вся, со своими носочками и сандалами, поместилась бы целиком в медальон... Кажется, всё, что можно иметь для своего удобства в плену, здесь можно добыть... Но как же тяжёло мне здесь каждый восход солнца!

Я много размышляю, какие странные отношения сложились у нас с местным населением.

Кажется, мы (и они) должны ненавидеть друг друга даже более, чем на войне. Ведь мы (и они) наблюдаем каждый день -- не издали из окопов или с берега моря -- а близко, перед собою, почти смешивая наши дыхания, -- представителей народа, убивающего, быть может, в эту самую минуту наших соотечественников. Кто знает -- вдруг сам я убил на войне кого-то -- мужа, сына -- вот этой старушки, продающей мне с любезною улыбкою японский веер, который я чаю²⁷ привезти когда-нибудь моей милой Катеньке? Что ежели сын или муж этой японки убил моего сотоварища по полку?

Но за что же мне ненавидеть эту старушку, всех этих мирных крестьян? Я наблюдаю их во время дозволенных выходов в поселение.

Они, очевидно, бедны, ибо как иначе объяснить то, что они объединились вокруг нас -- повторяюсь -- врагов своего отечества -- чтобы всячески угождать нам, имея от этого денежную пользу?

Их число значительно прибыло со времени нашего появления здесь. Стоит выйти за пределы лагеря -- и целая их толпа окружает вас. Они не смотрят вам в глаза, но непременно улыбаются и кланяются. Один, склоня голову, протягивает вам веер из бамбука -- это здешний род соломы -- украшенный перломутовыми вставками²⁸. Другой принёс для продажи обувь европейского образца -- он выучился её шить специально для русских пленных. Для нас приготовили искусно обработанные панцири черепах, безделки из слоновой кости, лаковые миниатюры, шелка, вышивки, коробочки... И мы берём все это, берём от скуки и чтобы одарить наших домашних, когда -- когда-нибудь -- окончится война...

Коробочки -- пустяк, иной местный житель готов за деньги везти меня прямо на себе -- запрягшись на манер коня в коляску и взявши в руки

²⁶ Миниатюра (устар.) -- искусство рисовать красками самые малые предметы

²⁷ Чаю (устар.) -- надеяться, ожидать с нетерпением, мечтать

²⁸ Перломут (устар.) -- перламутр, внутренний слой раковин пресноводных и морских моллюсков.

оглобли! Таков вид извоза, распространенный в Японии, оттого, как я понимаю, что содержание лошади стоит дорого.

Человек-лошадь с соломенной тарелкою на голове – защитой от солнца – столь малый ростом, что еле дотягивает макушкою до высоты коляски, берёт с меня деньги и, не глядя мне в глаза, низко кланяется и улыбается мне, как и другие. Но я уже понимаю, что и улыбка, и поклон – вовсе не знаки раболепия или, тем паче, расположения ко мне. Это в национальном японском обычае, принято вместо изустного «благодарю» или, при встрече, европейского пожиманья рук. А что на деле думают мой человек-лошадь, обувной искусник или дока черепаших панцирей – я не знаю. Быть может, каждый из них, как тот японский городской, ранивший 10 лет назад нашего Государя, хранит и для меня за пазухой свой меч...»

-- Ай-яй, я расплакался, -- сардонически сказал старик Гаврилин. – А пошто ж эти мо'лодцы с плена не бегут? А? И как дали себя взять – русские герои??? Честь – в коробочку с перломутами сложили?

— А чем им там плохо? – возразил Самойлов. -- Согласно Гаагской конвенции 1899 года к военнопленным следует относиться, как к солдатам собственного государства! У них и свое японское постановление принято, пишет мой офицер. Сейчас найду... «Свободное исполнение обрядов богослужения... Собственность пленных, за исключением оружия, лошадей и военных бумаг, неприкосновенна... Разрешено пользоваться почтой и телеграфом с согласия начальства лагеря... Военнопленным разрешено выходить за пределы лагеря при даче честного слова не совершать побег...» Ну вот и не бегут потому – слово же честное дали!!!

-- Кому дали? Нехристям?! -- Козьма Михалыч покраснел. – И кто – я – я!!! - - русский купец первой гильдии – ты, может, думаешь, стану убийцам, – старик махнул дрожащей рукой к окну, – хлеб-соль подносить? Выкусите!- - крикнул он окну. – Нет, не моё это дело. И не ваше, - - строго обратился старый Гаврилин к сыну, минуя взглядом Самойлова. -- Вон кто, – старик показал через дорогу на вывеску «ТРАКТИРЪ А. БЪЛОВА. Съ продажею крѣпкихъ напитковъ распивочно и навыносъ», -- пускай на заморских чертях наживается! Да жидки им девок доставляют... под зонтиками. А наше дело –

сторона. И не гляну на желтолицых! Тьфу! Нешто им дозволят по селу шляться, по одной дороге с православными? Срам!!!

И старик демонстративно заговорил с сыном о делах, взяв его за плечо и уведя в лавку.

-- Да ничего особо не переменится, -- утешительно сказал приказчик сконфуженному Самойлову. -- Будет как когда у нас – помните? -- до войны свой гарнизон в тыщу голов в Аракчеевских стоял. И ничего особого! Только солдатики раз парни сильно побили. Он в конец села к девкам пьяный зашёл.

И потише добавил:

-- А всё ж то наш был солдатик...

2.

Как дали взять себя в плен русские герои? Оставшийся без ответа вопрос старика Гаврилина вспомнился вечером Максиму Козьмичу.

Славно было на той половине дома-корабля, что выходила на Миллионную! Соседняя половина, глядящая на церковь Святой Троицы, была тёмною, с плотно занавешенными и днём окнами, с окрашенными коричневой краскою стенами, на которых в изобилии помещались древние иконы, в дорогих ризах, с худыми, измождёнными ликами и благословляющими двоеперстиями²⁹, тускло освещаемые мутными тяжёлыми лампадами.

Массивный буфет в столовой – царь прочей тяжелой старинной мебели – отнюдь не являл образец модного псевдорусского стиля, рекомендуемого журналом «Зодчий», а был совершенно натуральным образом старше своих хозяев. В этой половине жили Козьма Михалыч и староверка Мария Евграфовна.

²⁹ У старообрядцев принято креститься и благословлять не тремя перстами, как у православных христиан после церковной реформы 1650-1660-х гг., а двумя. На некоторых православных иконах Христос и святые благословляют крестным знамением двумя перстами. Хотя большой Московский собор 1667 г. утвердил такое благословение на иконах как особый вид, не относимый к двоеперстию, староверы считают такие иконы доказательством правильности своих убеждений.

Другая же половина дома, на Миллионной, была отделана в стиле модерн – таком же модном и молодом, как и её владельцы - - Максим и Сонечка. Здесь были светлые стены, легкие занавеси, много пространства с овальными вазами и картинами в золоченых рамах (не хватало лишь статуэток: ни новомодного скандального Родена, ни древнегреческих неодетых богов и аллегорий не стерпела бы Мария Евграфовна). В малиновой гостиной с алым персидским ковром жило фортепьяно, а мебель, руководимая венскими стульями, поставила своей задачей вовсе не иметь углов.

-- Милый, скажи, зачем война? – спросила Сонечка Максима в спальне, освобождая перед ночью свои длинные чёрные волосы от шпилек.

Тут Максим Козьмич вспомнил и вопрос отца, и то, что сам он знал и так и не рассказал утром сотоварищам про эпоху Мэйдзи. Ни секунды не сомневаясь в том, что жена поймет его, Максим Козьмич воодушевился и начал – ходя туда-обратно по комнате и маша руками -- рассказ о многовековой закрытости Японии от мира, о том, как новый недавний тамошний император открыл границы, ввёл демократический учёт общественного мнения, переменял лунно-солнечный календарь на григорианский «и пожелал жить на манер Европы, России и Америки, но сохраняя японские обычаи.»

-- Тогда зачем же он с нами воюет? - - спросила Сонечка.

-- Он -- не с нами... То есть с нами, но не против нас, а за... Ах, Софи, это сложно!!! Видишь ли, это даже не русская территория и не японская, где война! Мы сражаемся на территории -- Китая и Кореи! Я сейчас карту...

-- Не надо карту! Ты покажи: вот, – Соня взяла розу из стоявшего на столике букета, – это будем мы, Россия. А это, – она вынула из букета лилию, – Япония, -- и Сонечка положила цветки на покрывало кровати.

-- Тогда надо так... -- Максим достал из портмоне золотые пять рублей и положил монету между цветками. – Золотом будет Корея. Но нужен третий цветок! Я возьму гвоздичку. Эта гвоздика - - Китай.

Видишь ли, лет 10 назад была японо-китайская война. (Максим придвинул золотую монету от гвоздики к лилии.) Япония победила, и добилась отказа Китая от всех прав на Корею, да ещё получила китайские

Ляодунский полуостров и Манджурию³⁰. Был подписан договор. Но России, Германии и Франции это не понравилось. Мы имели свои интересы в Китае. И мы, три европейские страны, добились отмены договора. Япония -- отказалась от Ляодунского полуострова. (Максим передвинул золотую монету обратно к гвоздичке.) Он снова стал китайский. За это Китай, кстати, заплатил Японии миллионы. Но японцы все равно затаили на нас обиду. А лет пять назад Китай отдал кусок Ляодунского полуострова России в аренду на 25 лет. Он в море выходит, там порт Порт-Артур, он не замерзает зимой, и для нас важен. (Монетка двинулась к розе и остановилась на полпути.) Нам разрешили к Ляодуну провести ветку от нашей Транссибирской железной дороги. Потом, у нас есть русские лесные концессии (Максим заметил, что Сонечка прикрыла рот рукой, подавив зевок.) – это такая форма государственно-частного владения – в Корее. (Он еще чуть придвинул монетку к розе.) Сделан был договор, по которому Российской империи дали право держать войска в Северной Корее, а Японии – в Южной Корее. Но год где-то тому назад Россия направила крейсер «Варяг» и канонерскую лодку «Кореец» в порт Чемульпо – нейтральный, там и английские корабли стояли, и французские -- но в Южной Корее. К тому же наш флот ввели в Китае в Порт-Артур – ну, на это-то мы имели полное право, ведь мы арендуем Ляодун, я говорил. И японцам всё это вместе ну никак не понравилось!

-- А корейцам и китайцам? - - спросила Сонечка.

Вопрос супруги поставил в тупик Максима Козьмича. За Соней такое водилось. Кажущаяся пассивной, неторопливая в движениях Сонечка имела живой ум – тем и близка она была энергичному Максиму.

-- Душа моя, ты – ангел! - - сказал Максим, целуя жену в лоб. – Но видишь ли... Не получили бы Ляодун и Северную Корею мы, туда пришли бы англичане или немцы. Бывают страны, которые служат монетой. Это -- политика...

-- А ты вообрази, что ты, я и... наши дети живут в стране, которая служит монетой.

-- Ну, к счастью, этому не бывать. А детей у нас ещё нет! Или ты хочешь?

³⁰

Устаревшее название Маньчжурии

Пропуская прядь чёрных волос Сони через свои пальцы, Максим успел подумать: «Отчего им не сдаваться в плен? За что мы воюем? Ведь не пленным и не убитым достанется золотая монета...»

В другом доме, на улице Подгорной, в спальне супругов Самойловых лежал неспящий и грустный Владимир Назарьевич. Отвернувшись от него, улыбалась во сне модная блондинка Настенька. Ей снились красивые глаза английского офицера...

3.

-- Ребя, айда за падалицей! У Евдохина насыпало - - мостом лежит!

Такими заманчивыми предложениями главарь медведской ребятни, девятилетний озорник Захарка в воскресное утро приглашал своих друзей в сад Михаила Евдохина за яблоками.

Несчастье Евдохина, вольного крестьянина, переехавшего в Медведь из Эстляндии³¹ лет 30 назад³², да так и оставшегося в людской молве эстляндцем, состояло в том, что рядом с его домом была школа. Евдохин выбрал не самый лучший дом из-за богатого яблоневого сада и посадил ещё любимые свои сорта, в числе которых была королева северных яблонь -- прибалтийская³³ папировка³⁴ с яблоками цвета белого янтаря -- не зная того,

³¹ Эстляндия или Эстляндская губерния — одна из трёх губерний Прибалтийского края Российской империи. В настоящее время почти на всей территории бывшей Эстляндии находится Эстония.

³² В 1816—1819 гг. крепостное право было отменено в прибалтийских (остзейских) губерниях Российской империи (Эстляндия, Курляндия, Лифляндия, остров Эзель). Крестьянам этих губерний была предоставлена личная свобода, но без земли. Это стало первым шагом одобренного Александром I проекта А.А.Аракчеева о постепенной ликвидации крепостного права.

³³ Прибалтийский край в начале 20 века — часть территории Российской империи, состоявшая из трёх губерний — Эстляндской, Лифляндской и Курляндской

что через несколько лет, в 1879-м, на месте соседней пустоши построят школу, министерскую, кирпичную, двухэтажную, с большим двором, имеющим общий забор с его садом.

Четверть века с той поры каждый август был для Евдохина страданием. Первые поколения школяров лазали к эстляндцу через забор за отменными яблоками. Потом его яблони разрослись, и ветки их, отрицая всякие законы собственности, дружелюбно перевесились чрез ограду в школьный двор. Задача упростилась: ученики обирали ветки и подбирали паданцы на своей территории, но Евдохин не меньше прежнего ругался и ходил к заведующему школой с требованием кары преступникам. Соседи советовали Евдохину обрезать убежавшие ветки, но домовитому эстляндцу до смерти было жалко яблок, и он продолжал мучиться.

Обычно Евдохин нёс караул у окна, выходявшего на школьный двор, или же сидел в засаде на своих маленьких заклятых врагов в кустах малины у заветных яблонь с длинной палкою в руках, чтобы тыкать этим оружием через дырки в заборе в покушавшихся на паданцы. Но в это воскресенье набожный Евдохин, как и многие медведцы, отправился в церковь Святой Троицы.

Были там и Захарка, и другие мальчишки со своими семьями. Но благоразумие и любовь к ближнему, каковые носились над непутёвой Захаркиной причёсанной воскресной головою во время службы, улетели с первым уличным ветерком, едва сорванец выскочил за церковную ограду.

Тут у Захарки и созрел преступный план, основанный на проверенном им факте, что неторопливый Евдохин ещё был в церкви...

...После службы вышел из церкви Святой Троицы и учитель Александр Петрович Калядин.

Душа педагога, размягчённая тёплыми огоньками церковных свечей и благостным хором, в котором так хорошо сегодня пели и его лучшие ученики-мальчики, нечаянно устремилась туда, где ей надлежало быть. Калядин зашагал по Подгорной улице к школе. Александр Петрович был немного оригинал и в тёплое время всегда ходил в русском костюме. Сегодня он тоже вышагивал по улице в неизменных вольных брюках и белой косоворотке с русским узором, подпоясанной чёрным кушаком с длинными

кистями. Встречные бабы кланялись ему, мужики с поклоном снимали шапки. 35-летний Калядин получал внимание едва ли не большее, чем заведующий школой: Александр Петрович был не только уважаемым учителем, но и зятем одного из богатых местных купцов, Михеева.

Ничего конкретного стремление Александра Петровича зайти в школу не содержало, но, как оказалось, душа его почуяла неладное раньше, чем это увидели глаза.

Как птички от собачьей миски, порскнули, завидев учителя, входившего в калитку, из школьного двора несколько мальчуганов и взлетели на невысокий забор, мгновенно за ним исчезнув.

Тут подоспел в школьный двор и Евдохин. Эстляндец поднял такой шум, что несколько любопытных лиц прохожих тоже начали заглядывать за калитку.

-- Наказать! Наказать по всей строгости, лишить права ходить в школу! - - шумел Евдохин. -- Что же это, Алексан Пиотрович? Ведь им, паршивцам, школа дадена! И Закон Божий, и считать, и писать, и про историю с геарафией какой-то после уроков кричат, и поют под скрипку - - господин заведующий лично играть изволит, я каждый Божий день слышу -- и солдатик отставной упражненьями их занимает во дворе, -- шумят-топочут, негодники -- и ремеслу их столяр и токарь учат! Да притом всех в школу берут -- всех: и деток жидов, и раскольников (Евдохин перекрестился тремя перстами) и даже девочек! Деньги на их дают министерство³⁵, земство³⁶, село наше дает. А у земства денежки откуда? С нас, с нас копеечку собирают (у Евдохина навернулась слеза). Эх, нам бы такое учение -- в наше-то детство! Сколько неграмотных старых в селе!

-- Ну, Вам-то грех жаловаться! -- сказал Калядин. -- У вас в Эстляндской губернии процент грамотных -- из самых высоких в России.

³⁵ Министерство народного просвещения основало школу в Медведе в 1879 году по ходатайству крестьян

³⁶ Зёмства — выборные органы местного самоуправления в Российской империи. Действовали на уровне губернии, уезда. Были введены в 1864 году с целью вознаградить дворян за потерю помещичьей власти, предоставив им первенство в местной хозяйственной администрации. Земствам было дано право облагать население уездов сборами и повинностями на земские нужды (строительство и обустройство школ, благотворительность, медицинскую помощь, устройство дорог и мостов).

Ни крики яблоневладельца в школьный двор заглянула одна из хороших и самая маловозрастная ученица Александра Петровича – восьмилетняя Шурка Орлова. Девчушке стало жаль Евдохина.

-- Дяденька Евдохин! А дяденька Евдохин! Давайте я Вам паданцы-то назад за забор перекину!

Евдохин с подозрением осмотрел Шурку. Девочка в светлом платьице, косичка, платок на голове, глаза ясные.

-- Даю Вам на Шуру лучшую рекомендацию, -- успокоил эстляндца Калядин. – А с учениками я поговорю.

Учитель скрылся в здании школы, а Шурка под надзором сложившего руки на животе эстляндца принялась перебрасывать яблоки за забор к дому Евдохина.

-- Всё им дадено... -- ворчал старик. – Ты аккуратнее, не побей. Всё дадено, за всё плотют... Вот ты, девочка – знаешь, кто за твою школу плотит?

-- Мама с батей.

-- Я!!! Я за тебя 20 копеечек в год денежку сдаю! И всякий крестьянин волости! Министерство за вас плотит, село дает... А скока ж за тебя мамка с батей плотют?

-- Шесть рублей в год, мама сказывала.

-- Шеэ-сть?!!! Это ж с вас как с разночинцев, иначе! И скока ж твоя мамка на льнозаводе у Самойлова получает?

-- 15 рублей в месяц, дяденька.

-- Пятна-адцать... -- эстляндец задал своему уму какую-то задачу и начал бормотать. – Прислуга Самойловых – 8 рублёв в месяц, Алексан Пиотрович... Алексан Пиотрович сказывал, получает 360 рублёв... так это ж в год... Девочка!

-- Чего, дяденька Евдохин?

-- Девочка, посчитай-ка мне. 360 рублёв в год подели, скока это рублёв в месяц?

Шурка некоторое время думала и сказала:

-- Тридцать, дяденька.

-- Ты кидай, кидай. Значить, Алексан Пиотрович 30 рублёв в месяц. Притом... Притом... Фунт³⁷ мяса – 60 копеек... Фунт масла – 40 копеек... Мешок картошки – рубль. Притом... Притом... Фунт ситного – 3 копейки... Ведро водки -- 4 рубля... Притом... Притом... К дохтуру сходить – 20 копеек...

Видно было, что Евдохин запутался.

Шурка перебросила почти все яблоки.

-- Дяденька Евдохин! А ты мне дашь за работу для сестренки Лизы яблочек?

Евдохин замолчал, втянул сморщенные губы и застыл, так что на полминуты его губы вдруг совсем исчезли.

-- Ладно. Можешь взять себе... одно яблочко. Вон то, маленькое, с пятном.

Шурка разогнулась с последней грудой яблок в подоле платьяца. И... побежала с захваченной добычей за калитку.

Евдохин оторопел. Смеялись за калиткой прохожие.

Переложив яблоки в снятый с головы платок и завязав его в узелок, Шурка понеслась домой. Дома она отдала матери яблоки и сказала, что это – плата за её работу у дяденьки Евдохина. Она ещё успела понынчиться с годовалой сестрой, пока вдруг не увидела в окно подходившего к их дому эстляндца. Так и не успев переодеться, в светлом выходном платье Шурка вылетела за порог, перелезла через изгородь в соседский огород и двор и через пять минут уже была на конце Подгорной, на выходе из села.

Пленные японцы прибыли около недели назад в Медведь следующим путём. Выгрузившись из вагонов на ближней железнодорожной станции Уторгош, их строй 14 вёрст³⁸ шёл до деревни Старый Медведь и далее добирался еще полторы версты: на выходе из Старого Медведя миновал гордость медведцев -- железный Владимирский мост через реку Мшагу;

³⁷ С 1899 года русский фунт был равен 409,5 г

³⁸ Приблизительно 15 километров

спустившись с моста, попал на первую улицу села Медведь - - Подгорную; пройдя по Подгорной, на перекрёстке у дома-корабля купца Гаврилина завернул налево на улицу Миллионную и по ней дошел до конца села до Аракчеевских казарм.

Провинившаяся Шурка бежала сегодня в обратную сторону. Деревянный домик её родителей стоял на центральной площади близ особняка купца Гаврилина. Девочка от площади повернула на улицу Подгорную и, пробежав последний дом села, остановилась у Владимирского моста.

Она остановилась так внезапно, что глотнула воздух со слюной и закашлялась. В небе дёргался на ветерке воздушный змей. Тот, кто бежал с верёвочкой, был скрыт прибрежными кустами.

-- Захарка! - - позвала Шурка.

Змей упал. Из-за кустов вышел, улыбаясь, держась от нее на расстоянии и кланяясь ей, девчонке, смуглый черноволосый взрослый человек.

-- Ой, матыньки! – охнула Шурка. – То ж ипонец!

И она, махнув вперёд обеими руками, развернулась бежать обратно, к родному Евдохину.

Но, отбежав чуть-чуть, Шурка остановилась. Ей стало любопытно, да и японец не сделал ни шага навстречу.

-- Здоровы будьте! – сказала с испуга Шурка японцу.

-- Кон-ни-чи-ва! -- отозвался японец и снова поклонился.

-- Конь ничево, -- засмеялась Шурка. – Смешно ты, дяденька, говоришь.

Она ощутила некоторое покровительственное чувство к человеку, который не умеет говорить, как все.

-- Я, дяденька, Шура. Шу-ра, -- сказала она, прикладывая ладошку к своей груди.

-- Ясуо Сато.

-- А я Шура зато!

Они вместе посмеялись, не зная чему.

-- Давай ты дядя Яша будешь. Согласен? Я-ша! – сказала Шурка, показав на японца.

-- Ясуо! – улыбнулся японец. Он сделал два шага вперед, положил змея на землю и отступил в кусты. Шурка взяла змея:

-- Это мне? Спасибо!

-- До итасимаситэ³⁹!

-- А по-нашенски: до -- свиданьица! – и Шурка с подарком помчалась в село по Подгорной, раздумывая, где бы ей взять красок. Змей был чёрно-белый, сделанный из странных газет, где напечатаны были не буквы, а закорючки и чёрточки, изображавшие, как увиделось Шурке, домики, человечков, деревья и зверей.

4.

В то же воскресенье вечером многие медведцы вышли на улицы села. Главным местом прогулок считался бульвар в его конце, упиравшийся в плац⁴⁰ Аракчеевских казарм. Сегодня на бульваре самыми заметными смотрелись, несомненно, гулявшие вместе пары Максима Гаврилина с Сонечкой и Самойлова с Настенькой. Сельчане глазели главным образом на госпожу Самойлову.

На Настасье Яковлевне с белой блузой было надето чудо-чудное. С длинной синей юбкой неведомый портной сделал что-то, отчего она стала походить на мужские брюки. Внимательный взгляд мог определить, что для каждой стройной ножки Настасьи Яковлевны полагалась своя широкая юбка со складкой-стрелкой; чуть выше колена эти две полуюбки соединялись между собою.

³⁹ Не за что (яп.) – вежливая форма ответа на благодарность

⁴⁰ Плац -- площадь на открытом воздухе для военных смотров, строевых занятий, парадов

Не успели прохожие надивиться на первую в Медведе юбку-брюки госпожи Самойловой, не успели ещё составить своё отношение к этой смелости, как их терпимости представилось новое испытание. На бульваре показалась впервые вышедшая из казарм на прогулку группа пленных японцев.

Японцев было пятеро, все – в фуражках, тужурках⁴¹ с выглядывавшими белыми воротничками, брюках и ботинках; в руках почти все держали тросточки. Вся верхняя одежда -- тёмного цвета. Ростом невелики, но осанка прямая и что-то особенно уверенное, крепкое в постанове головы.

-- Офицеры, -- шепнула Соня Настеньке. Но Настины глаза напрасно искали другого офицера. Того, кто пока не возвратил ей оброненный с балкона платок...

Прохожие останавливались поглазеть на пленных. Максим Козьмич вспомнил, как батюшка его не желал ходить по одной дорожке с японцами. Он обернулся посмотреть – нет ли, на грех, на бульваре Козьмы Михалыча.

Оказалось, однако, хуже. К бульвару со стороны Миллионной подходил местный черносотенец⁴², тот самый Тришка, который при входе японцев в Медведь сулил сельчанам, что они увидят у пленных собачьи морды и обезьяньи хвосты.

Для благополучного, а потому по крупному счёту законопослушного медведского народа Тришка, сорокалетний мужик, которого, однако, никто, кроме полицейского урядника, не помнил фамилии и отчества, был то, что называют «в большой семье не без уроды». Тришка имел худой огородишко при таком же худом доме. Трудовая деятельность его заключалась в том, что он раскидывал по селу откуда-то взятые им печатные листовки «Бей жидов, спасай Россию» и кричал в подпитии соответственный лозунг. Патриотические убеждения Тришки имели свою летопись -- медведский полицейский урядник по прозвищу Коля Курносый регулярно доставлял начальству следующие донесения: «праздношатался ночью с пением нецензурных песен и сквернословием», «бросал камни в окна жителей жидовского происхождения», «совершил причинение домашнему животному

⁴¹ Тужу́рка (от фр. toujours — «всегда», досл. «все дни») — форменная куртка, обычно двубортная, короткая, с застёжками, воротником и длинными рукавами.

⁴² Черносотенцы — представители крайне правых организаций в России в самом начале 20 века, выступавших под лозунгами монархизма, великодержавного шовинизма и антисемитизма.

жида Додки Беатуса напрасных мучений», «мазал ворота дёгтем жительнице Екатерине Курочкиной⁴³», «приставал к прохожим на улице с требованием у тех денег на водку с угрозами избиения», «дрался с истреблением имущества», «причинил вырывание с корнем цветов и овощей без использования оных», «сломал почтовый ящик» и т.п.

Увидев японцев, Тришка разболтанным шагом подошел ближе, плюнул на землю и сказал громко, обводя глазами прохожих, как циркач обводит взглядом публику:

-- А хвосты-то иде? Спрятавше под штана/м?

Несколько мужиков засмеялись. Японцы вынуждены были остановиться, так как Тришка заградил им путь.

-- «Вр-рагу не сдаё-отси наш гордый «Варяг»,

Пощады никто ни жела-и-ит!» – затянул дурным голосом в лицо японцам Тришка. Он прыгал вокруг японцев и продолжал песню, перескочив через куплет и сделав голос из дурного патетическим:

-- «Из пристани верн-а-ай мы в битву идем,
Навстречу грозящей нам смерти-и,
За Родину в море открытом уmrё-ом,
Где ждут желтолицые че-ерти!»⁴⁴

При слове «черти» Тришка ткнул в воздухе пальцем в японцев. Лица японцев оставались бесстрастны, у прохожих же выражение лиц постепенно менялось из любопытного на серьёзное.

В конце песни, на словах «Лишь волны морские прославят вовек Геройскую гибель «Варяга»!» лица некоторых прохожих стали почти столь же мрачны, как физиономия исполнителя. История крейсера «Варяг» была известна каждому. Прошедшей весной в газетах печатали фотографии героев, которым в первый день войны 27 января⁴⁵ японцы предложили безопасно

⁴³ В дореволюционной России в крестьянской среде был распространен обычай мазать дегтем ворота, дверь или крыльцо дома, где жила девушка, вступившая в интимную связь до брака. Для семьи девушки это было серьезным оскорблением.

⁴⁴ В годы Первой мировой войны (1914-1918 гг) из песни о «Варяге» был удалён этот куплет, так как Япония в этой войне была уже союзницей России.

⁴⁵ 9 февраля по новому стилю. До 1918 года в России действовал юлианский календарь, после и до настоящего времени – григорианский календарь.

покинуть нейтральную корейскую бухту Чемульпо, но моряки «Варяга», равно как и канонерской лодки «Кореец», направились к осаждённому японцами Порт-Артуру, чтобы вступить в неравный бой с целой эскадрой. В конце этого боя те русские, кто остался в живых, затопили свой пробитый «Варяг» и взорвали «Кореец», чтобы они не достались врагу. Грамотные медведцы тогда, весною, читали вслух односельчанам газетные отчеты о почётном следовании моряков, выживших в бою, через города Российской Империи, о торжественном приёме моряков «Варяга» и «Корейца» государем Николаем Вторым в Зимнем дворце и о том, как на этом приёме впервые была исполнена знаменитая теперь песня о «Варяге».

-- Как Вам не стыдно?!!

Тришка с тупым удивлением и ещё воздетой к небу рукой обернулся.

Недалеко от него стояла невысокая девушка с тёмно-русой косой, в шляпке не пышной, как у богатых дам, а с небольшими полями, в аккуратном коричневом костюме – жакет и юбка, мягко облегающая тоненькую фигуру и расклёшенная книзу. Одежда курсисток и учительниц.

-- Ой ты! Надька Карпова, што ль, приехавше?!

-- Я Вам не Надька, а Надежда Васильевна. К Вашему сведению, я окончила в Петербурге гимназию, готовящую к учительскому званию. И с осени буду в школе Медведа учительницей.

-- Ну и чё те нать, Надь? (Мужики вокруг засмеялись.) Ой, Надька-учителка! (Тришка, нарочито шмыгая носом, с издёвкой поклонился.) И чё ты -- можа, мне прикажешь -- с ими чикацце⁴⁶? (Голос Тришки посуровел.) – С ими - - врагами Отечества? Иль ты не знашь, чё оны⁴⁷ с нашими мужиками на войне вытворявшие? Я дак думаю – каменюгами их закидать -- и на крестовые⁴⁸! А, не, оны ж нехристи! Тада -- связать – и в омуток!

Мужики из прохожих подошли ближе к Тришке, оглядывались друг на друга, кое-кто согласно кивал головою.

⁴⁶ Чикацця (шимск. диалект.) - - церемониться, проявлять мягкость

⁴⁷ Оны (шимск.диалект.) -- они

⁴⁸ Крестовые (шимск. диалект.) -- кладбище.

-- Дело сейчас не в том, что делали они, -- просто сказала Надя. -- А в том, что делаете Вы. Вы -- нападаете на беззащитных. Тех, кто не может ответить. Это подло.

Тришка вдруг отступил и сделал вид, что прохаживается по бульвару. Мужики вокруг него начали расходиться. Надя, не понимая, обернулась -- и увидела за своей спиной урядника Колю Курносого, рассерженного и помахивавшего нагайкой⁴⁹.

-- Спасибочки Вам, Надежда... -- урядник забыл её отчество. -- Мне тут еще политического дела не хватало! Стоять, шиш болотный! -- и урядник скорым шагом припустил за уходившим Тришкой.

-- Хорошо, что Тришка -- дурак, -- сказал Самойлов своим спутникам.

-- Да, -- согласился с другом Максим Козьмич. -- Толпа -- это пёс. Умей сказать ей «ату»⁵⁰, и она перекусит горло тому, на кого указано. Счастье японцев -- и наше! -- что Тришка не хитрец в дрессировке псов.

-- Молодец Надежда... Васильевна. Я уж хотел бежать вступиться за неё... -- Самойлов испугался теплоты, с какою вырвались у него эти слова, и посмотрел на супругу. Но Настасья Яковлевна его не слышала. Губы её легко улыбались прохожим, а сердце, которое никак было не утишить, билось -- она увидела на конце бульвара идущего от Аракчеевских казарм синеглазого английского офицера. Вот он подходит, он улыбается, он смотрит... Вот -- ах! -- отделяется от прохожих какая-то дама. Вульгарно одетая, широкое тело, лицо... нет, лицо милое, как досадно. Это, верно, костромская барыня, над которою недавно могла смеяться Настасья Яковлевна.

Костромская барыня с офицером прошли, и он более ни разу не взглянул на Настеньку. Ей, кажется, слышатся его уходящие шаги среди других шагов и иных звуков... Что-то сказал Самойлов, что-то спросила Соня, и Настенька должна была отвечать, улыбаться, идти. Это происшествие, оставшееся для других незаметным, заняло её бедную душу на много дней.

⁴⁹ Нага́йка — плетёная с кожаной бляшкой на конце, предназначенная для управления лошастью. Использовалась казаками, полицейскими как несмертельное ударное оружие.

⁵⁰ АТУ -- команда собаке, означающая «взять», «хватать», «поймать»

Меж тем от группы пленных японцев подошел к Надежде Васильевне один.

-- Здравствуйте, госпожа Надежда. Извините, я услышал и узнал Ваше имя. Разрешите представить себя. Масакадзу Хигаки. Первое слово в Японии всегда -- фамилия, второе - - имя.

-- Добрый день. Позвольте, но... откуда Вы знаете русский язык??

-- Я учил его в Токийской школе иностранных языков, госпожа Надежда.

-- Я не знала, что в Японии изучают русский язык в школах!

-- Во всей Японии не изучают, госпожа Надежда. Токийская школа иностранных языков – одна, чтобы учить русский, английский, французский, китайский и корейский языки. Эту школу открыл 30 лет назад Бансё сирабэдокоро... как перевести... Департамент... освоения варварских племен. Простите, простите, госпожа Надежда, это официальное название! Я не подумал, что оно звучит оскорбительно.

-- Варварских племен??? Впрочем, глядя на нашего Тришку, можно понять, откуда берутся подобные названия! Это вы простите меня, нас, всех жителей Медведя, за поведение нашего односельчанина! Но отнюдь не все российские подданные -- варвары!

-- О, я знаю это, госпожа Надежда. В Токийской школе иностранных языков у меня был уважаемый русский преподаватель, Мечников⁵¹.

-- Мечников? Фамилия в России известная. Мне хотелось бы использовать случай с Вами поговорить. Свободны ли Вы сейчас? О, простите!

-- Я относительно свободен в границах села Медведь, госпожа Надежда.

-- Почему Вы к каждой фразе прибавляете моё имя? И отчего же я непременно госпожа? Зовите меня Надежда Васильевна. Если Вам трудно, я даю Вам разрешение называть меня просто Надя, как моим друзьям.

⁵¹ Лев Ильич Мечников, брат Ильи Мечникова, лауреата Нобелевской премии и известного биолога, преподавал в Токийской школе иностранных языков.

-- Госпожа -- обычное обращение в Японии. На японском я звал бы Вас Надя-сан. «Сан» значит, что я уважаю Вас. Вы - - смелая девушка. Простите, я поздно понял, что тот плохой человек хотел обидеть Вас. Я видел сначала, что он поклонился Вам.

Через неделю по селу пошел слух: учительница Надя Карпова встречается с японским офицером. Гуляют в людных местах, разговаривают. Откуда японец русский язык знает, неизвестно, наверное, шпион. Но человек приличный, трактиры не посещает.

5.

-- Надюнь! Бабы грят – быдто ты с апонцим гулявше? Нешто взабиль? Эко зарадьё⁵² !!! Желемустина: кожа да кости! Жёлтой, как яишной желток, да прищуренной. Да и нам -- враг⁵³!

Мать Нади Карповой решила откровенно поговорить с дочерью.

Было раннее утро. Надя, за годы учёбы на чужой стороне привыкшая использовать каждую минуту своего дня, уже сидела в закуте – отделённой занавеской части комнаты в деревянном домике матери – и готовилась по книгам к будущим урокам, обдумывала, что скажет детям.

-- Мама, не волнуйся! Я замуж за него не собираюсь! Хотя не страшный он вовсе! Мы японцам, я подозреваю, тоже кажемся довольно некрасивыми – скорей всего, толстыми, высокорослыми, как каланчи, и с длинными носами! А Хигаки мне интересен как человек. Только подумай – какой это необычайный, исключительнейший случай – то, что он говорит по-русски, а, значит, может рассказать нам о своей стране! Ведь как далека во всех смыслах от нас Япония! Мы совсем ничего не знаем о ней!

⁵² ЗарАдье (шимск.диалект.) – удовольствие, радость

⁵³ (Шимск. диал.) - - враг

-- А и не узнаим, дак чё ж? Города залягут⁵⁴? И в кого ты така уродивше? (Мать с ласкою погладила Надю по голове.) Надёнка ты моя, надёжа и исть! Вон кака голова у тиби! Учитницей бушь!!! Копеичкай, можа, мати поможешь. Мати ить ста^{ра} у тиби стала, ничёво ни мустит⁵⁵. Батя на крестовых давно... А на баб ты наплюй! Бабы – им тока найтить, кого на зубах носить. Трёкай⁵⁶ с апонцим, коль дурного тута нет. Опорякнут⁵⁷, да и ты учитницей бушь, так рты-то закроют. Уставше? Садись кокоры⁵⁸ исть с помачкой⁵⁹!

-- Спасибо, мамочка! Как вкусно!!! Мама, я иногда думаю – мы с тобой тоже словно говорим на разных языках! Отчего так? Ведь ты слышишь, как я правильно говорю. Это оттого, что я много училась. И я знаю, что дети в моей школе тоже будут правильно говорить – я их научу этому и другие учителя. Отчего же вам, старому поколению, глядя на нас, не переделать свою речь? Я понимаю, ты привыкла говорить так, ты в деревне родилась и жила. Но сейчас время другое! Когда так много образованных людей вокруг, нужно переучиваться! Вот приметь – старый Гаврилин, Козьма Михайлович - и тот говорит почти хорошо. Он у сына манеру перенимает, тому образование дано. Потому что понимает – он купец первой гильдии, с людьми солидными разговоры ведет – а с ними нужно говорить не по-деревенски. Современному человеку необходимо говорить правильно!

Вы, старые люди, как будто нарочито коверкаете язык! Меняете ударение: не поняла а пОняла, не никого, а никОва. Меняете окончания (Надя взяла с комода фотографию в рамке и вслух прочитала надпись, сделанную печатными буквами на обороте: «сестрЫ ЗинЫ от сестры Веры»). В русском языке – семь падежей⁶⁰, вы же себе оставили два-три! Вы, будто стесняясь, обрезаете язык: под штанам, с вёдрам, с девкам, работашь, делаешь. Снесение так велико, что искажение доходит до крайности: не «сами» и

⁵⁴ Города залягут (шимск. фразеологизм) – случится что-то масштабное и плохое

⁵⁵ МУстить (шимск. диалект.) – мочь

⁵⁶ Трёкать (шимск. диалект.) – болтать, сплетничать, громко разговаривать

⁵⁷ Опорякнуть (шимск. диалект.) -- привыкнуть

⁵⁸ КокОра (шимск. диалект.) -- лепешка из теста без начинки

⁵⁹ ПомАчка (шимск. диалект.) -- творог со сметаной, готовится к блинам и кокорам

⁶⁰ Семь падежей, включая звательный, указывалось в учебниках грамматики русского языка до 1918 года. Еще ранее в русском языке выделялось от 9 до 15 падежей. В современной грамматике некоторые ученые-филологи также выделяют большее число падежей, чем шесть, принятые в школьной программе.

«они», а «самЫ», «онЫ». Про наши шимские «вши» и «цыканье» я уж не говорю: явивше, учище... Зачем так коверкать язык???

-- А на мой ум – это ты его кувыркаишь. Это я грю праильно. А ты – непраильно гришь!!!

-- Как это?

-- Не знаю я. Чё ты ко мни приставше? Ну, ладна. (Мать сердито отняла у Нади фотографию, которую сестра прислала ей из Новгорода и какую так красиво подписал грамотный племянник, и, оттерев с рамки пыль передником, бережно вернула на комод.) «Сестры Зины от сестры Веры», гришь? А чё, невнятно, кому патрет и от ково? Зачим хвосты выдумывать? Твой изык больно измудрён – всё хвосты ладите!

В моем изыке лишних хвостов нету! «Под штанам» -- и ясно, што под штанам, а ни в штанам, и ни за штанам. Аль во/на -- лапти в сЕни на гвОзди висят – што тута непонятнова? «Работашь» -- ты и работашь, а хто ищо? Зачим туды – в «работашь» -- хвост в середку сувать?

Твой изык - - пустой! «Очинь» - - што эта - - очинь? А мни ТУШНО конфект хочецце! Ты ошиплась, а я СГУЗИВШЕ! Ты одеваиссе торописсе, а я ОБРЯЖАЮСЬ ТОРМОТЫЧЬЮ. Ты крапивай ожглась, а я СТРЕКАВОЙ ОСТРЕКАВИВШЕ. У тиби подол испачкалси, а у мни ПОДНИЗЬЕ С ГРЯЗИ СЛОМИВШЕ.

У нас – один хвост на всё. Я привыкше, ён привыкше, Она привыкше, онЫ привыкше, мы привыкше. А вы на каждый раз свой хвост выдумываити. Это знашь отчаво? А делать вам нечиво! Это как у беднова однаАя рубаха – штоб роботать – а у богатых – много одёжи, для зарадья. У беднова -- тока шти да каша, штоб сила бЫла на роботу, у богатых – полон стол жранины, для зарадья. Так и изык – у нас – робочий, дак и прост. А у богатых да вас, учёных, изык – с хвостами да придумками, для зарадья. Так што я и грю – наш изык -- праильный, настояшший. А ваш – придуманнОй, никудышной. Делать вам нечиво! Вот и щас – сидим зазря – а мни ведь поросенку нада на огороды колкушнику⁶¹ набрать. А ты, Надька, возьми-ка веник да пол подпаши! Отойти отсудова, а то по тыквины получишь! (Это мама Нади увидела заглядывавшего к ним в окно пьяного с утра Тришку.) Што падину

⁶¹ Колкушник (шимск. диалект.) -- лопух

разинувше? Бегат по селу глаза выгален! Ишо люди спят! Ранишша така – ишо чёрт березы не качал!

Надя посмотрела -- первый утренний ветерок начинал трогать спящие тоненькие ветки березы за окном.

-- Мамочка! А ты спрашиваешь - - в кого я? В тебя, в тебя, мой гениальный филолог! Это же целая диссертация – твой монолог!

И восторженная Надя поцеловала в щеку озадаченную мать и побежала за веником.

6.

Несмотря на субботний вечер и то, что кончился Успенский пост, в трактире Белова оказалось немного народа.

Хозяин Белов сам угощал самых важных гостей сборной ухой из рыбы, выловленной во Мшаге, с налимьей печёнкой; непременно по летней ещё погоде холодной ботвиньей⁶², в какой бесхитростно использовал те же дары Мшаги с прибавленными к ним чищеными раками; предлагались также гусь с подсохшей уже с утра жареной корочкой и жирной капустой, судачок в сметане, гречневая каша и рубленые котлеты со щавелем. Ко всему этому приложены были пироги, кислые щи⁶³, чай в самоваре и более серьёзные напитки.

Среди солидных гостей Белова были сегодня учитель Калядин и страховой агент Голоктионов, севшие у окна.

-- Чего изволите, Алексан Петрович?

-- Давай на двоих ушицы да котлеток. Да чайку.

-- Не мало? Кушаете как ипонцы... хи-хи...

-- А что ж, и японцы уже к тебе заходили?

-- Сидят частенько. У их жалованье, сказывают – пятьдесят рублёв, чё ж не зайти. Да вон и щас идут.

⁶² Ботвинья в 19 веке — холодный, обычно рыбный, суп на квасу с вареными травами (щавелем и др.), ботвой свеклы или других огородных растений, мелко искрошенными огурцами, луком.

⁶³ Кислые щи — старинный русский медово-солодовый сильногазированный напиток, хранимый в запечатанных бутылках. В наше время кислыми щаами часто ошибочно называют щи из квашеной капусты.

Четыре японских офицера зашли в заведение и сели неподалеку.

-- И что, можно их вот так пускать? – спросил Голоктионов.

-- Офицеров - - можно. Нижних чинов нельзя – так это и нашим нижним вход воспрещен, учащимся и малолетним. Мы правила знаем. Нам штрафов не нать. А ведут ипонцы себя тихо. И водочки тяпнут, дак не буяняют.

Калядин и Голоктионов посмотрели за окошко, где бездельничал урядник Коля Курносый, лениво замахивавшийся нагайкой на собаку, которая без особой настойчивости пыталась попить из ведра холодной колодезной воды. Ведро было поставлено опытным Колей для приниманья на выходе возможных трактирных буянов.

-- Я думаю, нет противоречий с законом, -- сказал Калядин. -- По Гаагской конвенции к военнопленным относятся, как к военным собственного государства.

-- Но конвоир-то им положен? – посомневался Голоктионов.

-- Вообще да, но их так пускают, – пояснил Белов, который любил поболтать с посетителями и служил живой газетой, первым зная все медведские новости. – И в селе гуляют и даже в окрестностях. Под честное слово. И то сказать – куды бежать-то? У них, извиняйте, такие физиономии приметные, что на первой ближней станции в Уторгоше взад вернут. Да что на станции – через Старый Медведь и то не пройдут. Далече их упрятали! Через всю громадную Расею с наших мест до Дальнего Востока им нипочём не добраться. Может, чай-то хоть с позолотой⁶⁴? – заманчиво спросил Белов.

-- Не надо. У нас разговор для раздумья.

Предмет, о котором хотели поговорить учитель и Голоктионов, был фантазийный и земной одновременно. Александр Петрович предлагал страховому агенту устроить в селе Медведь театр:

-- Село имеет много деревянных домов. Последний крупный пожар был в 1891-м, выгорели целые улицы. Так?

--Так, -- соглашался Голоктионов.

⁶⁴ Чай с позолотой – чай, в который подлит ром. Выражение, принятое в 19 веке у российского купечества.

-- Купцы боятся пожаров. Вы также имеете прямую заинтересованность! Страхование от огня - - ваша главная направленность. Так? Наконец, выстроено у нас в Медведе пожарное депо! Купцы пожертвовали, старый и молодой Гаврилины дали главные деньги. Внесено было также из тридцати деревень волости. Каждому крестьянину Медведя вменено было принести определенное число камней, глины и песку. Народ доказал, что пожарное депо ему нужно! И вот -- здание депо готово! В добровольную пожарную дружину записалось уже 60 человек. Но откуда брать денежную поддержку дружины?!

Я предлагаю устроить это так, -- продолжал Калядин. -- Создадим в Медведе театр!

Крутившийся рядом трактирщик хихикнул, Голоктионов поднял бровь, несколько человек за соседними столами повернули головы.

-- Что у нас за забавы в самом деле?! -- продолжил с сердцем Калядин. -- Шарманщики на улицах? Ряженные Разбойники и Чёрт на Святках (Белов перекрестился) в трактирах!? Иногда -- клоуны и акробаты проездом в манеже в Аракчеевских, когда стояли там наши части, редко там же -- театральные артисты из Новгорода. Людям скучно! Особенно молодым! Что, к примеру, на Подгорной устроили вчера, Вы видали? -- обратился учитель к Голоктионову.

-- А, энто что парни-то созоровали? Стащили ночью фигуры с карусели на площади! -- ввернулся Белов.

-- Неужто? -- засмеялся страховой агент.

-- Да, рано утром народ идёт, а вдоль Подгорной стоят деревянные львы да лошади... Старуха Трампаитовна совсем ослепше, да в потьмах⁶⁵ ещё, дак льву морду закрестила и орёт: «Сгинь, сгинь, нечиста!»

-- Я предлагаю -- создать в Медведе свой театр, -- продолжал Калядин. - И театр народный! С тем чтобы играть в нём могла и самая простая крестьянка! Это привлечет народ. Придут деньги. И выручку от каждого спектакля мы направим на жалованье пожарной дружине. Сам театр

⁶⁵ Потьма (ж.р., устар.) -- темнота, сумерки, мн.ч. -- потьмы. В современном русском языке употребляется как наречие и пишется соответственно слитно -- «впотьмах».

разместим тоже в здании пожарного депо. Оно кирпичное, двухэтажное, красивое. Театру есть место на втором этаже. Что скажете?

-- Что скажешь, Белов? - - обратился Голоктионов к трактирщику. – Нужен тебе театр?

-- А буфет в нем будет? - - спросил трактирщик.

-- Предлагаю первой пьесой поставить «Бедность – не порок» Островского, -- продолжал увлеченный Калядин. – Может быть, это не лучшая пьеса Алексан Николаича, но, безусловно -- одна из самых народных! Всё в ней будет понятно, весело и жалко человеку из народа -- песни старинные, весёлые да тоскливые, святочные ряженные, танцы, ажно ярмарочный медведь учёный -- а уж само название – бедность-то не порок – так прямо в душу каждому крестьянину!

-- А я всегда говорил, что бедность - - не порок, -- поддержал Белов. – Вот в Москве крестьянин «Яр» купил!

История с «Яром» была любимая у Белова, и всем, кто его слушал, трактирщик её неустанно рассказывал. Калядин и Голоктионов выслушали сейчас в десятый, наверное, раз, как некто Судаков, крестьянин Ярославской губернии, стал официантом в трактире, потом открыл собственный трактир, продал его, купил новый побольше и так (в мечтательное беловское «так» входило более 20 лет) купил знаменитый, роскошный и богемный московский ресторан «Яр».

-- А что тебе нужно, Белов, чтоб ты стал как Судаков? – спросил не без ехидцы Голоктионов.

-- Музыкальная машина. Чтоб 24 музыки, и «Боже, царя храни», и «Возле речки, возле мосту», и «Кадриль»... Да вустрицев бы нам да трухелей...

-- А что ж такое устрицы, ты знаешь? – улыбнулся Голоктионов.

-- Как не знать, -- обиделся Белов. -- Дед мой, царствие ему небесное, в денщиках служил у однова офицера. Попали они с офицером-то в осемьсот двенадцатом году⁶⁶ в плен к хранцузам. Офицеру в плену назначили жалованье 25 рублёв в месяц. Делать-то в энтой Хранции нечего, так он

⁶⁶ Отечественная война 1812 года — война между Российской Империей и Наполеоновской Францией на территории России в 1812 году.

разлакомился -- то винцо ихнее попробует, то вустрицев, другой раз -- трухелей. Глядишь, и деду достанется. После войны дед у офицера своего поваром стал. Вот ходит раз дед в подмосковном имении в дубовой роще -- глядит, кабаны роют, подошёл -- ан: те самые трухеля! Много их там оказалось. Потом цельная деревня кормилась тем, что в Москву трухеля поставляли. А дед так и подавал своему офицеру трухеля до старости лет. И мне способ-то передал. Да только не растут у нас трухеля. Под Москвой, пожалуйста, растут, а у нас не хотят. Я вот и думаю - - можа, Судаков-то на трухелях свое богатство сделал, а? Так что же -- так и не будете ничего? -- спросил погрустневший Белов. -- Вот и он! И только чай гоняют (он кивнул на приказчика Гаврилиных Кайдакова с каким-то приятелем, притулившихся в уголке), и он! Он (он понизил голос и пальцем указал на японцев) щи кислые спросили.

Вдруг в воздухе раздался громкий звук пальбы. Все, кто был в трактире, вскочили. Только когда прибежавший смущённый половой⁶⁷ доложил обществу, что выпалили пробки от газу, вырвавшегося из двух бутылок с добротнo сделанными Беловым кислыми щами, вскочившие осознали, что они стоят двумя неравными группами: русские и японцы с лицами, обращёнными друг к другу и невольно сжатыми кулаками.

7.

Третьей, кроме Калядина и Голоктионова, в группу по созданию театра включилась учительница Надя Карпова. В один из вечеров Надежда Васильевна пришла к Катерине Курочкиной.

Катерина жила в одном из последних домов по Подгорной. На тёсе, которым некогда при хорошем житье обшили бревенчатый сруб, редкие лохмотья краски указывали на то, что она бывала голубою; в доме не было ни одного не треснутого окна; на щелястом крыльце средняя доска проломилась. Ворота валялись на улицу, с двух сторон подстрекаемые

⁶⁷

Половой — в России XIX- начала XX веков трактирный слуга.

забором, формой подражавшим речной волне и для пущей убедительности украсившим себя понизу зелёным и влажным, словно водоросли, мхом. Эти крыльцо и ворота не раз попадали в отчёты Коли Курносого: их неутомимо украшал дёгтем правдолюбец Тришка, хотя грех свой Катерина совершила уже лет девять назад. Самые деликатные медведские языки называли её *ребятницей* – Катерина, в 16 лет оставшись без отца с матерью, родила без мужа.

Молву Катерина несла с поднятой головою, глядела прямо в глаза людям. Работала она на льнозаводе Самойлова, дочка, восьмилетняя Аришка, дичок, обычно сидела дома. Вот и сейчас, несмотря на тёплый, как летняя река на мелководье у берега, вечер, Аришки не было видно ни на улице с ребятишками, ни даже в огороде. Катерина разогнулась от грядки навстречу неожиданной гостье, поздоровалась первой:

-- Здорова будь, Надюх. Аль тебе теперь надо Надеждой Васильной величать, раз учитница?

-- Здравствуй, Катерина. Нет, конечно, мы ведь с тобой в детстве дружили. Как живёшь, Катя?

-- Живу сама, чужое не заживаю.

Всегда, когда Катерина говорила с людьми, им чудился в её речах вызов. И глаза у неё казались с вызовом, бедовые. Они имели одну особенность, какую Надя, видевшая большое число людей, не встречала ни у кого и не встретила потом за всю свою жизнь. В тёмных глазах вообще заметнее, чем в светлых, видится падающий на них свет и даёт иногда даже совершенно белый блик. Но в глазах Катерины, тёмно-карих, окруженных густыми чёрными ресницами, величина и сила отражённого света были таковы, что обращали на себя внимание даже за несколько шагов. Так, бывает, высокое, статное дерево на закате погружается в тень всё, кроме самых верхних ветвей, ещё озаренных уходящим солнцем, и горит в темени остальных листьев белым светом пара свежих ярких листков. Между тем, впечатление от взгляда Катерины было ложным. Блеск глаз ее каждым встречным принимался за расположение к нему, за улыбку, но Катерина не была добра к людям. Многие в Медведе знали её язвительный язычок; впрочем, первой она скандал никогда не начинала.

-- Катерина, я к тебе с разговором. Где Ариша твоя?

-- Да на задворках, небось. Чё с ей, не знаю – издыпевше⁶⁸ на чё-та и молчит. А то и грибище⁶⁹ потихоньку. Гмырата⁷⁰ уродивше.

-- А я ведь о ней как раз поговорить хотела. Ей бы осенью в школу! Умна очень она у тебя. Ей учиться нужно! Я ведь с ней говорила -- встретила на улице.

-- Гораз много буде вниманья ей. Другие-та ребята в догонялы, выбивалы, в лапту⁷¹ -- и девки с ими, кто бойчей. А она сядет в сторонке и глядит. Никто не берут её, а то и обзывают. Но она, правду сказать, не жалище⁷². А што, Надюх, каку-то нову забаву апонцы придумавше? Игнали, грят, третьёводни⁷³ на платце⁷⁴-то, суседские ребятишки бегали к им. Чё за игра, Надюх? У тя ж апонец в залётках⁷⁵,-- коварно прибавила Катерина.

-- Нет, не в залётках. Мы с ним просто разговариваем. Можно сказать, дружим.

-- Дружку в убивцах завела?

-- А мы – для них убийцы. Кто же виноват, Катя? Разве они по доброй воле на нас пошли? Всё это очень непросто. А игра эта, что японцы привезли, называется бейсбол. Название мудрёно, а игра сама похожа на нашу лапту. Тоже с битой да мячом. Интересно, что игра вовсе не японская. Хигаки... мой знакомый говорит, что новый император позвал в Японию сотни учителей из западных стран, чтобы учить молодых японцев. Ну, и кто-то из американских учителей показал молодежи бейсбол. Ты слышала про страну Америку?

-- Что ж мы, тёмные совсем? Слыхавше.

⁶⁸ Издыпеть (шимск. диалект.) -- рассердиться

⁶⁹ Грибиться (шимск. диалект.) -- плакать

⁷⁰ ГмырАтый (шимск. диалект.) -- привередливый, недовольный, замкнутый.

⁷¹ Игры для детей и молодежи

⁷² Жалиться (шимск. диалект.) – жаловаться, ябедничать

⁷³ Третьёводни (шимск. диалект.) -- позавчера

⁷⁴ Имеется в виду плац – площадь на открытом воздухе для военных смотров, строевых занятий, парадов

⁷⁵ Залётка (шимск. диалект.) – любимый молодой человек

-- Хигаки рассказал, что однажды команда молодых японцев выиграла в бейсбол у американских моряков⁷⁶. Вся страна приняла это как победу. После того в бейсбол стали играть очень многие в Японии. И их власти это поддерживают. А что про нас – так наши японцы, знаешь, позвали ведь наших–то ребятишек к себе играть. Те стеснялись, а потом пошли. Я сама видела. Медведские-то парни гоняют от себя ребятишек. Только сынки купцов нанимают мальчишек за копейку собирать и ставить рюхи.

Ещё, я слышала, англичане наши пленные с японцами играют в другую игру – гольф. Но это уже на пустоши близ Аракчеевских. Сделали лунки в земле и загоняют в них мячик палками. Ариша пришла!

Ариша, заслышав разговор матери и знакомой ей учительницы с добрым и сильным голосом, перебежками передвинулась к ним с заднего двора. Там она минуты назад на корточках молча «кормила» куклу из негодной для хозяйства надтреснутой миски «супом» из грязи, воды из лужи и того, что росло вокруг и было, на её взгляд, тоже ненужно и походило на настоящую еду. С тем пристальным и вбирающим вниманием к тому, что находится под ногами, какое присуще только детям, Ариша разглядела, например, что осоку можно было вообразить луком, другая неизвестная травка походит на петрушку, а у изобильного подорожника с твердозернистым колосом, сопротивляющимся Аришиным пальчикам – «капустные», в прожилках, листья. Девочка старательно отводила глаза от таких съедобных на вид зелёных горошин удивительной, без лепестков, лекарственной ромашки и особенно красавицы пастушьей сумки с листиками в форме сердечек, нужной матери для завариванья с прошлой осени, когда Катерина надсадила низ живота, таская мешки с картошкой в подпол.

Куклу -- сделанную самой Аришей из тряпок, без глаз, носа и рта, но в нарядном красном сарафане в белый горох и белом платочке – Ариша теперь прижимала к груди, словно одновременно защищая её и ею защищаясь. Возглас Надежды Васильевны застал девочку врасплох. Она остановилась на своей вылазке и от стеснения боком пару раз стукнулась об угол избы, как телёнок чешется о забор.

-- Аришка! Учитница спрашивает -- в школу подёшь? Ну, не гмыраться, беда моя! Поди суда, а то в загорбень щас насую!

⁷⁶ В 1896 году команда японского колледжа Ичико впервые вызвала на поединок Йокогамский бейсбольный клуб, состоящий из американских моряков, игра окончилась победой японцев. Факт косвенно указывает на американское присутствие в Японии в данный период.

Ариша молчала и вовсе остолбенела.

-- Ариша! А принеси-ка ты мне, пожалуйста, воды попить, -- попросила Надя.

-- Иди! Корец⁷⁷ в доме висит у ведра, на стены[/].

Девочка убежала.

-- Не знаю. Козы у нас ноне нет. Пала коза-то, -- раздумчиво сказала Катерина. -- Так бы сразу я школе твоей сказала «нет». Аришка-то козу пасла.

-- Катя! А я ведь не только за Аришу просить пришла. Приходи к нам в театр! — вдруг просто, без лишних слов, вырвалось у Нади.

— Полы вам, што ль, помыть надо?

— Нет. Я в актрисы тебя зову! Хочу, чтоб ты главную женскую роль сыграла!

— Хе! Совсем ты заучивше, мать моя! Вот правду люди грят, учиться много нельзя — заучишьсе, тыкви́на-то треснет. Да и я-то дура, с тобой ищё разговариваю... Да меня ж люди засмеют! Совсем со свету сживут!

— А что тебе люди? Ты всегда поверх них глядела! А что если не засмеют? Вдруг наоборот выйдет?! Вот Аришу твою ребята не принимают. А если ты главную роль сыграешь — может, дети с Аришей дружить начнут?!

— А чё это я про неё думать должна? Про меня кто когда думал? -- Катя вскинула голову и отвернулась. Помолчала. -- Да и, можа, супротив, больше её дразнить зачнут...

У хитрой Нади заготовлен был другой уговор.

-- А что, дом твой, Катерина, скажи, давно крашен был?

-- Да не знаю я. При мне, кажись, не красили.

-- А знаешь ли ты, что по правилам пожарной безопасности деревянные дома владельцы обязаны красить каждые три-четыре года?! Гляди, снимут с тебя денег за нарушение!

-- Ни с кого не сымают, а с меня чё ж?

⁷⁷

КорЕц (шимск. диалект.) -- ковш.

-- Так ведь все красят! Ты одна нет, да еще Тришка. А вот если ты у нас в театре сыграешь, я уговорю, чтобы собранные деньги за спектакли частью пошли на покраску тебе дома! Калядин уже согласен. Театр-то ведь для противопожарного дела создается!

-- Ты надумала, чтоб меня в театр? – спросила Катерина.

-- Я, -- просто сказала Надя.

-- Зачем?

-- Считай, что мне Аришу жалко.

-- Я девчонка-сиротинка,

Нет ни матки, ни отца.

Родила меня безногая

Комлатая⁷⁸ овца! – вдруг пропели тоненькие голоса за Катериниными воротами и засмеялись, в щелях забора показались любопытные личики. Катя шагнула к воротам, дети со смехом разбежались. Ариша, подошедшая из дома с ковшиком воды к Наде, опустила голову...

-- Ладна, давай попробуем. И чё я, дура, делаю? – удивилась самой себе Катерина. -- Не выдет у нас ничево. Я и читать-то не умею!

-- Я тебе буду читать по книжке. А ты заучишь! – сказала обрадованная Надя.

8.

В воскресенье Захарка и другие мальчишки собрались идти на плац Аракчеевских казарм, где японцы обыкновенно в эти часы играли в бейсбол.

-- Не пустят нас, -- говорил рассудительный и медлительный девятилетний Прошка. -- Однава⁷⁹ тот добрый дядя пустил, а теперь, гляди, ещё по шеям надают.

⁷⁸ КомлАтый – (шимск. диалект.) -- комолый, т.е. безрогий

⁷⁹ Один раз, однажды (устар.)

-- А мы убежём! -- ободрял Захарка. – Только погоди, котёнка надо взять...

Перед домом конопатого Сёмки ватага остановилась; Сёмка забежал к себе и вынес что-то в руках в своем перевёрнутом картузике.

Ребятня помчалась к дому сестёр-чулочниц на Подгорной. Перелезли через низенький забор.

Здесь, хихикая и радостно оглядываясь друг на дружку, они вынули, перенимая из ручонки в ручонки, из Сёмкиного картуза не менее взбудораженного бело-чёрного трёхмесячного котёнка.

Две сестры-чулочницы, женщины среднего возраста, трудолюбиво жили в одноэтажном деревянном, обитом тёсом и крашеном красной краскою домике. Посреди домика стояла чулочно-вязальная машина; работали сестры каждый день, поставляя товар в Новгород и медведцам в лавки и на заказ.

Захарка как предводитель взял котенка, пробежал к двери чулочниц, тихо отворил её, прокрался по темным прохладным сеням, отворил вторую дверь и подкинул котёнка внутрь.

Все ждали снаружи. В доме раздался возглас, грохот, и озорники с выбежавшим Захаркою сыпанули через заборчик на улицу.

-- С чёрной пяткою!!! – кричали в окне дома чулочниц. – Чулки-та -- с чёрною пяткою, на заказ!!! Ай ты, чёрт хвостатый! Все нитки спутавшие!

Котёнка выкинули за двери, и смеющаяся компания приняла его снова в картуз. Побежали на плац к японцам.

На плацу, однако, в это воскресенье японцы не играли в бейсбол.

-- Безбола не будет? – огорчённо сказал Сёмка. Котёнок таращил глаза из картузика.

-- Слышь, ты! – окликнул Захарка проходившую Шурку Орлову, хотя прекрасно знал, как её зовут. – А де ипонцы-то, не знашь?

-- А мы с ими змеев идём пускать, -- кокетливо сказала Шура, споткнулась и помчалась к берегу Мшаги за Аракчеевскими казармами. Мальчишки побежали за ней.

Над Мшагой реял воздушный змей – раскрашенный. (Шурке учительница тетя Надя дала красок.) Змея за веревочку вел японец. Ещё один японец сидел на камне: рыбачил с берега, не сводя глаз с самодельной удочки. Следом за мальчишками и Шуркой от дороги подошли несколько девочек и остановились в сторонке; одна слюнявила кончик платка, завязанного под подбородком. Все стеснительно молчали.

-- Скажи им: «Конь ничево!», -- толкнула Захарку Шурка.

-- Какой конь?

-- Уж такой. У них так по-ипонски «здрасте» говорят.

-- Буду я ищё с ими здороваться! – Захарка, стараясь казаться смелым, подошёл к японцу. Тот поклонился и что-то сказал. И протянул мальчишке верёвочку змея.

Через полчаса вся компания, и бросивший свою удочку второй японец, и робкие даже девочки, бегала с тремя уже змеями. (Японец, которого Шурка звала дядя Яша, сходил в казармы и принёс оттуда газеты, клей и Шурины краски. Шура же дала взятую из дома верёвку.)

Бегали с криками, а японцы молчали и улыбались. Потом японцы ушли; перед тем японец дядя Яша вынул из кармана и подарил Шурке куколку.

Шурку окружили. Куколка была крошечная.

-- Из лошадиного волосу, - - сказал Захарка. – Вон они чего коня-то поминают.

-- Можа, они коню молятся? – предположил серьёзный Прошка. – Мамка сказывала, у них бога нет.

-- Дураки вы, – сказала Шурка. – У всех есть. У них просто свой.

-- Конь? - - спросил конопатый Семка.

Умаявшийся от бега за змеями бело-чёрный котенок схватил куколку зубами и лёг.

-- А что, говорят, ты с ипонцами по-ихнему говорить умеешь? – спросил серьёзный Прошка Шурку.

-- Ну, некоторые слова говорю. А понимаю ещё больше. Мне легко как-то! - - похвасталась Шурка. – Вот он показывает мне на чё-нибудь и говорит, а я потом помню.

-- И как будет «кот» у ипошек? - - спросил Прошка.

-- Нэко.

-- Слышь ты, Нека! -- защекотил Сёмка котенка.

Ещё минут десять мальчишки торкали пальцами вокруг в разные предметы, а Шурка припоминала японские слова. Девочки дивились и закрывали, хихикая, рты концами платочков.

-- Слышь, ты, как тебя, Шурка што ль, -- небрежно сказал Захарка. -- Ты не забывай, голову засоришь, свои слова забудешь.

-- А у меня две головы. Одна для нашенского языка, другая -- для ипонского. Не засорю, -- гордо сказала Шурка.

Потом девочка корила себя, что не пошла гулять с мальчишками дальше. Быть может, е благоразумие отвело бы несчастье. Захарка небрежно позвал, но Шурке надо было домой, нянчиться с сестрой. А пострелят в поисках чего бы созоровать занесло к яблоневому саду эстляндца Евдохина.

-- Ребя, быстро! – скомандовал Захарка. Так близко свисали над ними ветки с тяжёлыми яблоками! Ветви пониже Евдохин уже обобрал все. Приходилось, чтобы достать яблок, влезть на забор.

Они и влезли все разом – человек десять-пятнадцать. Опершись подмышками на колья забора, один серьёзный Прошка не воровал – уговаривал: «Ребя, айда домой! Чё-й, у вас дома яблок нет?»

Груза лёгоньких ребячьих тел хватило, чтобы -- когда они в одну злополучную секунду дружно навалились на ветхий заборишко Евдохина – повалить гнилые доски. Забор упал, и все кубарем покатались вперёд, в сад к эстляндцу. Все, кроме Прошки. Его ноги повисли в воздухе, а в подмышки впились, пробив мясо, два острых заборных кола.

Из-за опасности увечья в виде исключения Прошку временно поместили не в медведской больнице, где не было хирурга, а в лазарете при Аракчеевских казармах, в котором лечились раненые.

Прошка открыл глаза, ощутил боль подмышками, увидел, нагнув голову, свои бинты и потом, напротив себя -- койку с человеком.

Человек был смугло-жёлтый, с чёрными волосами и узкоглазый.

Пока бегали у Мшаги за змеями, и раньше, в игре в «безбол», Прошка не разглядывал близко лица японцев. Теперь это чужое лицо было прямо перед ним. Прошка, как всякий мальчишка, не часто смотрел в зеркало, иначе бы он знал, что его собственная физиономия – загорелая за лето, с дополнительной темнотой от изрядной добавки грязи -- имела почти тот же цвет, что лицо разглядываемого им японца.

«Интересно, есть у него хвост, как дядя Тришка врёт?», -- подумал Прошка. – «Надо дождать, покуда он повернётся.»

Японец, однако, не поворачивался. Когда через несколько часов пришёл доктор и повернул его к Прошке спиной, приоткрылась простыня, и хвоста под ней не оказалось, зато Прошка увидел, что у японца нет одной ноги.

Прошке стало жутко, и он забыл на время про хвост.

На следующий день снова приходил доктор.

-- Дядь! А дядь! Это ты ему ногу отрезал? - - спросил, не удержавшись, Прошка про японца.

-- Я.

-- За что?

-- Спасал. Рана была сильная, гной вверх понесло. Не отрезал – помер бы. Ты о себе лучше думай, герой.

Мальчишка, как ручеёк, просочится везде. Ещё в дни, когда стояли в Аракчеевских русские части, и в манеже давали концерты приезжие артисты, ребятня, которую сюда не пускали, прошныривала и смотрела представления. Расположение Аракчеевских прекрасно знал Захарка. И он не был бы «ватаманом», как звали его мальчишки, если б не пришел тайком навестить дружка.

Японец молча смотрел на Захарку. Вообще все эти дни оба молчали, японец и Прошка. У Прошки даже голос слегка охрип от молчания:

-- Как дома у меня? Мамка, небось, ревёт?

-- Голосит, слышно. Да не из-за тебя... -- Захарка спохватился.

-- Из-за кого ж ещё?

-- Ты это... Сам тока не реви. Батя у тебя... Убили его... Ипошки на войне.

Прошка был человек вдумчивый, медленный. Не сразу он сделал то, что сделал. Уже ушёл Захарка.

-- Ты!!! Ты, гад!!! Ты батю мово убил!!! – тяжело надыхавшись, заорал Прошка и попытался соскочить с койки, чтоб ударить японца.

Но раненные руки не дали – а он и забыл про них. Он извивался, как червяк, на простыне и хотел одно – бить, бить, бить!

Не в силах встать, он орал что-то страшное в лицо напротив, неподвижное и бесчувственное. В рот Прошке текли сопли и слёзы.

А недвижимое лицо вдруг зашевелилось. Что-то заговорили узкие губы, зажмурились глаза. И Прошка увидел – две слезы, стекавшие по двум изогнутым глубоким морщинам над губами японца, в том месте, где у Прошкиного отца росли усы.

Безногий и бессильнорукий лежали на расстоянии пары шагов друг от друга и бились, пытаясь встать.

В конце концов Прошка, одолевая боль, боком свалился с койки.

Ноги у него были сильные. Он без рук встал на колени, потом на ноги. Подскочил к койке японца. Ему удалось бы ударить. Он замахнул ногу. Если

б японец защищался -- выставил вперед ладони хотя бы – он пнул бы его. Но тот лежал неподвижно.

Прошка повернулся и выскочил из палаты. Он не помнил, как отворил дверь – кажется, зубами ухватил ручку и со злости укусил её, но боль в дёснах ощутил только на улице.

С забинтованными подмышками он пробежал по двору казарм и улице -- никто не остановил его от оторопи -- добежал до близкого берега Мшаги за казармами и, разогнавшись, солдатиком прыгнул с обрыва в воду.

10.

-- Не ходите за мной и не ходите! -- рассерженно говорила учительница Надя Карпова следовавшему за ней Хигаки. – Вы должны были прыгнуть за ним!

-- Я не знал, что это нужно.

-- Какой... бессердечный ответ! Как это не знали?! Ребёнок прыгает в воду, с бинтами, кричит на бегу – видно же, что он не в себе! А Вы стояли на берегу и шага не сделали. Хороши же Вы! Я в Вас разочаровалась! Счастье, что Митя Поликалов там был! И не входите сюда теперь. Просто не имеете права! А я – я не желаю больше видеть Вас!

И Надя перед носом у японца рывком захлопнула дверь Прошкиной избы. Хигаки постоял немного и ушел.

Прошка лежал в доме на кровати в закуте за занавескою. Учительница подошла к нему, легонько ступая.

-- Проша! Не спишь? Я вот тебе от мамы своей пирогов принесла.

Мальчик не отвечал.

Прошкина мать, только пришедшая из церкви, ещё молодая по годам, но высохшая, как старуха, в узкой «парочке» из хлопчатобумажной ткани -- тёмной юбке с кофтою, сняла с головы чёрный платок, думая о чём-то, завела

за уши выющиеся чёрные пряди с седыми волосками, так что стали видны проколы на месте серёжек, снятых теперь по правилам *жа'лей* – траура, и отвела гостью в горницу.

-- Что ж, Надежда Васильна, ты уж не тревожь ево. Натерпевше малец.

-- А я только вот...

-- Спасибо, своо у нас хватат. Возьму, штоб не обидеть тебя. А боле не носи, не надо.

-- Я сочувствую Вам в Вашем горе.

-- Отвыла уж. Мне детей надо растить. Трое их. Думала, Прошка в помочах будет, столяром. А ён вон... не знаю, будут ли руки. И скоро ль.

-- Милитина Михайловна! Я организую помощь, соберём вам деньги!

-- Организует она. А можешь ты организовать, штоб война энта треклятая кончилась??! А мужа нового ты мне организуешь? Ладна, прости. Не в себе я.

-- Что доктор говорит?

-- Грит, энтот... пронцесс заживат вроде как надо. Энто под мышками-то у ево пронцесс, значит. Потому дома можно лежать. Митяю Поликалову поклон мой низкий передай! Дурака мово спасше. Дай Бог ему жену хорошу. Хороший человек Митяй. А ты чево кочевряжишься, замуж за ево нейдешь? Зовёт, я чаю, какой уж год? В суседях живёте, дитями-то как Маша с Тешей⁸⁰ бегали, не разлейвода. Ён за тебя – городской стеной! Харахтер тихой, мухам не ворог⁸¹, работяшный, с таким жить да жить. А то гляди, так в девках и останиссе! Не за чёрта же желтолицево подёшь, а?

-- Вы... Милитина Михайловна... Мы сами будем решать, хорошо?

Тут в избу заглянула Шурка Орлова – и тоже с тряпицей, из которой девочка торжественно вынула белый хлеб.

-- Тётя Миля, это -- Проше!

-- Это отколь у тебе? Разбогатеvше? У нас булка -- тока в праздник!

⁸⁰ Как Маша с Тешей (шимск. диалект.) -- дружно

⁸¹ (Шимск. фразеол.) – мухам не враг, т.е. тихий, безобидный человек

-- А ипонец дядя Яша принёс! Ипонцы чёрна-то хлеба не едят, дак им белый пекут! Видали – на конце села – новая мукомольня – это для них построили! А они белый хлеб нам дают. Уж два разА дали -- мне, Нюше, Танюшке и Лидычке. Вкусна-а!!!

-- Мама, не бери, -- слышался глухой голос Прошки.

-- И сама не вОзьму. Забери бусурманов подарок. Мало оны нам нагадивше!

И третий неожиданный посетитель постучал из сеней. Самый удивительный -- эстляндец Евдохин. Старик принес Прошке... завёрнутых в большой бумажный кулёк самых крупных и лучших яблок -- уже налитой белым янтарём папировки, через которую, если поднести к окну, кажется, просвечивает солнце.

-- Не думавше я, что ты когда-нить задарма кому что дашь, -- сказала Евдохину Прошкина мать. – Благодарствуем.

Евдохин и сам недоуменно посмотрел на кулёк и, не попрощавшись, вышел.

«А ведь одинокий старик на самом деле жить не может без этих мальчишек. Без гама и беготни в соседнем школьном дворе. Без того, чтобы кто-нибудь залезал к нему в сад за яблоками, и он... с кем-то говорил и был бы, хоть так, кому-то нужен...» -- подумала Надя. И с пришедшей досадою поняла, что ни с кем не может поделиться этой мыслью так, чтобы её поняли, кроме Хигаки...

11.

Настала золотая пора для соседа Карповых Митяя Поликалова. Как приехала его давняя зазноба, Надя, из Петербурга, она двух слов ему не сказала. Прошкина мать говорила правду: в детстве они дружили крепко. Да с той поры, как «Надька стала шибко учёная», как с досадою выражался Митяй, мимо него смотрели её глаза, а речь стала такой вежливой и сверху вниз, словно он был ученик, а она, лет так на десять его старше, учительница. А были на деле погодки...

Но с того мига, как Митька, вертевшийся невзначай рядом с Надей везде, где мог, сиганул в Мшагу за Прошкой, все переменялось. Надя снова стала с ним часто рядом.

Сейчас в субботу они сидели ввечеру под липой на скамейке бульвара близ Аракчеевских.

После недели прохладных дней стало тепло. Начиналось бабье лето. Мимо ходили парочки, бодали головами воздух несколько подвыпивших мужичков, шли нарядные бабы в белых платках после вечерней службы, бегали озорники-мальчишки, проехала на велосипедах группа пленных японцев. Ещё пятеро японских офицеров сидели поодаль на скамейках, странно перевернув ладони к лучам солнца.

-- Греют руки, -- пояснила Надя. -- Холодно им у нас. Говорят, японцы петицию писали властям – просились, чтобы перевели их в более тёплое место. Отказали... Да и не найдётся у нас таких мест.

-- В Сибирь их надо было послать! Ходят тут... как свои... -- Митя сказал это тем более сердито, что, хоть нос к носу всех японцев разглядывай, не отличил бы среди них соперника, Хигаки – все были чернявы, малорослы, почти все с усами и презрительным, как ему мнилось, взглядом узких глаз. Увидев, как Надя покривила самый краешек губ – он всё подмечал, что с нею делалось – Митька тут же переменял разговор. Но, так как у него самого в голове не было решительно никаких новостей или мыслей из тех, которые, как он с хитростью влюбленного мгновенно сообразил, могли бы её заинтересовать, он спросил Надю:

– Што нового... в мире делается?

Надя на секунду взглядом чужой на него глянула, а потом, видимо делая усилие над собой, сказала:

-- Лев Николаич Толстой... – писатель –... напечатал в Англии в газете статью против русско-японской войны. Тебе... интересно?

-- Да я слыхавше, ты про то с Калядиным говоривше.. Говорила... – поправился Митька.

-- Как же ты слышал? Я ведь на школьном крыльце, помню, говорила.

Митя смутился.

-- Да мимо шёл. Ты расскажи. Про статью-то.

-- А я даже прочту! Статья в России запрещена, но мне в Петербурге дали её переписать. – Надя, достав из сумочки голубую толстую тетрадь, начала читать вполголоса не слишком охотно, но вскоре приглушенный голос её стал выразительным:

«... в настоящую минуту тысячи безумцев в шляпах убивают тысячи других... в чалмах или убиваемы ими...»

— Из-за чего же ссорятся эти маленькие животные?

— Из-за какого-нибудь маленького кусочка грязи, величиной с вашу пятку, — отвечал философ, — и ни одному из людей, которые режут друг друга, нет ни малейшего дела до этого кусочка грязи. Вопрос для них только в том, будет ли этот кусочек принадлежать тому, кого называют султаном, или тому, кого называют кесарем, хотя ни тот, ни другой не видал этого кусочка земли».

Надя с восторгом поглядела на своего слушателя, ожидая от него оценки сказанному.

-- Это Толстой написал? -- спросил Митька, чтобы что-нибудь сказать.

-- Нет, это написал Вольтер. Это иносказание... сказка. Называется «Микромегас».

-- А ты говорила, Толстой.

-- Это... в своей статье Толстой приводит цитату из Вольтера, -- несколько сбита с толку, пояснила Надя.

-- А чё ж ён другова себе в помочи взял? Не сдюжить одному-то?

-- Он... подчеркивает так свою мысль.

-- А без помочи-то слабо? Гляди, вон скока Толстой твой страниц исписал. Видать, немало ему денег дали. А с Вольтором-то поделившие?

-- Ты по сути слушай дальше! Если хочешь, конечно...

-- Хочу, да!

-- «Журналисты... доказывают, что и правы, и сильны, и во всех отношениях хороши только русские, а не правы и слабы и дурны во всех отношениях все японцы, а также дурны и все те, которые враждебны или

могут быть враждебны русским — англичане, американцы, что точно так же по отношению русских доказывается японцами и их сторонниками.

...толпы так называемых просвещенных людей... выражают самые враждебные... чувства к японцам... к которым они вчера ещё были доброжелательны или равнодушны, и без всякой надобности выражают самые подлые, рабские чувства перед царём, к которому они, по меньшей мере, совершенно равнодушны, уверяя его в своей беспредельной любви и готовности жертвовать для него своими жизнями.

И несчастный, запутанный молодой человек, признаваемый руководителем... народа, постоянно обманываемый и поставленный в необходимость противоречить самому себе, верит и благодарит и благословляет на убийство войско, которое он называет своим, для защиты земель, которые он ещё с меньшим правом может называть своими».

-- Ты... -- Митька осторожно оглянулся. – Ты гляди, Коля Курносый бы не услышал. Ты дай мне лучше эту тетрадку. Я дома сам прочту. Зря, что ль, ты меня в детях читать-то учила?

-- Да, пожалуй. Здесь много страниц. Возьми.

Митя молчал; статья чем-то по-настоящему задела его мысли.

-- Ты гришь, в Англии статью-то пропечатали?

-- В Англии, да. В России её запретили!

-- А Англия сама чё ж? Беленькая? Сами-то оны никогда к чужим странам руки не тянули?

-- Нет, не беленькая. Были, например, две англо-бурские войны. Англичане вторглись в Африку. Вторая англо-бурская только недавно кончилась.⁸²

-- Землицы захотели?

-- Землю. Алмазы. Золото.

-- И что ж?

⁸² Вторая англо-бурская война (1899-1902гг) завершилась подписанием 31 мая 1902 года договора, по которому местные земледельцы-буры признавали власть британской Короны.

-- Война закончилась поражением африканцев. Местные земледельцы-буры признали власть британской короны. Может, слышал песню «Трансвааль, Трансвааль, страна моя! Ты вся горишь в огне!»?⁸³

-- Кто ж не слышал? «Под деревом развесистым Задумчив бур сидел...». Шарманщики как придут – завсегда играют. Я не знал только, что это про английскую войну.

А есть ли такая страна, чтоб на чужие страны не зарилась?

-- Не знаю. Наверное, нет. Все старейшие европейские страны точно себя замарали.

-- Так чё ж они Толстова-то подносят? А ён, Толстой? Чё ж ён тока про Россию-то пишет? А про други страны - - ничёва? Одне мы плохи?

-- Ну, он пишет отвлеченно. Русско-японская война для него – только пример. Он призывает в статье, чтобы люди отказывались идти на войну. Что нужно отказываться из любви к людям. Что и христианин, и буддист... это те, кто в Японии... должны любить всех людей и не поднимать на них оружие.

-- Толстой прям как Тришка наш, -- неожиданно посмеялся Митя.

-- Как это?

-- А ён по селу бегат с новыми листками. Коля Курносый не поймал его ищю. – И Митька, в свою очередь, передал Наде из руки в руку, на секунду задержав её пальчики, листок. Надя, оглянувшись по сторонам, бегло прочитала про себя:

⁸³ «Трансвааль, страна моя, ты вся горишь в огне...» — популярная русская народная песня, созданная на основе стихотворения поэтессы Галины Галиной, опубликованного осенью 1899 года.

«ПАРТИЯ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

В борьбе обретишь ты право свое

К ОПОЛЧЕНИЮ

Волна горя вот уже 8 мес. катится по России. Докатилась она и до нас... Неужели еще мало? Неужели кроважадной царской своре мало сотен тысяч убитых ради ее хищнических планов...

...обмануть народ. Отвести ему глаза от настоящего врага, залить кровью всю землю русскую... Вся страна голодай от безработицы и неурожаев, умирай от цинги и брюшного тифа, мне – царю, это все нипочем. Только постарайся русское воинство, потешить мне царское сердце. Если моим дорогим родственничкам, великим князьям приглянулись корейские леса, а Саве Морозову и другим купцам нужны маньчжурские рынки, чтобы сбывать туда гнилые товары, стану ли я, Божьей милостью, Николай II жалеть народ, это пушечное мясо...

И сидит полоумный царь со своими бессовестными советниками и пишет приказы: «мобилизовать Смоленск, Москву, Петербург, Одессу, Двинск, Екатеринослав, всю Сибирь и проч.». А солдаты ради потехи и наживы богатеев бросай свою землю, свой дом, жену и детей и иди на убой. Одумайтесь, русские люди! Довольно же быть стадом баранов. Пора крикнуть в один голос: «долой войну! Не нужна нам она; не нужны нам

корейские земли, у нас и своей земли много, да не у тех она, кто над ней трудится».

...Уж если умирать, то лучше тут, на родине, за правое народное дело, за то, чтоб землей, фабриками и заводами владели те, кто на них пот проливает, а не дармоеды – помещики, фабриканты да купцы, как теперь. И так, товарищи! Отказывайтесь идти на войну. Ведь не японцы наши враги, а царское правительство, которое в своих интересах не жалеет проливать народную кровь. Долой же войну! Становитесь в ряды социалистов и революционеров лишь в борьбе вместе с ними обретете вы право свое, право всех трудящихся пользоваться продуктами своего труда.

Долой войну! Долой самодержавие!
Да здравствует народная воля!
Да здравствует социализм!»⁸⁴

-- Ну что, похож Толстой на Тришку? – спросил Митя.

-- Нельзя так ставить вопрос. Толстой вообще против насилия!

-- А мы, русские люди, вольные. Всяк свою думу имеет и всяк её говорить может. Отчего б и мне не сказать? Можя, конечно, Толстой и сам думат, что ён против насилия. Да выходит-то – что за.

-- Почему же?

-- А гляди. Статью-то его где пропечатали?

-- В Англии, в газете «Таймс».

-- А Англия – за кого – за японцев? Вот и понимай. А второе – у Толстова ведь и други листки ходют. Чтобы крестьяне шли против помещиков.

-- Не совсем так. Он против частной собственности. И считает, что земля принадлежит всем.

-- А вон Тришка наш возьмет такой листок, а потом подёт и землю ту у помещика отымет. Ищо и убьёт его. А за Тришкой и други мужики подурней подвядутся. Так хорошо Толстой делат или плохо?

⁸⁴ Типография Северо-Западного областного комитета партии социалистов-революционеров. Печ. 1000 экз. ИШН. Архив ПСР, ед. хр. 386. Типографское издание. Подлинник.

-- Но землю же можно разделить поровну!

-- Никогда ничего нигде не бывает поровну. Даже листов на дереве. Они гуще там, где солнце его греет. А с другой стороны, где солнца мало, листов меньше да мох.

Помолчали.

-- А ты сам, Митя -- пошел бы на войну?

-- Ну, на энту-то, с японцем, пожалуй бы, не пошел. За что мне воевать? А вот ежели на Россию кто прямо пойдет? Буду я твоего Толстова слушать? Коли враг придет вот сюда, в село? В твой дом? Враг будет тебя сильничать, а я — глаза в потолок -- мол, я -- христианин? На икону буду креститься, а ён -- деток моих убивать? Я чаю, у Толстова ни жёнки, ни детишек нет?

-- Есть.

-- Значит, не так ён семью понимает. И жёнка и дети не значут ничёва для него.

-- А ты как понимаешь?

-- А я понимаю так: умри, но не за царя, и не за Порт-Артур, а вот за село мое, за мою улицу, за дом, где ты живешь. За тебя...

-- Это эгоизм... -- покраснелась от его прямого признания Надя. — Если человек... любит — это эгоизм. Он делает добро другому человеку, чтобы тот любил его самого. Где же здесь христианство, бескорыстная любовь к ближнему?

-- А ты тут не при чём! — зло даже сказал Митька. — Будь не ты, а друга баба. Самая что нелюбимая. А — жена. И детишки. Их я должен защищать, и всё тут! И костями лягу. Так какой тут эгоизм, гришь? Ежели я сдохну, а их никому не дам — какая мне с энтова корысть?

-- А как же другие ближние? Их не надо любить?

-- А ежели я за свою семью — я и сам ни на кого не пойду. Чтоб они на моих в ответ не напали. И в голове-то своей буду держать — что у моёва врага тоже семья есть. И я оттого ему плохо не сделаю. Вот те и ответ — как сделать, чтоб на земле войны не было. Ежели каждый человек будет в ответе

только за одно -- за свою жёнку и детей – он ни на кого никогда не пойдёт. Так и войны не будет. И люди все лучше станут.

-- Философ ты, Митя. Создал, смотри-ка – свою философию. А я думала...

-- Ты думала, я тёмный. Японец-то интересней, с образованием.

-- Побил ты нас с графом Толстым, -- Надя шуткой постаралась закончить разговор. Собственные мысли, которые полчаса назад ей казались ясны и непоколебимы, вдруг стали мелкими, как будто она посмотрела на них с высоты чуть не выше толстовской. Действительно – будь в ответе за микромир, который в твоей силе создать. Будь за него в ответе – воспитывай детей своих, и жену, и себя, не делай ни внутри дома, ни на миру того, за что стыдно тебе будет перед домашними -- ты – и тот – и другой -- и все люди на свете -- и не будет войн и иного зла. Философия человека из народа против философии Толстого. И эта, народная, интуитивная -- ближе, сердечнее. Реальна ли она? Не нереальнее по крайней мере, чем мысли великого графа. Орлу, высоко летящему, дано больше силы -- да лебедь бьет и орла за лебедиху с лебедемком. Вот так Митя! Вот так «мухам не враг»!..

Отдавая в таких мыслях Мите голубую тетрадку, Надя забыла, что месяц назад с другой её стороны завела личный дневник. Возможно, она вспомнила бы об этом, но произошло курьёзное событие, которое отвлекло её.

Они вставали со скамейки, когда неуверенной походкой к ним направился какой-то японец. Было видно, он считал крайне неудобным подходить к паре, но ему не к кому было больше обратиться – народ в эти минуты разошелся, и рядом не случилось никого, кроме Нади с Митей. Японец остановился за несколько шагов, улыбнулся и поклонился сначала Мите, потом Наде и сказал безэмоционально, заглянув для сверки в книжечку, очевидно, японско-русский словарь, обращаясь исключительно к Мите:

-- Бути любизни. Часы-доктор! – и снова поклонился и посмотрел на Митю вопросительно.

-- Чё-й ему надо? – Митя полуотвернулся к Наде.

Надя подошла к японцу (что повергло последнего в очевидное замешательство и даже потрясение) и задала какой-то вопрос на японском.

«Быстро выучилась», -- с несоответствующей досадою подумал Митька.

Надя указала японцу на одно из зданий за бульваром и, когда тот, кланяясь, пошел, со смехом пояснила Мите:

-- Он искал часового мастера!

12.

Рассуждения Мити сбылись. Случилось неслыханное. Среди бела дня, открыто войдя в контору купца Гаврилина, бедняк Тришка напал на миллионера Козьму Михалыча.

Старый Гаврилин отослал за чем-то приказчика на улицу, и в торговой лавке, откуда дверь была растворена в смежную с ней контору, никого не было. Заглянувший в лавку Тришка вошел в дверь конторы. Гаврилин, на грех, стоял у стола спиной к карбонарию⁸⁵. Вдруг старик ощутил на плече чужую руку, а на кадыке -- холод ножа.

-- Молчи, дурак, -- сказал не совсем ровно Тришка, и Козьма Михалыч почувствовал, что воздух свободы, равенства и братства был пропитан водкою.

-- Садись. И пиши! -- Тришка насильно посадил старика за стол, заломил ему назад левую руку, а в правую дал, обмакнув перо в чернильницу, ручку и лист бумаги.

-- Чего писать, непутёвый?

-- Пиши, што ты... даришь мне, Трифону Летунову, по доброй своей воле половину всево.

-- Чего «всево»?

-- Ну, чё у тебя есть. Дом, заводиска, земли. Лес.

-- С ума ты сошёл?

⁸⁵ Карбонарии (итал. carbonaro — «угольщик») — члены тайного общества в Италии в 1807—1832 гг. В России — синоним слова «революционер». Здесь ирон.

-- Пиши, а то всё отыму! Исплутатор! Пьёшь нашу кровь!!! А то... Можя, лучше убить тебе? – вдруг тихо, что было страшнее крика, сказал мужик. -- Как в других-та волостях делают? А дом - - спалить...

-- Это кто - - я эксплуататор? Это у ты я кровь пью? Или, можя, это ты у меня в прошлом годе дорогую пилу на лесозаготовках поломал и не выплатил? Из-за чё я тебя и выгнал! Я – эксплуататор!!? Ишь ты!!!

Старик, рассердившись, двинулся резко назад и вбок вместе со стулом, и рука промедлившего пьяного с ножом повисла в воздухе. У опешившего Тришки Гаврилин заломил руку и отнял нож.

Глянув на открытую дверь конторы, Гаврилин с удивлением обнаружил, что в помещении лавки собралась кучка людей. Удивительным для него оказалось то, что они молчали и не вступились за него.

-- Дурак ты, дурак, – сказал Козьма Михалыч громко, для людей в лавке. – Даже не понимаешь, что бумага такая недействительна. И вы думаете, что я – эксплуататор? - - Крикнул он людям за порогом.

Люди чуть попятились, и кто-то на всякий случай соврал:

-- А чё? Мы ничёва не выдавшие! Чё случивше-та?

-- Я – не эксплуататор! Я такой же, как вы, мужик. Не верите?

Люди молчали. Гаврилин подошёл к ним ближе.

-- Отколь взялось богатство моё – знаете?

-- Не знаим, – мрачно кто-то сказал за спинами.

-- А я расскажу! Сорок лет назад я был бедняк. Голь перекатная. Подженился, может, думаете, на богатой? Ан нет, моя Марья Евграфовна – сирота была. Одно богатство у ней было – родителей честное имя. Она с семьи староверов. И вот пошла она для меня денег просить займы к богатым таким же староверам. И те под её честное слово - - дали. С отдачей под большой процент.

На те первые деньги я купил у помещиков, что вошли в большие долги перед государством, землю с лесом.

Начал рубить и сплавливать строительный лес по Мсте к Ильменю, потом по Волхову⁸⁶, до Петербурга. Помалу отдал проценты. Снова в лес вложил.

За годы накопил денег. Льном занялся. Понял, что лён в наших краях растёт, много его родится, и хорошего. Сын мой, Максимка, знаете, взял моё и с Самойловым сделали льнозавод. Много ваших жёнок на льнозаводе работает? Много, я спрашиваю? Твоя работает?

-- Работат жёнка моя. Да у суседа женка, -- ответил, смущенно кашлянув, сельчанин, в которого Гаврилин ткнул пальцем.

-- То-то! И што я взял у тебя – у тебя - - у тебя? - - по очереди спрашивал, указывая на каждого, старик. – Ни полушки⁸⁷ нЕ взял! Только дал!!! Вон храм стоит – Гаврилин указал на пятикупольную церковь Святой Троицы в окне – все знают, что это я на его денег дал! А Марья Евграфовна моя, хоть старой веры, и в церковь ту ни ногой, мне слова супротив не сказала. Поддержала меня. Убьёт он меня!!! – расхотелся старик, кивая дрожащей от негодования головою на сидевшего со злобным лицом на конторском стуле Тришку. – Да не боюсь я тебя, тьфу, погань! Умру – от меня много чего останется!!! Храм останется! Завод льняной, где полсела работает, деньги в семьи несут! Дом мой для внуков! Пожарна часть да театр вон, на что мы с Максимкой денег дали! Школа, на какую я жертвую. Всё – мое!!! Потому что всё это я своими руками сделал. И вам подарил. А вы – меня эксплуататаром кличете?

Люди, переглядываясь, невнятно заговорили, лица светлели; бежал с улицы Максим Козьмич с приказчиком; уводили Тришку. Старик увидел лицо сына и слабо поднял руку, желая, возможно, перекрестить его или коснуться, но не смог. Сердце оказалось слабее силы жизни, бушевавшей в нём. Закатный луч, вспыхнувший в окне на куполе церкви напротив, был последним, что он увидел. Может быть, для Козьмы Михайловича это был не худший конец...

⁸⁶ Мста – река, Ильмень – озеро, Волхов -- река в Новгородской области

⁸⁷ ПолУшка (устар.) -- ¼ копейки.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НЕ ЗАБУДЬТЕ МЕНЯ

... Не забывать — это право забытых,
Как сниться живым -- это право убитых.

Е.Евтушенко.

1.

Раскрыв Надину голубую тетрадь со статьёй Толстого, Митя прочел полстраницы, пролистнул и обнаружил, что с конца тетрадки тоже есть записи, только вверх ногами. Когда он понял, что это дневник, и что Надя пишет о японце, Митя забрался от всех домашних в сенник над сараем и, не

задумавшись ни секунды над тем, плохо ли то, что он делает, начал читать внимательно уже каждое слово:

«9 августа 1904 г.

НЕДООЩУЩЕНИЕ

Сегодня осыпа^лись семена с березы. Мы с Х. сидели в нашем дворе на скамье под березою и услышали в тишине тихое шуршание. Это падали семена.

Десятки рыжевато-соломенных малых кружков слетали кучкой или поодиночке, задевая ветви березы, на землю. В одном месте среди веток паук свил паутину, и, невидимую ранее, её вдруг обрисовали опавшие семена.

Мама разбирала какие-то мелочи в сарае. Мы с Хигаки по её просьбе вынесли во двор покрытый пылью сундук, потом снова сели на скамейку.

Бело-чёрный соседский котенок нежился у меня на руках. Х. спросил: «В России есть праздник любования берёзой»? (Здесь и далее я буду ближе к нашему языку пересказывать его фразы, а также отсекал его неизменную прибавку «госпожа Надя», от которой он по моей просьбе старается, но не имеет силы избавиться.)

Мама, услышав издали вопрос о берёзе, засмеялась. Удивительно, в самом деле! Оказывается, в Японии у всего народа в обычае, например, праздник любования первым снегом. Традиция и специально устроенные места любования луной. Всеобщий праздник цветения сакуры (это род вишни с розовыми цветами). «Нет, для нас природа... вровень с нами!», -- отвечала я. -- «Мы её особенно не отмечаем. Она -- родная, часть нашей жизни, служит нам либо мешает. «В Японии другое: люди -- часть жизни природы», - - сказал Х.

Я заметила: когда семечко березы падает на руку, кожа не чувствует это прикосновение до конца. Не хватает веса, силы падающего семечка. Это можно назвать -- недоощущением.

Я вспомнила схожее впечатление. Когда котёнок, что у меня на руках, был ещё крохотный, я легко обхватывала его рукой и не чувствовала, никак не могла почувствовать его тельце -- словно не было у него ни косточек, ни

мускулов. И шёрстка его была настолько нежна, что моя ладонь чувствовала - - недоощущение этих тончайших ворсинок.

Я рассказала об этом Х. Он сказал: «Разрешите мне, госпожа Надя...» - и, спрашивая ещё раз глазами, ладонью сверху слегка коснулся моей руки, но не донёс до конца. «Это – недо-ощу-щение?» -- спросил он. «Да», -- прошептала я. – «Вы верно поняли...»

(-- Ку-ка-рекууу! – перед Митькой в проёме сарайного окна возник петух, задёргал гребнем, замахал крыльями и свалился обратно за окно.

-- Тьфу, нечиста!)

А семена березы всё сыпались с легким шуршаньем. Я подняла голову и увидала (удивительно, ранее мне никогда не приходила мысль наблюдать за такими вещами!), что каждое из семян, изящных, похожих на крошечный плоский цветок, летело с умиравшей, рыжей, походившей на облезлый осенний рогоз, сережки:

-- Как удивительно! Такая красота производится такой некрасивостью!

-- Простите, я не соглашусь с Вами, госпожа Надя. В мире нет некрасивого. Красиво и старое, и умирающее. (Он сказал точь-в-точь слово, которое я подумала про серёжку: у нас с ним часто бывают такие совпадения.) Вот это, например, – Х. указал на сундук, вынесенный нами на двор – из облезлых досок, с поцарапанными железными углами, в пыли и паутине. – Эта вещь – она красива. В ней живёт время.

Грай разнесся над нами. Мы подняли головы. Вверху кругами летали вороны и галки, верно, подражавшие птицам, готовящимся улетать к югу. Навстречу птицам с земли устремились, описывая круги поменьше, какие-то крупные мошки. Подойдя ближе, я увидала, что это, однако, не мошкара, а крылатые муравьи. Вероятно, они расплодились в сарае, и мама решила вынести сундук, чтобы выгнать из него их. Вся эта обыкновенная и забавная даже крохотная жизнь стала в моих глазах другою.

Две кружившихся стаи, – ворон и странных крылатых муравьев – стремившиеся в голубое небо, -- было красотою природы. Я сидела у берёзы, сыпавшей с едва слышным шорохом семенами, покойно и вольно. И чувствовала: это не я наблюдаю за миром, а я сама – этот мир, я часть его, и часть не большая, чем галка или муравей. Это было состояние счастья,

участья в вечной жизни, в которой нет мелкого и смешного, нет печали и отсутствует смерть в том смысле, в каком мы её понимаем.»

20 августа 1904г.

БЕЛАЯ НОЧЬ

Сейчас черно уже вечерами. Я рассказала Х. про наши белые ночи. Он всё же никак не мог понять, что это.

-- Белые ночи идут у нас лишь в северных волостях с мая по июнь, -- рассказывала я. -- Вообразите: ночью светло, как днем, но на небе нету солнца.

-- Как в пасмурную погоду? -- силился догадаться он.

-- Нет, не то. Ах, жаль, я не умею описывать. Голубое, но без жара, небо. Деревья в саду и на улице -- только тени, угадываются. Листья, ярко-зеленые днём при солнце, сейчас темны. Они не колышутся (настоящая белая ночь всегда без ветра, как и без туч и облаков). Можно попробовать разгадать их владельцев.

Изящен силуэт и округлы маленькие листья -- пусть не видно беловатой коры -- это аккуратная березка. Несуразная, похожая на веник с надломанными, вкось висящими прутьями или на водоросль, разметавшую по речной воде свои космы -- груша. Высокий и статный, с пышной и ровной, будто стриженной, яйцеобразной кроной -- поставщик самых плохих дров, годный на то лишь, чтоб укрыться под ним от дождя, тополь. Одна только яблоня хорошо видна во всей красе с белыми своими цветами (с груши цвет уже отлетел), как красавица одна видна в хороводе. Нестерпимо для взгляда сияет серебром луна. До 12 часов вечера светло, потом с часу до двух темнеет -- и в 3 часа утра уже свет, как днем.

В белые ночи природа погружается не в сон, а в покой. Это -- любимая моя пора года! Я люблю засыпать с открытыми занавесками, смотря на белую ночь. В белые ночи чувствуешь, что жизнь не останавливается никогда. Когда они проходят, и ночами становится, как теперь, в августе, темно -- мне грустно: природа поворачивает на зиму...

-- Надя-сан, Вы похожи на белую ночь! - - неожиданно сказал Х. – И Вы клевете на себя, Вы - - прекрасная рассказчица, я словно вошел в белую ночь в Ваш сад.

Кто ещё мог сказать так, кроме него? Наши мужчины или грубы, или стеснительны, или поразительным образом в них сочетается то и другое. Митя как-то спросил меня, что я нашла в японце. Я отвечала: «Душу. Его душа такова, какой нет ни у кого из вас...».

(На этом месте дневника бедный Митя отбросил тетрадку, вскочил с сена, на котором лежал, взъерошил чуб, отмахнул рукою что-то невидимое с досадой от себя – и снова со скривившимся лицом, но прилежностью первого ученика взялся за чтение. Нужно было успеть узнать как можно больше – дневника Надя могла хватиться в любой момент.)

Я взволнована. Считать ли слова Х. признанием? Для русского подобные слова были бы простым комплиментом. Но я уже знаю, что японцы – нация, у которой, в отличие от нас, русских, не принято открыто высказывать мысли, едва те пришли вам в голову, и ни при каких обстоятельствах не поощряется обнаруживать сентиментальные чувства.

-- Я -- белая ночь оттого, что не блистаю? – спросила я Х. с улыбкою; он серьезно отвечал фразами, содержащими истинно японские понятия о красоте...

Я не покривлю душой перед самой собою, если скажу, что для меня не важно, красива я или нет. Только лет в десять-одиннадцать – в возрасте, когда к девочкам впервые приходит это сомнение – я, тайно ото всех смотрясь в зеркало, наклонясь к пруду или бочке с водою в нашем саду, часто вглядывалась в черты свои. Уже давно я не задаюсь таким вопросом! И мне смешно, когда (такое бывало несколько раз за мою жизнь) кто-нибудь знакомый, даже из тех, кто часто видит меня, вдруг вглядится в моё лицо, и у него вырвется изумлённо: «Почему я ранее не замечал, что Вы красивы??!»

Такой случай произошёл, к слову, совсем недавно. Мы делали репетицию пьесы «Бедность -- не порок» в новом театре. Скоро премьеры, и уже из наших собственных домов и по нашему объявлению сельчанами принесено довольно костюмов для всех почти персонажей. Но костюм для главной героини, которую играет Катерина – он должен быть особым! Он выделить должен её красоту, чтоб заставить зрителей полюбить её глазами

героя и вызвать сочувствие её несчастной судьбе. Никак нам было не отыскать такой костюм! Тут – нежданно – помощь свою предложила супруга нашего миллионера Самойлова, Настасья Яковлевна.

Молодая красавица сама пришла в театр, видимо, из любопытства. Она сидела в зале и смотрела репетицию, когда мне принесли известие о том, что Настасья Яковлевна готова подарить для героини костюм. Я выскочила резво из-за кулис и с радостью подбежала к ней; глаза мои, верно, сияли: я, зная её редкостный вкус, понимала, что пьеса спасена! Тут-то и сказала она, глядя на меня, удивленно:

-- Надежда Васильевна, оказывается, Вы красивы! Почему я раньше не замечала, что Вы -- красивы!? – и тут же стала просить весьма смущённо прощения за нечаянную свою дерзость... Я с легкостью простила её.

Настасья Яковлевна между прочим спросила, не знаю ли я, где можно достать учебник английского языка. Я отвечала, что у меня есть «Практические уроки английского языка» Лангена по системе Робертсона⁸⁸ – это издание с опорой на французский язык, который она, безусловно, должна хорошо знать. «Применяли ли Вы его на практике?» - - рассеянно спросила она. Я отвечала, что нет, не посчастливилось говорить с иностранцем, а в обучении английский у нас редок. Я обещалась передать ей учебник. Костюм, доставленный ею – *chef-doeuvr*⁸⁹ !!!

4 сентября 1904 г.

ЧУЖОЙ ОГОРОД

В беседах своих мы с Х. без договоренности избегаем темы войны и противостояния наших народов. И в то же время нет с ним светлой минуты, которая не омрачилась бы вскоре или впоследствии моим сознанием того, что я радушна с врагом моего Отечества.

Но какое отношение война, идущая сейчас вдали, имеет к нему – к Хигаки? К человеку, который жил до этой войны и, надеюсь, будет жить после – человеку, имеющему детство, юность вдали от войны, впитавшему учение мудрецов мира, далёкое от идей войны, -- человеку интересному этой

⁸⁸ Яков Ланген. Санкт-Петербург, 1847 год.

⁸⁹ (Фр.) шедевр

учёностию, по природе своей великодушному, честному и... милому, наконец!?

(Бедный Митя дал слово себе дотерпеть и дочитать.)

Тем не менее я избегаю задать Х. вопрос, который живёт в моем разуме. Этот вопрос: убивал ли он моих соотечественников, успел ли убить за то время, что был на войне, и – как будто это имеет значение - - скольких. Полагаю, и он, в свою очередь, не раз думал о том, что я – русская, а, следовательно, даже не хотя должна радоваться гибели и увечьям японцев.

Колонизация европейцами стран Востока открыла любопытный обычай. Жители Индии пускаются босиком по горячим угольям костра, дабы доказать силу веры своим богам. Наша дружба с Х. имеет характер подобного огнехождения! Не остывающий здесь, вдалеке от боев, уголь войны опасен под нашими ногами – и мы в разговорах наших и даже мыслях пробегаем эту тему, не останавливаясь - - точно как индийцы, не желающие получить ожог.

И оттого, что оба мы мучаемся этим проклятым вопросом, и оттого, что понимаем, что вопроса этого не возникло бы, ежели бы не было войны – немудрено, что мысли нас обоих в огромной степени занимает причина идущей войны и причины всех войн на свете.

Недавно на краю села мы с Х. оказались свидетелями ссоры двух сельчан. Они стояли посреди поля, хрипло кричали друг на дружку, как вороны, и то и дело взмахивали в стороны руками, как ворона это делает крыльями, изображая, что собирается взлететь. Один подступал к бороде другого, выражая сердечную мечту в ближайшие мгновенья ухватиться за сей заманчивый предмет.

-- Не зря у нас в народе есть примета: драки соседей из-за земли - - к войне, – сказала я и, взглянув на Х., перевела мысли в направление шутки. -- Претеснейшая близость сковывает соседей по земле! –с улыбкою продолжила я. – Сосед по огороду порой занимает сердце пуще родственника! В самом деле! Что муж или сын, брат или сестра? С ними нет причины желать видеться с утра пораньше каждый день, бежать от крыльца своего к изгороди, чтобы, не теряя ни минуты зря, вступить в самый занимательный разговор.

Трепещущая тема беседы избирается тут же, легко, как это бывает меж близкими людьми. Она заключается, например, в упомянутой изгороди меж двумя соседскими

участками. Кому принадлежит аршин⁹⁰ земли, на которой она вкопана? Каждый считает, что ему, и объявляет вруна вором.

Злосчастливую изгородь периодически ломают и возводят снова – аршином ближе то к одному дому, то к другому. У каждого из двоих соседей дома в запертом ларце, ключ от коего всегда висит на веревочке у сердца, хранится бумага, где записано, что спорный аршин принадлежит именно ему – и он часто потрясает этой бумагой чрез изгородь, но близко врагу не подносит. А может быть, бумаги обоих -- вовсе не об аршине? Зачем нужен каждому этот аршин, на котором никто никогда ничего не сажал – Бог весть!

Как много сладости в изъятии чувств соседей! Вот первый с приятным зудом в руках и симпатичной улыбкою бьет кнутом визжащую соседскую свинью, подкопавшую священную границу. На следующий день второй сосед, приметив первого, вступает в разговор с его шавкою, гавкнувшей пару раз прошлой ночью, и объявляет ей сокровенный план угостить её крысиным ядом. Как рады соседи угодить друг другу! Первый, к примеру, открывает второму, что пятнадцатилетняя дочь того уже ягода не первой свежести, и предлагает свою услугу отхлестать её собственноручно крапивою, когда пойдет она ночью погулять при луне, скрывая путь свой от родителей, чрез его огород. В ответ на то второй сосед указывает на тень, павшую от соседского сарая на его грядку, и предлагает свои силы, чтоб снести мешающий сарай.

«Подпустить красного петуха⁹¹ на твою избу - - вот что нужно бы!» -- красивым народным выражением радуется друга первый. Если же когда-нибудь и впрямь, не дай Боже, произойдет, и без чаяния, от копны сена, например, подожжённой неразумными мальчишками, пожар и перекинется на забор, сарай или дом – пламень войны в веках не затихнет в этом проклятом месте, и сменные поколения от пуповины матери станут питаться легендарной ненавистью к врагу.

Всё это звучит абстрактно забавно. Но увеличьте злополучный спорный аршин, скажем, в миллион раз! Вы получите 700 километров.

⁹⁰ 1 аршин – 71, 12 см

⁹¹ Т.е. поджечь

Вспомните же теперь, сколько войн между государствами было заведено из-за подобной, большей или меньшей, изгороди?! Сколько копён сена горели и горят или тлеют на треклятых границах? И какие из них на самом деле поджёг не первый и не второй из ссорящихся, но скрытый ото всех в ночной темноте ТРЕТИЙ сосед, причём, бывает, живущий так далеко, что и подумать на него нельзя -- или даже, с разных сторон, несколько соседей, имеющих свои цели в этом злодействе?!!

Мужики, которых мы увидели с Х., ссорились из-за земли на поле.

-- Чересполосица, -- пояснила я для японца. – Рядом оказались полосы земли, принадлежащие разным хозяевам. Теперь, видимо, один запахал, случайно или намеренно, часть земли второго.

-- В России крестьяне владеют землёю? - - спросил он.

Я не сразу отвечала, стараясь припомнить подробности освобождения 1861-го⁹². Слишком хорошо помнился мне недавний стыд, когда я спросила Х., с невольной – о позор! – снисходительной заботливостью в голосе: «Существуют ли в Японии школы для детей?», а он отвечал: «У нас – *обязательное (!)* обучение детей всех сословий и полов с 1872 года». (Чего до сих пор нет в России!!!)⁹³

Вот так щелчок по русскому национальному самолюбию! Мы мнили эту страну отсталой, нецивилизованной - - а она с 1872 года – 30 лет назад! -- ушла вперёд нас!

То же оказалось и с сельским хозяйством, и промышленностью. Не только не дикарский -- как думает до сих пор большая часть российского населения -- строй жизни в Японии, а в некоторых явлениях более развитый, чем у нас! Из рассказов Х. я поняла, что к 1870-м годам отнеслось у них такое же освобождение крестьян, как в России. Не гуманные побуждения со стороны властей стали тому причиной, а (как и у нас в России) – выступления крестьян и даже нападения их на помещичьи владения.

⁹² Реформа 1861 года, отменившая крепостное право в Российской Империи.

⁹³ Законопроект «О введении всеобщего начального обучения в Российской Империи», т.е. об обязательном бесплатном начальном обучении всех детей от 8 до 12 лет, был предложен министром народного просвещения П. фон Кауфманом в 1907 году, но его обсуждение затянулось; в 1912 году законопроект был отклонен Государственным советом.

Но есть отличие. (Я расспросила Х. подробно, поскольку вижу – крестьяне русские не вполне довольны освобождением. Довольны ли японцы, хотелось мне знать.)

Японские крестьяне (в отличие от русских) стали прямыми собственниками земли. За это их прежним хозяевам–помещикам государство (взявшее для этой цели долг в Англии) выплатило огромные деньги. Помещики вложили эти деньги в банки или заводы и начали получать прибыль. Государство построило металлургические заводы, верфи и т. д., а затем за бесценок продало их в руки крупных торгово-промышленных компаний (я запомнила название одной – «Мицубиси»), потворствуя развитию капитала. Крестьяне, владевшие теперь землею, также стали сбывать свои товары и платить поземельный налог. Земельный налог составляет в Японии 85 процентов от всех доходов в государстве.

Всё это – социальные перемены правителя Мэйдзи, несомненно, мудрого человека. В экономическую поддержку им он добавил по образцу западных стран железные дороги и пароходство для развоза товаров, открытость иным техническим идеям Запада. В поддержку духовную – образование (60 процентов населения Японии грамотны; о всеобщем начальном обучении я уже писала); конституцию (которую российский царь называет бессмысленной⁹⁴), дающую сознание свободы личности и умиряющую – на заметку российскому царю -- таким образом недовольство властями; объединяющее японцев обожествление личности императора и (к горю для России и других стран!) сплочённость нации против единого врага - чужеземцев, которые могут вторгнуться в Японию или препятствовать удовлетворению её интересов.

Что же в России? У нас крестьянам волю дали – но не дали земли в прямую собственность. Куском земли владеет не один человек, а крестьянская община - - объединение бывших крестьян одного помещика. Община платит государству налоги; она же имеет власть разделять землю между крестьянами общины. Это удобно государству – ежели кто-то один не

⁹⁴ Первой публичной речью после вступления на престол Николая Второго стала его речь 17 января 1895 года в Зимнем дворце перед депутациями дворянства, земств и городов. Текст речи гласил: «Мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начала самодержавия...» Речь широко обсуждалась, была, по мнению некоторых историков, воспринята интеллигенцией как вызов идеям конституционных преобразований и стала причиной роста революционной агитации.

платит – у того община по решению схода урежет землю или вовсе отберёт. То есть государство свой налог получит, а как – покрыто тьмой. Но что получит в таких условиях отдельный крестьянин?

Этот отдельный русский крестьянин должен за свою землю платить двоим – государству и помещикам.

Государство, как и в Японии, уже заплатило со своей стороны помещикам. Но российское государство, отдав деньги помещикам, тут же потребовало их обратно с... крестьян. И вперёд 49 лет каждый крестьянин – через общину -- должен платить государству кредит (на который он не соглашался, его заставили реформой 1861 года). Притом государство со своей стороны выплатило помещикам только 80 процентов. 20 недостающих процентов должны выплатить помещикам... крестьяне. Для того оставлен денежный оброк (8-12 рублей в год) и «барщина» -- бесплатные работы на барина 30-40 дней в год.

Нужно учесть, конечно, национальные особенности русского и японца. И я думаю, они и учитывались в наших параллельно шедших земельных реформах.

Зимы ли наши тому виной, замораживающие всякое желание движения, или большие расстояния между селениями, в каждом из которых свой царь, а правды нет, а, может, созерцательность русского человека, который склонен более рассуждать о смысле жизни, нежели обустривать её – но только трудолюбие иссушающее, муравейное, накопительное, улучшающее жизнь индивидуума и его семьи – примета лишь отдельных русских людей, но не наше национальное достоинство.

Русский человек вынослив, умеет много трудиться, и крестьянская страда летняя – не зря так названа. Но отчего-то трудов его хватает ему и его семье лишь чтобы не умереть с голоду. «Лишнее», то, чем мог бы он усладиться или прирастить свой достаток, вечно кто-то заблаговременно прибирает от него, помещики или государство. По этой причине он легко впадает в лень и всегда мечтает о том, что вдруг падёт на него с небес богатство. Дайте ему это счастье – и что ж?

Отдайте землю бесплатно прямо в руки русских крестьян – и из десятка семеро-восьмеро будут обрабатывать её с большей или меньшей прилежностью, а трое-двое – продадут, не смотря на душераздирающие

крики семейства – и пропьют, а, пропивши, пойдут просить милостыню или восставать против несправедливого правительства.

Так, верно, рассуждали наши преобразователи, отдавая вожжи в управлении землёю сельской общине.

Но разве у японцев нет лентяев?

Это нация, бесспорно, трудолюбивая настолько, что сие качество можно отнести почти к каждому японцу. Японское трудолюбие возглавляется мыслию о личном благополучии и традицией общественного послушания старшим, когда за каждым человеком встает кто-то выше, как в лесу за травой возрастают кусты, а за кустами — деревья; наивысший в этой очереди послушания -- император, которого японцы считают потомком богов. (В России тоже есть очередь послушания, в которой муж важнее жены, а из детей главенствует старший; есть начальник и подчиненный; наконец, есть царь; но разве не в русской традиции говорить и помещику, и даже царю «ты»?) Всё же, если взять во внимание, что и у японцев не все трудолюбивы, отчего японские власти решились отдать землю прямо крестьянам?

Думается, в японской новой жизни устроен некий, неизвестный мне порядок, по которому продукты, производимые на своей земле, каждый крестьянин может в быстрое время сдавать и получать за это весомую для себя прибыль – и отдавать от этой прибыли налог государству, отчего богатеет и государство, и крестьянин. Подробностей этого порядка я не знаю. Но, ежели бы наши государства взамен того, чтобы воевать, рассказали бы друг другу о таких секретах, оба они стали бы гораздо богаче, чем (как они думают) даст какому-либо из них война. Пока же наш работающий русский крестьянин походит на лошадь, чьи глаза с боков закрыты шорами – она, бедняга, усердно, до упаду бежит только вперёд, к малому пучку сена, неспособная выбрать путь, который привел бы её к богатой и полной кормушке.

Всё описанное беспокоит меня ещё и потому, что очевидно складывается в будущем следующую цепочку злосчастий для России: недовольство русских крестьян и довольство японских – революционные, разрушительные настроения русских и сплочённость японцев – уныние русских на фронте и воодушевление японцев – поражение в войне России, возможное по описанным причинам, и новые внутренние у нас волнения. Я опасаясь, что мы проиграем, и проиграем дважды – в войне и в стране.

Но обращусь снова к увиденной мною и Х. ссоре крестьян за полосу земли.

-- Не думаете ли Вы, что этот спор демонстрирует нам самую частую причину всех войн: борьбу за землю? - - продолжила я начатую мною в рассуждении о соседском аршине игру в аллегории. -- Либо один хочет взять землю второго, либо первый полагает, что часть чужой земли или вся она на самом деле принадлежит ему, и хозяин владеет ею по несправедливости.

-- Согласен с Вами. Притом часто первая причина -- действительная, а вторая -- объявленная, - - прибавил Х.

-- Что же такого на чужой земле? Отчего она так манит всех правителей? Морские порты, золото и алмазы... много ценного может быть на чужой земле! Так, у одного из тех мужиков, что сейчас ухватят друг дружку за бороды, земельный надел может быть с плодородной землей, а у второго -- с оврагом и перелеском!

Но разве не понятно уже в нашем веке то, что ясно знает любой разбогатевший крестьянин -- что не количество земли даёт богатство -- и даже не её качество -- а то, ЧТО ВЫ СДЕЛАЕТЕ С НЕЮ!

То, что богатое КОЛИЧЕСТВО земли не гарантирует богатства государству, видно на примере двух наших стран. Япония -- невелика, Россия - - огромна. Но благодаря малым расстояниям в Японии быстро развозятся товары, быстро и ясно видятся потоки денег. Отсюда, в частности, -- экономический взлет и расцвет государства. Огромная же Россия парадоксально беднеет от своей величины: из-за дальних расстояний и плохих дорог, сумрака в получении и расходе денег от далёких провинций, дающего возможность взяток, воровства денег на всех уровнях.

То, что богатое КАЧЕСТВО земли не обещает прибыли её владельцу, можно доказать на примере отдельных людей. В нынешнем году в Москве в театре я видала новую пьесу русского писателя Чехова «Вишнёвый сад».⁹⁵ Там описан случай, как толковый мужик купил у бестолковых помещиков сад и разбогател, они же, не умея пользоваться этим садом, обеднели. То же сделал наш медведь, Гаврилин Козьма Михалыч, купив у неумелых

⁹⁵ Пьеса «Вишнёвый сад» написана в 1903 году; впервые поставлена 17 января 1904 года в Московском художественном театре.

помещиков землю с лесом... Выходит, главное в богатстве государства и богатстве отдельного человека – это искусство УПРАВЛЯТЬ!

-- Я не читал Чехова, к сожалению. В Токийской школе иностранных языков преподавали русскую литературу. В Японии есть переводы. Но у нас больше знают Тур-гене-ва и Толстого. Теперь прочту обязательно! У меня есть свой пример. В Японии существуют места, где только горы, и, кажется, нельзя вырастить рис, - - сказал Х. – Но умные люди придумали так: сделали длинные окружные ступени в горах. Вода из горных источников течет по ступеням и день и ночь орошает их. Это знаменитые террасы. Там сажают рис. В Японии мало земли. Мы используем каждый её кусок. Даже на насыпях между рисовыми полями японец сажает бобы. А до того, как на рисовом поле высадить рис, на нём же сажают и успевают снять рапс для масла.

-- Да, и для этого вам даны дожди, а половине Японии – жаркий климат! Мы же в России семь месяцев в году, а где и девять, глядим на снег! Почему нельзя договориться, - - задумчиво сказала я, смотря на него (эта мысль только созревала в душе моей) -- чтобы оставить всю землю на свете так, как...

-- Как разметил её последний землемер.

-- Да. И более не переделывать эти границы!

-- И запретить входить на чужую землю без разрешения её хозяев.

-- А ежели на чужой земле возникнет внутренний спор? И хозяйка позовёт вас зайти на её огород, чтобы защитить её от мужа, который бьет её, грозит убить? А вы – друг этой хозяйки? Как быть? Можно тогда входить? Если хозяин не разрешает?

-- Получается, что нет, нельзя.

-- Но ведь он может убить её!

-- А если тот, кто войдет - - скажет соседям, что она звала его на помощь – но на деле НИКТО ЕГО НЕ ЗВАЛ?

Наши многозначительные идеалистические рассуждения двоих двадцатилетних неземледельцев окончил урядник Коля Курносый. Олицетворяя способ разрешения всех по крайней мере внутригосударственных конфликтов, он, сапогами промесив грязь обоим

участков, взял обоих мужичков за шивороты⁹⁶ и, пригрозив нагайкою, повёл на разбор.

6 сентября 1904г.

БЕЛОЕ И КРАСНОЕ

Сбываются мои мысли о нашем поражении. Доставлены «Новгородские губернские ведомости» с фронтовыми известиями. 23 августа⁹⁷ японцы заняли оставленный нашими Ляоян⁹⁸. Мы – с перевесом в численности войска и орудий!!! -- проиграли Ляоянское сражение.

Наши уже двинулись после поражения к новому месту -- Мукдену⁹⁹. Всё дальше вглубь материка уходит наше войско от напрасно ждущего его на кончике Ляодунского полуострова гибнущего Порт-Артура...

Я отправилась на берег реки с этюдником, листами бумаги и красками на занятие по рисованию с Х. только оттого, что это было условлено. Взглянув на Х., я ожидала разглядеть признаки радости. Но что увидишь явно выраженного в японском лице!?

В Японии есть национальный вид рисования, впрочем, заимствованный из Китая (как, однако, эта нация умеет взять от других всё прогрессивное или интересное, твёрдо храня своё!).

Рисуют только одной краскою. Обыкновенно берут красную или чёрную. В этой старинной технике главное – особый изменяемый нажим кисточки, благодаря которому при использовании одной только краски происходит переход от яркого тёмного оттенка к бледному. Набор сюжетов определён и невелик: цветки, листья, стебли, очерк горы, камыш и т.п. Линии скупы, отсутствуют тени. Перспектива слаба и обозначена тоже только светлыми или тёмными, жирными или тонкими мазками.

-- Возьмите лучше чёрную краску, госпожа Надя! - - попросил Х.

⁹⁶ Шиворот – ворот, воротник (словарь Даля)

⁹⁷ 4 сентября по новому стилю

⁹⁸ Ляоян – город на северо-востоке Китая

⁹⁹ Мукден – ныне Шэньян – город на северо-востоке Китая

-- Отчего же не красную? Мне более нравится! Красная хризантема -- на белом!

-- Я знаю про Ляоян. И я не рад.

-- Вы кривите душою.

-- Я расскажу Вам.

Он никогда не говорил многословно, и уже оттого его подробный рассказ поразил меня. Он говорил, и я, никогда не бывавшая на краю земли, картой очерченном у океана, видела словно его глазами.

Сопки Маньчжурии – ввысь уходящие крутые каменистые склоны, часто поросшие лесом, по которым извилисто, трудно движутся военная техника, лошади, обозы, измученные, глядящие только под ноги люди. Скоро каждое опирание на ногу при подъёме начинает причинять такую боль, что поневоле часто останавливаешься. Вот открылась равнина под сопками, на краю которой -- деревня китайцев. Часть равнины заполняет -- так кажется издали – лес, но это – поле, где, теснясь, растут, высотой в два человеческих роста, красно-коричневые факелы на листовых стеблях: злак гаолян¹⁰⁰. Сильное солнце, пекущее и более привычных к нему японцев, скоро изнуряет до солнечного удара, до рвоты русских северян.

На этой равнине у подножия сопки сошлись русские и японцы.

Японцы -- в форме цвета *хаки*, (новой, по образцу английского войска) – незаметной, сливающейся набором красок с зелёно-жёлтыми стеблями и листвой гаоляна, кустарником, лесом на сопках, землёю...

Русские: солдаты – в издалека видных *белых* рубахах и черных шароварах, офицеры -- в *белых* кителях. Ярко вспыхивают на солнце офицерские золотые, серебряные погоны, золотая, серебряная тесьма – галун – на поясах и портупях. *Белыми* чехлами покрыты фуражки. Только высунь голову в такой фуражке из-за укрытия – пли!!! Не выдумать ярче мишеней.

И валятся один за другим одетые в белое, как в смертные рубахи по русскому обычаю, целые русские полки. И на белом -- растекается красное.

На той же земле, уже не делимой для мертвых, лежат, слившись с землёй и травой, тела в форме цвета хаки.

¹⁰⁰

Растение семейства злаковых, один из видов сорго

И за ними и за белыми смертными рубахами, устлавшими поле, стоят, как могильные факельщики, высоко подняв красные метёлки, стебли гаоляна¹⁰¹.»

2.

Дочитав до этого места Надиного дневника, Митя услышал, как внизу, у лестницы на сенник, мать зовёт его. Уже темнело; верно, он не один час просидел здесь. Но оставались еще несколько исписанных страниц.

Митя крикнул матери, что скоро спустится, и решил дочитать.

«Всякий диалектный язык, бытовой, живой говор народа, следует непременно фиксировать в словарях! Тому я вижу несколько причин.

Во-первых, диалекты вскрывают тайные связи слов русского языка. Диалектный язык -- пуповина, соединяющая новорождённый (в отношении к векам) современный литературный язык с праязыком, на котором говорили наши далекие предки. Взять, к примеру, медведское слово «желемустина» -- от «жилы» и «мустить», т.е. мочь, быть способным. Т.е. такой человек, кто худ, но силен жилами. То же жимолость -- тоже «желемустина» -- кустарник с тонкими и, однако, крепкими ветвями...

Второй причиной я бы назвала то, что диалектные языки скоро умрут. Это случится, когда 100 процентов народа нашего будут иметь школьное образование.

Сейчас, в начале 20 века, в России меж образованными людьми и неграмотными -- море. Они -- на противоположных и не видимых друг другу берегах. Тот, кто не умеет элементарно читать, не поймет и физику, химию, астрономию -- ни одну из наук. На примере Японии мы видим, что сделанная правительством всеобщей грамотность населения ведет к экономическому

¹⁰¹ Известна история о том, что командующий Манчжурской армией генерал А. Н. Куропаткин отдал приказ солдатам и офицерам не стирать форму, чтобы испачканная белая одежда была более незаметной. По воспоминаниям современников, солдаты и офицеры также начали самостоятельно перекрашивать форму. А.Н.Куропаткин предложил вместо белой рубашки, годной лишь для парадов, ввести серую. По некоторым данным лишь в 1907 году белый цвет солдатской рубахи в российской армии был заменен защитным тряпьянисто-зелёным. Она существует и сейчас под названием гимнастёрки.

быстрейшему развитию страны. Следовательно – народу русскому необходимо стать грамотным.

Но мне жаль неминуемого при том исчезновения диалектных языков! Грамотный язык единообразен. В диалектных – больше чувства. Я рада буду увидеть, если доживу, как все люди станут грамотными, но мне грустно оттого, что диалекты останутся только в словарях! Это всё равно как матери выбирать – быть её ребенку воспитанным или же непосредственно-резвым. Она, несомненно, отдаст предпочтение первому качеству ради блага самого ребенка, но будет грустить о втором...

С этими мыслями я взялась собирать словарь нашего местного говора. Около 90 процентов слов я знаю, так как выросла здесь; но есть немного слов, мне неизвестных. Обыкновенно их привносят в язык люди, приезжие из других мест. Так, в одной из изб, куда я пришла к ученику, мне велели: «Закрой сутки!»

Хозяйка, произнесшая слово, -- из села Марёво Демянского уезда Новгородской губернии¹⁰², что от нас за 200 с лишком вёрст¹⁰³. Слово обозначает дверь. И народное чутье языка здесь совершенно право: с(у)тыкать – это соединять что-либо, будь то изба с сенями или день с ночью. Любопытно, что в словаре В.И.Даля я нашла подтверждение: в калужском говоре сутки – углы в избе, в малороссийском суточка -- переулочек. Даль также пишет: «Сутки, новг. боровичи сени?» Может быть, в говоре Боровичского уезда Новгородской губернии сутки, действительно, означают сени как смычку, переход от улицы к жилой части избы, а, возможно, Даль ошибался -- ведь он сомневался, выставив знак вопроса! -- и в слышанном им примере слово, как в Марёве, значит дверь. Быть может, и великому Далю, как мне, неведомая крестьянка повелела закрыть сутки, и эта фраза причудливым образом соединила нас?

Марёвские сутки открыли мне ещё третью причину, по которой важно было бы записывать и изучать диалекты.

Не существует края, в котором из века в век соединяются лишь люди, живущие в этом месте. Всегда есть приезжие, как моя хозяйка из Марёва. Порою есть приезжие и осевшие из мест столь далеких, что и вообразить будет слишком смело – вспомним петровского арапа, ставшего прадедом

¹⁰² Ныне Маревский район Новгородской области.

¹⁰³ Более 213 км

Пушкина!! Если же вообразить, сколько в веках перепуталось подобных связей – можно смело утверждать, что ни один народ мира не изолирован в этническом смысле. Но это – воображение, теория. Подтвердить же её способна реальность -- человеческие языки!

Похожие слова могут найтись в диалектах разных народов мира скорее, чем в «правильных», литературных языках. Причина -- диалекты сохранили ясные связи со своими праязыками. (О чём я писала в начале.)

У меня – уникальная возможность доказать это, сравнив русскую и японскую речь. Со слуха даже тому, кто не понимает их обе, будет ясно, сколь далеки они друг от друга по всему: интонации, излюбленным звукам, длительности слов и фраз и т.п. Любому подумается: решительно, решительно нет в них ничего общего или даже похожего!!

Это объяснимо: Япония до недавнего времени была нарочито изолирована от внешнего мира, она и Россия узнали друг о друге всего 200 лет назад,¹⁰⁴ таким образом случаи общения нас были перечисляемы по пальцам... до нынешней войны. Теперь, на войне и в лагерях для пленных обеих стран, языки наши вберут и вобрали уже некоторые слова, называющие, как правило, предметы или явления, которых нет на родине.

Японцы в Медведе говорят с теплою улыбкою «пэтика» (русская печка); в рассказах о войне (коли их спрашивают о ней) им вспоминается «тотика» (точка в значении «блиндаж»), а, ворочась из трактира Белова и других питейных заведений, они с большой живостию и одобрительным причмокиванием отзываются о русской «вотоке». Хигаки говорит, что еще ранее из русского языка пришло в Японию слово «икра» - - в японском оно звучит «икура» и обозначает исключительно икру лосося. Но я сомневаюсь – из русского ли? Зачем называть чужим словом пищу, которую, вне сомнения, веками употребляла страна, окруженная морями?

¹⁰⁴ В 1699 году в ходе Камчатской экспедиции В.Атласова состоялась первая встреча русских с потерпевшим кораблекрушение японцем по имени Дэмбэй, и Россия узнала о существовании такой страны как Япония. В 1705 году Пётр I приказал открыть в Санкт-Петербурге школу японского языка, а Дэмбэя назначить её учителем. В 1739 году экспедиция Шпанберга и Вальтона подошла к берегам японских провинций Рикудзэн и Ава. Полученные населением от русских монеты были доставлены властям, которые обратились за консультацией к проживавшим в Японии голландцам. Те сообщили о месте чеканки данных монет, и таким образом Япония узнала о существовании России.

В 1783 году японское судно «Синсё-мару» сбилося с пути и потерпело крушение. Команда вместе с русскими промышленниками, занимавшимися заготовкой пушнины, дошла до Охотска. По разрешению Екатерины II японцы вернулись на родину в 1792 году, и русская экспедиция в Японию стала первым официальным контактом между двумя странами.

«Икра» и «икура» -- не единственный пример схожести. Думаю, слова-близнецы могут найтись в различных языках среди названий прежде всего самых старинных на Земле явлений, действий и предметов. И, действительно, я случайно открыла в японском одно подобное слово!!!

Недавно мы называли с Хигаки друг другу разные слова на наших языках... Он сказал, что в местности, где он живет, старики еще говорят на японском старинном диалекте. Одно слово, «ору» в их устах означает «жить, существовать»¹⁰⁵ (слово видоизменено в современном японском языке). В словаре Даля, вспомнила я, есть подобное слово «орать» -- в значении «пахать землю» (по Далю, в северном и малороссийском наречиях). Я ору – я пашу, добываю тем самым пищу и, следовательно, живу, имею главное средство к существованию. Эта близость слов может оказаться случайной. Но все же я уверена: впереди в связях языков и диалектов мира -- множество открытий! Ведь современные слова -- как... грибы, растущие из земли! Грибница же их – глубоко. И неведомо, как далеко и куда ведут ее нити под слоем многовековой народной почвы...

...Довод же о том, что нации мира (через глубинное, хотя поверхностно утерянное родство языков) находятся в большем родстве с другими нациями (особенно живущими рядом), чем они могут ожидать – разве это не довод чувства и разума против мировых войн?

Таким образом, я описала здесь три главные причины, по которым я начала свой труд – словарь местного медведского диалекта. Моя задача в тысячи раз скромнее, чем Даля, но я привержена ей не менее. Мой словарик пока небольшой. Когда-нибудь, лет через 20-30, с установлением всеобщей грамотности, эти слова исчезнут навсегда из живой речи моих земляков и останутся, быть может, только на этих страницах.

АмунИшник, - а, м. Сарай, где хранится конская упряжь./Фистя в амунишники целым дням сидит, хумуты чинит /.

БаркАн, - а, м. Морковь. /Баркан ноничь худой: колотый да рогатый. Верно, что лето было сухое /.

¹⁰⁵

Японский старинный диалект «иё». Имеет значительные отличия от литературного японского языка

Барканник, - а, м. Судак. (В то же время народ употребляет и слово «судак». В чем разница - - узнать!) /Вчера рыба привозили. Я купивше барканнику/.»

Мать снова позвала Митьку снизу. Пролистнув ещё и обнаружив, что после словарика сплошь пустые листы, Митя усмехнулся над запомнившимися ему «грибницей» и, еще раньше, «пуповиной» и, спрятав тетрадку за пазуху, спустился.

3.

Внизу с матерью стояла Надя. Митя растерялся и тут же вынул тетрадку.

-- Прочитал? – спросила Надя.

-- Ага. Интересно!

-- Согласен с Толстым?

-- Ну, Толстой чё ж... Граф он и есть граф... - - Митя уже забыл, в чем он спорил с Толстым, в его памяти из всей тетрадки вдруг встала картина битвы, обрисованная Наде японцем.

-- Я спросить хотела, Ирinya Анисимовна, – Надя обратилась к Митиной матери. – Вы извините, что беспокою. Я начала собирать словарь из народных медведских слов. Не знаете ли Вы - - что такое «поскрёбыш»?

-- Да вот же – Митька-то у нас поскрёбыш и есть. В сорок лет мы с отцом его зачинали, -- посмеялась Митина мать.

Наде стало так видимо неловко, что верный Митя поспешил ей на выручку и, не подумав, скорее ляпнул:

-- А барканник-то, Надюх, -- это судак, да мелкий, фунтов на пять-шесть¹⁰⁶. Вот ежели фунтов пятнадцать-двадцать¹⁰⁷ – такого у нас судаком называют.

-- Я ведь не спрашивала про судака!??

¹⁰⁶ 2,3-2,7 кг

¹⁰⁷ 6-9 кг

Так и не простила Надя Митьку, сколько он ни каялся, за то, что прочел её дневник. Теперь с обоими она оказалась в ссоре: и с японцем, и с другом детства.

4.

В воскресенье второго октября начиналась премьера первого спектакля в новом медведском театре.

Афиши не требовалось, так как о событии знало всё население заранее. На второй этаж здания пожарной части по лестнице поднимались сапоги, ботинки, ботики, обрезанные сапоги-чуни и поршни¹⁰⁸, модные сапожки на высокой шнуровке с каблуком-«рюмочкой». Несколько сельчанок сняли с туфельек и оставили под присмотр проверяющего на входе билеты резиновые галоши. Услугою галош воспользовались и некоторые мужчины, но не решились с ними расстаться, опасаясь пропажи ценности. Самые зажиточные сельчане пришли даже в калошах, надетых на сапоги. Эти, садясь на места в театре, выставляли далеко от себя ноги, чтобы богатство видели соседи.

-- Нет, всё же следовало бы, чтоб в театр ходили и дети! - - мягко спорила учительница Надежда Карпова с Александром Петровичем Калядиным (они были вдвоём режиссёрами спектакля). -- Это неправильно, что по нашей странной сельской традиции ребятишек никуда не пускают! Они подглядывали в щелочки, когда в Аракчеевские в наш гарнизон до войны приезжали артисты! А ведь так важно развивать душу ребенка!

-- Душу в церкви развивать надо. И в трудовых занятиях. И в учении. А в театр правильно ребятню не пускают! - - спокойно возражал Калядин. -- То, что взрослый поймёт этак, ребёнок увидит иначе, потому как житейского опыта у него нет. А тут ещё и пьеса про любовь!!! Не по возрасту, для хи-хи, смущение одно. И шум от них. Да и всё проще, Надежда Васильевна! У семей денег нету, чтобы ещё и за мальчишку, пардон, сопливого в театрах платить!

-- А давайте я оплачу! Самым лучшим ученикам! А, Александр Петрович?

¹⁰⁸ Поршни — обувь в виде лаптей, сделанная из цельного куска кожи, сшиваемого сыромятным ремнем. К поршням иногда пришивались нетолстая подошва и низкие каблуки.

-- Вы уж и так оплатили. За пятерых крестьян, из своего жалованья. Добро же Вы оказали нашим купцам, хе-хе! И им пришлось последовать – не стерпеть же, чтобы женщина смирносердовала, а они в стороне остались. Самойлов с молодым Гаврилиным по двадцати беднякам каждый билеты оплатили, мой тесть Михеев – пятнадцати. Да и Ваш покорный слуга десятерых облагодетельствовал... Я шучу, шучу, Надежда Васильевна, хорошему обычаю Вы зачин сделали!

Пьеса пошла хорошо. Публика сидела прямо и напряжённо. Внимание добрых людей в первое время было посвящено знакомым лицам в зале и на сцене. Близко сидевшие шептались:

-- Глянь-ко! Кто эта пришедше? -- Настасья Самойлова, богачка, припоздавше. А муж-то сидит давно. Эка нарядна красота! Платье не гуртовое¹⁰⁹, да в обличку, ни висючего, ни махучего! А духам от ея разит – за три версты! Отколь тока пришла-та? -- А гряд, вона! на лисапеде кататься стала, да всё к Владимирскому мОсту, а там и англицкого фицера люди выдавше... -- А во!на, глянь, и артисты наши вышедше. Нарядивше-та как окрутники¹¹⁰, хи-хи! Вон Катку Курочкину признаю! Девка постановна¹¹¹ да больно длиннолядва¹¹²! Ишь, вышла, химы¹¹³ распущён! А хто ж как старуха представляет? То ж взыбыльшна старуха, Трампалятовна с Подгорной! Лалокам¹¹⁴ шшолкат, идёт-тырыкацце¹¹⁵, тово гляди завалицце. Глянь, и мальчонка представляет -- скачет да юлицце. Кто ж это? – Да Захарка вроде. Как взыбыльшный¹¹⁶! А энто хто ж? Издивленник¹¹⁷ какой! То ерепеницце, то гоношицце, все скачет да поёт. Как смЕшно говорит, нашли ж такова гундосова¹¹⁸!

Началось второе действие пьесы. Роль Митеньки, героя-любownika, играл статный плечистый парень, медведский кузнец Каурцев. Но не на красавца Каурцева глядели медведцы и даже не на Александра Петровича Калядина, которого, наконец, сельчане признали в роли Любима Торцова – роли, отобранной изo всех для себя Александром Петровичем как

¹⁰⁹ Гуртовой (устар.) – массовый, в данном случае -- стандартного пошива

¹¹⁰ Окрутник (шимск. диал.) -- ряженный на святках.

¹¹¹ Постановный (шимск. диал.) – статный

¹¹² Длиннолядвый (шимск. диал.) -- длинноногий.

¹¹³ ХИмы (шимск. диал.) -- волосы

¹¹⁴ ЛАлока (шимск. диал.) -- десна

¹¹⁵ ТырыкАться (шимск. диал.) -- неуверенно идти, спотыкаться.

¹¹⁶ Здесь: как взрослый

¹¹⁷ Издивленник (шимск. диал.) – весельчак, затейник, человек, ведущий себя необычно

¹¹⁸ ГундОсый (шимск. диал.) -- говорящий в нос.

организатором театра, для которой интеллигент в итоге творческих мук изобрел непредсказуемые прыжки и дёрганье балаганного Петрушки и специальный «гундосый» экстравагантный прононс. Всё внимательнее смотрели медведцы на Катерину Курочкину.

Катерина, в самом начале вышедшая пред людьми со стеснением, с каждой новой произносимой ею на сцене фразой делалась всё увереннее. В сцене признания в любви молодых влюбленных Катя вышла на сцену в платье, подаренном театру Настасьей Самойловой.

Женский шепот в зале затих, а мужчины заморгали, словно у них внезапно пересохли глаза; кто-то локтем пихнул в бок соседа. В наступившей тишине медленно, подняв очи на партнера, с потаённою мукою Катерина произнесла: «Нет, Митенька, я тебе в правду написала, а не в шутку. А ты меня любишь?»

Зал с вниманием ждал ответа. Стояла полная тишина.

-- Я и того, может быть, не стою, что вы ко мне внимание имеете, а не то что вас обмануть, -- отвечал Митенька-Каурцев, и в публике возник легкий согласный ропот: ТАКУЮ Катерину мог полюбить и должен уважать был всякий мужчина.

-- Вам нельзя верить: все мужчины на свете... (Катерина взглянула ему прямо в глаза) обманщики.

-- Пуцай же их обманщики, но только не я.

-- Почём знать! Может быть, и ты обманываешь, хочешь насмешку надо мной сделать.

-- А ну не забижай нашу Катьку!!! – из средних рядов навис над людьми какой-то здоровяк и пригрозил Каурцеву кулаком, который издалика померещился кузнецу необработанном куском болотной железной руды. Пылкого театрала соседи дернули за полы и усадили обратно.

Пьесой Любима Торцова сделал классик 19 века Островский «Бедность не порок»; триумфом Катерины Курочкиной-Любови Торцовой -- обернулась она на медведской премьере 1904 года. Это уж начали понимать все зрители, но особенное случилось во втором действии.

Среди событий этого места пьесы есть одно малозначительное. Его начало медведская публика, уже подуставшая от умственного напряжения и необходимости смотреть в одну сторону, пропустила мимо внимания. Одно лицо только в зале выразило недоумение: Владимир Самойлов, миллионер, образованный человек, до деталей помнил ход пьесы и отметил несоответствие.

Самойлов повернул голову к сидевшей в одном с ним ряду Наде Карповой – и увидел вдруг, что Надя сама оглядывает зал. Выражение лица её было ждущее и восторженное. В руках Надя сжимала бумажный кулёчек с театральными леденцами – она взяла их для отвлечения, чтобы не слишком волноваться – но теперь забыла про них и сжала так, что леденцы рассыпались. Сидевший с нею рядом мужичок галантно пришел на помощь, галошей стараясь подтолкнуть к Наде конфеты, но нечаянно загнал их под передний ряд.

Несоответствие, замеченное Самойловым, на первый взгляд, было мелким. Оно заключалось в том, кто исполняет одну из многочисленных песенок в пьесе. В оригинале, как помнил Самойлов, старинную песенку «Кумушки» пел второстепенный мужской персонаж, под гитару. Этот персонаж, однако, сейчас отступил на сцене назад. Вместо него близко перед зрителями вышла Любовь Торцова-Катерина.

Самойлов вновь взглянул на Надю: глаза ее были таковы, словно она собиралась плакать.

Катерина, без всякого аккомпанемента, без движения тела, с опущенными руками, глядя поверх людских голов своими с блеском карими очами, грудным голосом спела-произнесла, без страсти, лишая голос силы в конце каждой короткой строки:

-- За реченькой, за быстрою
Четыре двора;
В этих ли во двориках
Четыре кумы.
Вы, кумушки, голубушки,
Подружки мои,
Кумитесь, любитесь,
Любите меня.
Пойдёте вы в зеленый сад —
Возьмите меня;

Вы станете цветочки рвать —
Сорвите и мне;
Вы станете веночки плести —
Сплетите и мне;
Пойдёте на реченьку —
Возьмите меня;
Вы станете венки бросать —
Вы бросьте и мой.
Как все венки по сверх воды.
А мой потонул;
Как все дружки домой пришли,
А мой не пришёл.

Всякий сидевший в зале вдруг вспомнил в эти минуты Катеринину историю. Нет, не преступлением было то, что случилось с нею девять лет назад, а бедой!

-- Обещавше же был тот солдатик с довоенного гарнизону, што Катьку-то обрюхатил, на ней женище, -- шептали на ухо соседкам бабы. — А потом ён взял да и помер. Ни очинь-та вона и виновата. Так бы и венчались...

Несколько женщин уводили под руки из зала рыдавшую Марию Федотову, вдову односельчанина, погибшего в Маньчжурии. Женская часть публики плакала. Самойлов встал и с силой зааплодировал; скоро гремел весь зал.

5.

Любимая берёзка под Надиным окном, как беспечная транжира, растратила весь свой долго копленный запас монет: сначала сыпала новенькими жёлтыми червонцами, потом кружочками старого тёмного золота и позеленелыми медяками, и, наконец, от всех богатств осталось у неё несколько тончайших и легчайших светлых пластинок сусального золота, которые исподтишка, а то и нагло налетев, воровал ветер. Превратились в гнилые мокнущие пучки алые цветки цепкого репейника, которыми ещё недавно Ариша, дочка Катерины Курочкиной, озорно смеясь, бросалась с подружками в мальчишек на школьном дворе, а те лепили их себе на

рубашонки, как военные ордена и медали. Подсолнухи в Надином саду опустили свои прежде радостные головки и умирали, роняя не вызревшие в северном климате мягкие семечки; солнце совсем потерялось; стёкла наружных рам, когда утром топили печки, туманились и покрывались мелкими слезами, тихо стекавшими весь день; вечерами в уличном воздухе чуялась уже не сырость, а морозец. Была вторая половина октября.

Днём у памятника Николаю Первому на медведской площади Надя Карпова случайно встретилась с Хигаки Масакадзу и каким-то сопровождавшим его японцем.

Надя сухо ответила на приветствие. Хигаки представил ей спутника; Надя запомнила только имя: Кавабата. Ей показалось, что где-то она уже видела этого смешливого малорослого паренька. Кавабата не мог устоять на месте спокойно; сейчас, как поняла Надя, его интересовала надпись на памятнике, а Хигаки прочёл, но не мог объяснить, что она значит.

«От благодарного общества пахотных солдат. Открыт в 1862 году 9 мая», - прочёл еще раз Хигаки и попросил Надю: «Надя-сан, не могли бы Вы объяснить нам, кто такие пахотные солдаты?»

«А Вы уж позабыли за то время, что мы не видались, что зовёте меня не Надя-сан, а госпожа Надя», - хотела сказать девушка, но сдержала себя.

Она объяснила, что деревни окрест Медведя превращены были известным русским деятелем Аракчеевым в военные поселения. В таковых жили солдаты, часть которых обращена была в хлебопашцев (пахотных солдат), содержавших крестьянским трудом своих товарищей по полку. Штаб же их располагался в Медведе в Аракчеевских казармах, где ныне жили японцы.

-- У нас, как и у вас в Японии, мне известно, - Надя глянула на Хигаки – крестьяне бунтовали. Не обошли бунты и наши военные поселения. Однажды бунт, особенно сильный, и кровавый, с убийствами офицеров, охватил все военные поселения Новгородской губернии. И только единственные медведские военные поселяне не приняли участия в бунте. За то потом, приехав в Медведь, лично благодарил их наш царь, Николай Первый. Государь также пожаловал нескольким медведцам золотые и серебряные медали «За усердие» и освободил поселян от казённых податей. В ответ медведцы установили этот бронзовый памятник императору в человеческую величину.

-- Похвальное служение Вашему императору, - - серьёзно сказал Хигаки.

-- Нет. Никакого служения.

-- Что Вы имеете в виду, госпожа Надя?

-- О! Вы вспомнили!. Что ж. Бывает, мы не подозреваем об истине, поскольку она сокрыта от нас. Как солнца сейчас якобы не существует, потому что между ним и нашими глазами -- облака. Здесь истина сокрыта в том, что «верные» медведцы вовсе не были преданы царю. Попросту в самом начале восстания начальник округа предусмотрительно отправил военных поселян на... дальние покосы. И они ничего не знали о происходивших в соседних округах бунтах. Впрочем, это спасло их от сурового наказания и даже смерти. Вы можете пересказать это своему другу. От меня более не требуется услуг?

Хигаки коротко пересказал своему спутнику ее слова. Смешливый паренек посерьёзшел и что-то отвечал.

-- Кавабата, как и я, вспомнил, госпожа Надя, о том, что примерно в те годы, как установили ваш памятник, в 1877 году, в Японии случился великий мятеж -- Великое Сацумское восстание.

-- Против Вашего императора?

-- Нет, мы не можем восставать против императора, - - снова серьёзно, с почтением в голосе отвечал Хигаки. -- Стали бы Вы, госпожа Надя, восставать против Бога? Самурай... великий воин Сайго Такамори собрал войско против правительства. Мятежники выступили против политики включения иностранцев в жизнь Японии. Они проиграли, поскольку приняли бой с войском правительства, втрое-вчетверо большим. По преданию, в ночь накануне боя соратники Сайго Такамори и он сам играли на музыкальных инструментах и сочиняли дзисей но ку... традиционные предсмертные стихи. Эти стихи записаны и известны нам.

-- Традиционные?!

-- Если самурай... воин уверен, что умрёт, он сочиняет предсмертные стихи.

-- Но ведь они не могли точно знать, что погибнут?

-- Смертные стихи пишутся и перед сэппуку. Такой великий воин как Сайго Такамори не мог сдаться в плен. В том сражении он был ранен. Такамори сел лицом в сторону, где, по его предположению, был дворец Императора, и сделал себе сэппуку, а его соратник мечом отсек ему голову. Госпожа Надя, я вижу, Вы поражены. Я поясню еще раз: мятежники восстали против правительства и неверных его решений, а не против Императора. Императора они боготворили, как все мы. Они отдали жизнь — за него. Это отражено и в их стихах. Желаете, я прочту Вам?

-- Да, я со вниманием послушаю, но... Я не очень поняла другое. Что такое сэппуку?

-- Это когда самурай режет живот самому себе мечом, а помощник отсекает ему мечом голову.

-- Получается, это... самоубийство?

-- Да. Это самоубийство для сохранения чести.

-- Мне, признаться, нелегко это понять. В русской традиции самоубийство — тяжелый грех. Христианину до^лжно нести все тяготы жизни до её конца, который назначает Бог. Мы считаем, что самоубийца — преступник против Бога. Таких у нас не отпевают в церквях и даже не хоронят на кладбищах — только за оградой.

-- Это большая разница между нашими обычаями, госпожа Надя. В Японии жена, например, может по своему желанию лишиться себя жизни, если её муж умер. Дети могут сделать то же, если отец умер, или же по общему решению из-за жизненных обстоятельств вместе с отцом и матерью совершить семейное самоубийство. Конечно, это крайняя мера. Но мы по-другому относимся к смерти. Мы не боимся её и считаем переходом в жизнь на небесах, а оттуда - - к новому рождению на земле.

-- Так что же... Когда тот мальчик, Проша, прыгнул в воду для самоубийства... Вы сочли это естественным?

-- Да, поскольку Вы сказали мне, что умер его отец.

-- Но это невероятно!!! Простите. Я, возможно, задену Ваши национальные чувства таким замечанием, но я уверена, что жизнь на земле одна, и она слишком ценна, чтобы с ней желать расстаться! Драгоценности жизни -- вечно движущаяся природа, сердечная музыка, возвышающая душу

литература и иные искусства, ум и добрые чувства каждого человека! Я хочу видеть это, слышать, ощущать и понимать так долго, как будет мне дано!!!

-- Госпожа Надя, Вы хотели послушать стихи самураев Сайго Такамори, написанные ими в ночь перед последней битвой?

-- Да, пожалуй!

-- Я помню хорошо одно из них:

«Я сражался за дело императора.

Какая радость -- умереть подобно

Окрасившимся листьям,

Падающим в лесу

Ещё до того, как их коснулись осенние дожди!»

-- Нет, нет, даже после таких прекрасных стихов я не соглашусь с Вами! Но выходит -- я не видела солнца за облаком? Ведь я не знала ничего о вашем обычае! Отчего же Вы мучили меня? Отчего не сказали сразу? Знали бы Вы, как часто за эти долгие дни я возвращалась памятью к Вашему поступку! Я никак не могла соотнести то, что я знаю о Вас, с тем, что Вы не прыгнули за этим мальчиком!!! Мысль моя всё обращалась к той минуте... Человеку ведь свойственно верить в людей! Я сейчас, знаете, шла и думала: мы бессознательно отыскиваем в людях добро так же, как сейчас, поздней осенью, отводим глаза от некрасивых черных ветвей и гнилой ветоши листьев и ищем взглядом уцелевшие золотые и багряные кроны!

-- Во всех ли людях, госпожа Надя? Или только в тех, кто... нужен нам?

-- Ну, знаете!!! Хигаки-сан! Вы невероятно откровенны, даже дерзки для самого себя! Это впервые с Вами! Что ж Вы смеетесь? Вы -- хитрец! Вы так и не отвечаете: отчего Вы сразу не сказали мне тогда о своем национальном обычае, не объяснились?

-- Я не знал о вашем.

-- И узнали только сейчас, от меня?

-- Нет, раньше. Но Вы бы не слушали меня в то время. Тогда Вы не хотели искать солнце за тучей.

-- Бедный Ваш Кавабата! Он промёрз и припрыгивает вместе с передразнивающей его вороной. Вам необходимо идти?

-- Мне – нет. Кавабата ждет одного человека.

Стройная высокая фигура Катерины Курочкиной появилась недалеко, Катя плавною, появившейся у нее недавно походкою шла от церкви Святой Троицы. Теперь Надя вспомнила, где она видала смешливого Кавабату. Ну, конечно! Эта юркая фигурка уже несколько недель то тут, то там мелькала за забором в Катеринином дворе: и ворота вместе с забором были выпрямлены и более не походили на пьяницу, поддерживаемого с обеих сторон такими же падающими забулдыгами; крыльцо белело новыми досками; стены дома сияли чистой голубой краской, на которую дал деньги театр.

Кавабата поклонился и убежал к Катерине.

-- Так вот про какого японца Катя говорила мне!! Тогда у меня к Вам, Хигаки, ещё один вопрос о Ваших, я предполагаю, национальных обычаях.

-- Спрашивайте, госпожа Надя.

-- Этот ваш Кавабата спрашивает недавно Катерину: «Будете ли Вы готовить мне суп?» Она на то отвечает: «Какой суп? Селянки, что ль, хочешь али ботвиньи?» А он вдруг покраснел и убежал от неё. Что бы сие значило?

-- Вы убеждены, что он спросил именно так?

-- Да. Хотя бедный Кавабата не говорит по-русски, и это – единственная фраза, которую он заучил и принёс ей. Быть может, он ошибся, или она не так поняла? Что это за таинственный суп? Ах, простите, я не подумала -- это вообще прилично?

-- Он предлагает госпоже Катерине выйти за него замуж.

-- ??? Вот как?! Объяснитесь, пожалуйста!

-- О, хитрый Кавабата скрыл это даже от меня! Он взял бумагу и спрашивал меня о звучании на русском языке разных слов и записывал. Этими словами Кавабата признался госпоже Катерине в... чувстве. В японском языке нет такой фразы как...

-- Я люблю Вас?

-- Д-да.

-- Нет слова «любить»?

-- Есть. Есть это слово, и слово «я», и «Вас». Но не существует сочетания этих слов¹¹⁹. Поэтому японец, когда предлагает девушке выйти за него замуж, говорит: «Не могла бы ты готовить мне суп?» или «Ты можешь стирать моё белье?»

Надя расхохоталась:

-- Очевидно, сегодня Кате предстоит выслушать и это предложение – и она, добрая душа, ведь возьмет у Кавабаты рубашку постирать! О! – Надя стала серьёзной. – Но ведь нужно её предупредить! – И они с Хигаки заспешили вослед далеко уже ушедшей паре. Надя искоса поглядывала на спутника с некоторой досадою.

-- Вы хотите что-то спросить меня, госпожа Надя?

«Хотели бы Вы, чтобы я готовила вам суп?» -- вот что она желала бы спросить. «Отчего Кавабата решился первым, а не Вы?» -- вот что задевало её. Может, спросить про суп – а после представить всё шуткою? Но нет, нельзя – нельзя даже после того, что Хигаки сказал однажды о русских женщинах -- что они решительны, смелы и открыты: свойства, которых он не встречал в японках, и которые нравятся ему. И она произнесла, нечаянно наспех покрывая свои мысли, увы, слишком прозрачным покровом:

-- Нет такого, как Вы. Мы говорим с Вами на одном языке.

6.

20 октября, поздним вечером накануне именин и дня рождения Нади, начал падать первый снег.

Белые крупинки были столь малы, что не верилось, что, даже соединясь миллионами, они станут видимыми на тёмной земле. Но уже через пару часов белый тончайший покров был нанесён -- как наносится на купол

¹¹⁹ В современном японском языке сочетание «Я люблю тебя» или «Я люблю Вас» по-прежнему отсутствует. Интернет-переводчик выдаст вам эту фразу в японском словаре на английском: «I love you» (Прим. авт.)

храма сусальное золото, молотом расплющенное так, что его разглаживает только своим выдыханием мастер и рвёт малейший ветерок -- по сучьям оголившейся берёзы под Надиным окном, меж черными ребрами черепицы на крыше соседского дома, забелил землю. При близком взгляде на снеге сверкала золотая пыль.

Каждую зиму чудо первого снега, давно знакомое и ожидаемое, всё же неизменно поражало Надю. И теперь она стояла у окна в своём доме, с восхищенной улыбкою переводя глаза с белых узоров на сизо-белёсое от невидимо падавшего мелкого снега небо.

Чудо состояло в оптическом явлении. Тёмной ночью неосвещенный двор, сад, огород оказались словно под фонарём. Белый фон земли и неба высветил все предметы: чётко видна была каждая досточка забора и сарая, ветки и самые малые сучки близкой к окну берёзы; короткая щетинка травы зеленела над белым покровом...

-- Не спишь, Надёжа? -- мама подошла к Наде и тоже посмотрела в окно. -- Первый снег на суху землю лёгше -- жди, утром стает. Хотя супротив друга/ примета исть: снег к ночи -- останецце. Поглянем утром...

-- А знаешь, мамочка, в Японии в северных частях страны тоже бывает снег. И, когда выпадает первый снег, у японцев -- праздник... Все собираются смотреть на него. Хигаки говорил, некоторые для того нарочно выезжают на лодках кататься.

-- На лодках??? Эта как -- по снегу аль наледи волоком што ль? -- мама засмеялась. -- Што ж тут радости в снеге-та? Для землицы тока хорошо, а для нас -- зима пришёдце, одёжу-обувку имей, дров расход.

-- Это ведь красиво! Хочешь, я тебе стихи японские про снег почитаю? Поэты старинные сочинили. Мне Хигаки рассказал по памяти, а я записала.

-- Да время у мни нет! Дянки¹²⁰ новии тебе нада начить вязать, шерсть я спрявше.

-- А они короткие. Японцы коротко сочиняют.

-- Это оны/ молодцы. Работящи, значицце. Ну давай, што ж, -- мама неловко присела на стул у Надиного стола.

¹²⁰

Дянки (шимск. диал.) - - варежки

Надя принесла голубую тетрадку:

-- Вот, послушай.

«И поля и горы -
Снег тихонько всё украл...
Сразу стало пусто»¹²¹.

-- Всё што ль?

-- Да. Правда, хорошо? Картина! Знаешь, у Хигаки дома в Японии есть книжка с картинками: один японец, изучив под микроскопом снег, зарисовал две сотни видов снежинок. И дал этим видам названия¹²². А вот ещё, послушай:

«Должно быть, друзья
Боятся, что снег не растаял,
Зайти не спешат,
А слива у хижины горной
Белеет не снегом – цветами»¹²³.

-- От энта оны угадавше! – засмеялась мама. – Как занесёт по за/мяти¹²⁴ снег нашим апонцам двери Ракчеевских до крыши -- всем миром прийдём их со двору лопа/там откапавать!!!

-- Мапочка! Это же сравнение в стихах! Это... не совсем про то, что ты говоришь...

-- Што ж мы, не понимаем, што ль?! И у нас, небось, равнение исть, – мама задумалась, припоминая, и вдруг негромко запела:

-- Снежки белыя, пушистыя

Покрывали все поля.

Одно поле не покрыто –

Горе лютое моё,

¹²¹ Дзёсо

¹²² Дои Тосицура в 1833 году издал книгу «Атлас снежинок». Во втором издании «Атласа снежинок» 1840 года зарисовано 195 видов снежинок. Рисунки получили широкое распространение в Японии.

¹²³ Кагава Кагэки

¹²⁴ ЗАмять (диал.) -- вьюга

Одно поле да не покрыто –

Горе лютое моё...

Под эту песню, протяжную и грустную (Надя вспомнила, что слышала её от мамы в детстве, когда умер отец), со странным мотивом – невыразительным настолько, что его будто вовсе не было, но завораживающим, как звучание вьюги, -- Надя прилегла на кровать и незаметно для себя уснула. Мама накрыла одеялом и погладила свою Надёжу по голове. Потом, тяжело переступая – уже давно при приходе снега или дождя у неё начинало «тушно лОмить» руки и ноги -- взяла на столе голубую тетрадку и под светом лампы, трудно собирая буквы в слоги, прочла, повторяя на слух со своего голоса каждую строчку:

«Снега холодней,
Серебрят мои седины
Зимняя луна»¹²⁵.

К следующему утру первый снег растаял. Надя отправилась на занятия в школу.

Входившие в классную комнату ученики поздравляли её «с днём ангела» бумажными самодельными ангелками и обрадовавшими Надю подписанными открытками. От родителей ещё до прихода учительницы был поставлен на столе фирменный чайный ларчик с надписью «Петра Боткина сыновья». Ларчик пришлось принять, так как Надя подумала, что обидит даривших. Впрочем, она тут же объявила детям, что теперь будет на больших переменах пить с ними подаренный чай. Затем пришёл школьный сторож и передал Наде посылку в обыкновенной коричневой обёрточной бумаге. В ней обнаружилась бонбоньерка¹²⁶ из серебра, покрытая цветной эмалью, с выгравированными Надиными инициалами; внутри -- театральные леденцы.

-- Что же это? От кого такая роскошь, голубчик Антон Сергеевич? Неужто Александр Петрович Калядин выдумал???

¹²⁵

Дзёсо

¹²⁶

Бонбоньерка (фр. bonbonnière — «конфетница») – красивая коробка для конфет. Высокие бонбоньерки в форме куба или сундучка изготавливали из серебра, меди, латуни, жести.

-- Да не! Алексан Петрович с другими читилями Вам циклопию дарят! -- выдал секрет сторож. -- А то малец-посыльный принесше, не казавше, от кОва.

Надя увидала в пакете не замеченный ею сначала небольшой предмет. Это был ножичек из слоновой кости для разрезания книг¹²⁷. На конце его ручки рельефно вырезаны были театральные маски: на одной стороне -- плачущая, на обороте -- смеющаяся¹²⁸. В середине ножичек сужался и в этом месте имел «поясок» из мелких бриллиантов.

-- Отнесите... отдайте всё это обратно, пожалуйста!!! - - вскричала ошеломленная Надя.

-- Кому ж я отдам, барышня... Надежда то есть Васильна? Малец-то убежавше. А я ить всих-та мальцов в округе не знаю!

В классную комнату вошла делегация педагогов под руководством Калядина.

-- От всех нас, уважаемая Надежда Васильевна, примите в день именин и по случаю первого года преподавания в нашей школе! -- сказал Александр Петрович, преподнося Наде «циклопию» -- драгоценный дар -- три тома «Всенаучного энциклопедического словаря В. Ключникова». ¹²⁹

Делегация разошлась по классам, и Карпова тоже начала урок. Она уже решила, как поступить с бонбоньеркой и ножичком: в конце учебного года наградить ими двоих лучших по успехам учеников -- и тут же объявила об этом классу. Успокоенные мысли её вернулись к учёбе.

Хорошо, что сегодня уехал по служебным делам в Новгород заведующий школой Евгений Андреевич Талызин! Непослушная Надежда Васильевна, что нерадивый ученик, то и дело нарушала заведенные правила и программы!

-- «От природы получил он необыкновенные способности: сердце глубокочувствительное, душу, исполненную незасыпающей любви к

¹²⁷ В начале 20-го века из-за отсутствия гидравлического пресса и ножа, способного разрезать толщу книжных страниц, типографии печатали книги, страницы которых читатели сами разрезали специальными костяными, деревянными или металлическими ножами. Эти же ножи использовали для вскрытия почтовых конвертов.

¹²⁸ Общеизвестный символ театрального искусства -- смеющаяся и плачущая маски -- берет начало в древнегреческом театре.

¹²⁹ Первый русский краткий словарь. Вышел в 1878–1882 гг. Содержал 110 000 слов.

прекрасному, ум светлый, обширный и вместе тонкий, так сказать, до микроскопической проницательности, и особенно внимательный к предметам возвышенным и поэтическим, к вопросам глубокомысленным, к движениям внутренней жизни, к тем мыслям, которые согревают сердце, проясняя разум, -- к тем музыкальным мыслям, в которых голос сердца и голос разума сливаются созвучно в одно задумчивое размышление.» Что это такое, Надежда Васильевна??? – вопрошал, бывало, после очередного урока строго пущенным голосом Талызин – пожилой уже человек, ставший первым заведующим школой четверть века назад, спина которого с заметным усилием сопротивлялась силе времени, клонившей корпус книзу. Мягкие полные губы заведующего чуть распускались, как у недовольного ребёнка, а глаза со строгим выражением уставлялись на молодую учительницу.

-- Это записки из Татевского сборника Рачинского¹³⁰, Евгений Андреевич! Высказывание о Боратынском. А Рачинский, как Вам известно, - персона, чьи учебные книги и педагогические воззрения одобрены лично Государем!

-- Разве же Татевский сборник именно рекомендован в сельские школы Его Императорским Величеством?

-- Нет.

-- Так как же Вы, Надежда Васильевна, берете на себя ответственность изменять школьные программы?

-- Я, Евгений Андреевич, беру на себя ответственность обучать детей. И именно тех детей, которые в сей час сидят у меня в классе. А я убеждена, настаиваю, что в таком сердечном и жизненнонаставляющем предмете как литература и тема учения, и приёмы объяснения обязаны зависеть от двух вещей. От того, во-первых, какие вопросы рождаются в головах и сердцах конкретных детей в конкретном классе, во-вторых же – от того, что

¹³⁰ Сергей Александрович Рачинский (1833-1902) — российский ученый, педагог. Член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской Академии Наук. Основал в родовом селе Татево первую в России сельскую школу с общежитием для крестьянских детей и художественной мастерской. Последователь идей немецкого педагога Карла Фолькмара Стоя и Л. Толстого, с которыми вёл переписку. Главный в России идеолог церковно-приходской школы. Поддерживал идеи единства церкви и школы. Основал 5 народных школ на личные средства. Опубликованные заметки о сельских школах и книга «Сельская школа» способствовали развитию национальной педагогики. Издал 3 пособия по математике («1001 задача для умственного счёта», «Арифметические забавы», «Геометрические забавы»). Напечатал «Татевский сборник» с письмами и произведениями Е. Баратынского, В. Жуковского, А. Фета, П. Вяземского, хранившимися в имении Татево. Николай Второй писал Рачинскому: «Школы, вами основанные и руководимые..., стали ... училищем труда, трезвости и добрых нравов и живым образцом для всех подобных учреждений»

содержится в голове и сердце их учителя. Так вот мои дети задали мне нынче на занятии арифметикой этаким вопросом: «Это тот дядя, что наш учебник по счёту сочинил, он же и казармы в селе построил?» То есть -- в их головах по созвучию спутались Аракчеев и Рачинский!!

-- Ну и разъяснили б Вы им разницу коротко.

-- Простите, не соглашусь. Нет ничего занимательнее в изучении истории государства, чем история жизни выдающегося его гражданина! Узнайте больше таких историй в раннем возрасте – и сами скорее станете хорошими гражданами своего Отечества! Разве не этому нам до/лжно учить детей? Разве не в том -- главная задача нашей с Вами школы, господин заведующий?

-- Э, Надежда Васильевна! Эти граждане Отечества лет так чрез пять пойдут до гробовой доски лён трепать за пятиалтынный¹³¹ в день, ежели позади сохи не встанут – вот и весь будет итог их учения. Для жизни только четыре правила счёта им нужны да начатки грамоты; единицам -- уменье складно говорить, тем, к примеру, кто в приказчики пойти размечтается. Матери их сейчас уже дома за нас с Вами бранят: «Поглядите, какие книжники по лавкам сидят, лучше бы к кузнецу просились на выучку!» А Вы им -- Татевский сборник да Боратынского! Ещё как инспектор из города, не дай мне Боже, на это дело, вдруг застав невзначай, посмотрит!

-- Ну и очень обидно, что имён Некрасова, Достоевского, Тургенева, Гончарова, Толстого, Чернышевского нет в обязательной программе даже гимназий! Мне подруга писала -- она учит французскому в мужской гимназии в Петербурге¹³² -- пушкинское «Я помню чудное мгновенье» не позволяют изучать «из соображений целомудрия»! А при том гимназисты-мальчики на переменках показывают друг дружке порнографические картинки! «Три мушкетера» Дюма не рекомендуются из-за опасности духа волнений. Но не более ли опасности в том, что гимназисты носят кнуты под жилетами, чтоб драться после занятий с враждебной школой, или отбивают шуточные крепости нешуточными кирпичами и булыжниками, а после берут дань с проигравших? Чего же мы боимся? Боимся не только Пушкина – но и неудобных вопросов учащихся! Моя подруга из женской гимназии Новгорода пишет: гимназисткам воспрещается задать вопрос на уроке без

¹³¹ 15 копеек по дореволюционному курсу

¹³² В конце XIX - начале XX века было разрешено женщинам преподавать иностранные языки в мужских средних учебных заведениях в случае нехватки учителей-мужчин.

присутствия классной дамы, нельзя задать вопрос по неоговоренной заранее теме, нельзя заговорить с учителем на перемене или вне школы. Ах, неправда, что учитель должен только учить грамоте и счёту! Он и чувствам должен учить! Человек так устроен – ему необходимы чувства! Он питается ими точно так же, как хлебом. Тот же, кому в детстве не давали переживать высокие чувства, будет впоследствии искать низменные, ибо это проще!

-- Вы, Надежда Васильевна, прошу простить за резкость, кажется, по доброй воле взяли на себя роль социального персонажа нынешнего писателя новомодного... то ли Скорбного, то ли Бедного, ах нет, Горького¹³³... Там у него кто-то вырвал сердце своё из груди¹³⁴ и из него извлёк чудесным образом искры, дабы осветить путь людям-с¹³⁵... Да только сердце это непочтительные спасённые-то и втоптали в грязь, нарочно втоптали, н-да-с, таков сюжетец... Вот так-то! – удивлены? – да, и мы читаем новое, и мы шагаем по одному пути с современностью, хотя и не в ногу... Позвольте всё ж повторить Вам слова Ваши же – гимназическая программа – именно гимназическая!!! Сиречь¹³⁶ – для городских детей из небедных и имеющих традиции образования семейств. А Ваши подопечные, смею Вас спросить – возраста от осьми до двенадцати годков, каковые в школу пришЁДЦЕ на зиму, пока на полях и огородах работ нет - - хотя строчку поймут в Боратынском? Им у форшта¹³⁷ хором тридцать пять букв¹³⁸ выкрикивать по написанному – и то достижение!

-- Сейчас не поймут, а что-то заложится. Кто продолжит учёбу – в том будет и наша заслуга! В других же останется уважение к книге и стремление к подниманию ввысь своей души – и это очень много!

¹³³ Г.Н. Жулев (разночинец) имел псевдоним Скорбный Поэт, Е. А. Придворов (по происхождению крестьянин) — псевдоним Демьян Бедный. Псевдоним Горький имели два писателя: И. А. Белоусов (родился в семье портного) и, позже Белоусова, А.М.Пешков. Алексей Пешков (Максим Горький) -- сын столяра, окончивший два класса начального училища, революционер, 5 раз номинирован на Нобелевскую премию по литературе.

¹³⁴ Данко – человек, вырвавший сердце, чтобы осветить путь людям, персонаж рассказа Максима Горького «Старуха Изергиль» (1894 год).

¹³⁵ Частица «с», прибавляемая к концу слов в русском языке, в XIX веке означала знак почтения к собеседнику, к концу XIX века приобрела в определённых ситуациях ироническое значение.

¹³⁶ Си'речь (устар.) - - то есть, иначе говоря, иными словами

¹³⁷ (Устар.) Демонстрационная доска в классе

¹³⁸ До реформы письменности, связанной с революцией 1917 года, русская азбука насчитывала 35 букв, а не 33, как сейчас

-- Чтение книг без разбору дает вредное влияние на юношество. Да, и кстати же, Надежда Васильевна! Вы/ принесли в школу волшебный фонарь? Показ туманных картин, сопровождаемый чтением, инспекцией допускается, но потрудитесь мне передать точную копию читаемого!

Так заканчивались обыкновенно разговоры учительницы и заведующего. Сегодня упрямая Надежда Васильевна снова взялась за своё. «Бородино» Лермонтова, конечно, не входило в школьную программу.

-- Гляньте-ко, Надежда Васильевна! – подошли к ней сегодня утром после поздравлений старшие девочки (класс Карповой, как у всех учителей, был смешанный, от 8 до 12 лет мальчики и девочки вместе). – Ерошка, покажь!

-- «Егорий»! – хвастливо сказал малолетний владелец солдатского серебряного Георгиевского креста¹³⁹, принесший награду в школу, Ерошка Паничев. – Моёва бати дед с Бородина принёс.

-- А что такое Бородина, Надежда Васильевна? - - класс смотрел на учительницу. Что ж?! Вместо урока русского языка ей по памяти пришлось восстанавливать:

-- Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спалённая пожаром,
Французу отдана?..

.....
.....

... Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри - не вы!...

-- А мой батя – богатырь! – возразил учительнице Паничев. - - И деда батын. И я буду! Сбегу с дому и на станцию -- поеду ипошек бить!!!

Мальчики согласно зашумели.

¹³⁹ Георгиевский крест – высшая награда для солдат и унтер-офицеров в Русской императорской армии с 1807 по 1917 гг. Только за период правления Александра I (1807—1825 гг.) было пожаловано 46 527 таких знаков отличия.

-- Вот Вы читали, Надежда Васильна, -- встала (Карпова разрешала детям без спросу высказываться, только вставая или подымая руку) старшая и самая разумная ученица, Зина Копейкина. -- «Ребята! не Москва ль за нами?»

-- У тебя хорошая память, Зина, – похвалила учительница.

-- А разве ж японцы сейчас под Москвой?

Только тут Надежда Васильевна поняла, в какое сверхтрудное положение она попала. Ей надлежало объяснить крестьянским и купеческим малым детям внешнюю политику государства, неясную и большинству взрослых. Строгий ироничный взгляд заведующего школой возник в её памяти: «Нуте-с, госпожа Карпова? Будете Вы впредь изменять программы?»

Однако, было поздно: свернуть, схитрить - - значило лишиться доверия детей. И она, останавливаясь перед каждой фразой, добросовестно объяснила, что могла, о действиях Российской Империи на Дальнем Востоке.

-- Зачем же мы воюем не за нашу землю? - - прямо спросила Зина Копейкина. – Ведь не Москва же за нами.

-- Мы воюем, потому что теперь уж поздно. Японцы напали на нас. Не остановить их – могут войти и в Россию, и в Москву.

-- Вы... -- Зина запнулась, подбирая слово и вспомнила, взрослое, -- осуждаете нашего царя?

-- Я никогда не возьмусь судить политику, – сказала Надежда Васильевна. – Не возьмусь, потому что мы не знаем и знать не можем, что делается вовне государства и внутри него, чтобы хранить мир. Моё мнение: ежели внутри какой страны стоит мир, значит – государь этой страны действует правильно.

(«Что ж это я? -- почти как Хигаки – у того император всегда прав», - - пронеслось в мыслях у Нади. – «Но я сейчас действительно так думаю.»)

-- Я с Вами не согласна, - - сказала Зина.

Дети зароптали. У другого учителя Зина немедля получила бы линейкою по рукам за дерзость, а то девочку оттащали бы за косы, оставили после занятий на час или заставили стоять весь урок; уж наверняка привели бы на беседу к заведующему школой. Поговорку «Бойся школьник лозы - -

пуще грозы!» большинство педагогов полагало основной методой воспитыванья озорников и повес. На лице же Надежды Васильевны отразилось почти болезненное сомнение: ей и хотелось дать высказаться ученице, и было боязно и неловко оттого, что сама учительница не вполне разобрала в душе своей предмет спора. За классным окном неожиданно раздались странные звуки.

Хигаки стоял в школьном дворе под окном Надиной классной комнаты с удивительной вещью в руках.

Вещь представляла собой не совсем ровно, очевидно, вручную обструганный деревянный брусок с прибитой к одной его стороне длинной и узкой дощечкой, так, что получилось что-то вроде балалайки, но с несколько скруглённым квадратным корпусом. Виднелись натянутые три струны. Хигаки прижал брусок к себе и, дёргая пальцами струны, снова извлёк непохожие ни на что звуки.

«На дровах играют, издивленники!», -- вспомнились Наде слова школьного истопника Филиппа Ильина. Ильин топил и в Аракчеевских казармах и приносил оттуда сплетни и самые удивительные впечатления.

«Пришёдце ко мни апонцы и показыват – дай, мол, от дровец обрубки ненужный, поровней да потолще», - - делился недавно истопник со сторожем в школьном дворе, когда там же Надя приглядывала на большой перемене за школярами. – «А им попробуй не дай! Я ить провинивше перед ими...» -- истопник с удивлением мотнул головой. -- «Оны давеча те же дровЫ коловше. Тюк да тюк, тюк да тюк – и этак пОлдня без продыху и башки не подымут. Безобразие одно! Я и плюнул ненАрочно, тьфу, мол, говорю, надо же, каки старательны. А апонцы – в крик, мол, обидели их, русски мужики на их плюются. Бумагу накатавше на мни жалабную. С той пОры я с ими молчу. От греха подале. А дров дал им. Чё не дать – казенный! Так-то апонцы народ ничё, хороший. Сердитый тока. Понятно, сердяцце как волчонок кусакий в клетке, хоть ты чистым мясом его кОрми. Мы уж замирившe с ими. Я к им ходивше смотреть как оны на дрОвы-то струны приделавше и играют! - - Филипп засмеялся. -- Ничё так, жалостно. Тока музЫки нет. Игра исть, музЫки нет.

Надя теперь вспомнила этот рассказ: музы́ки, как выражался Филипп, гармоничной, в её понимании, мелодии она и впрямь не могла выделить в звуках инструмента Хигаки. Она открыла форточку, чтобы лучше слышать.

Ученики, видя, что учительница забылась, и чувствуя, что это можно, сбежались без разрешения к окну тоже.

-- Зачем это, Надежда Васильевна, он играет? – спросила Зина.

-- Есть такой обычай, когда под окном поют песню. Это... род, пожалуй, подарка. Только невещественного.

-- Эту игру он дарит Вам? На день ангела?

Девочки заулыбались, а мальчишки захихикали.

Хигаки остановил игру и поднял глаза к Надиному окну. Звук, однако, без его участия снова возник, иной. Инструмент Хигаки пел отрывисто, грустно, низким голосом. А новое звучание было на высоких нотах, баламутное, озорное.

-- То ж дядя Митя Поликалов! – сказал удивлённо кто-то из детей. Теперь только Надя увидала быстро шедшего от ворот школы к японцу Митя с балалайкой в руках.

Пять минут назад бродивший у школы Митя, завидев игру японца, сломя голову понёсся домой (изба его была рядом со школою) и схватил старую двухструнную¹⁴⁰ балалайку, сам неясно понимая, что же он хочет делать.

Не зная явления серенады¹⁴¹, он огорчился тем, что соперник его делает сейчас что-то благородное, недоступное ему, Митьке, и, как Митя чувствовал и без взгляда на Надино лицо за окном, такое, что должно было ей непременно понравиться. Сельские парни пели песни у девок под окнами – но то были частушки со смыслом любовным или сальным. Ходили с гармоникой вечерами и ночами по селу, с песней и без, задерживаясь у изгороди дома зазнобы. Но в том, что японец пришел открыто, на глазах у людей, и игра его была серьёзной, было особенное.

И Митька, так же без размышлений, как кинулся в воду за Прошкой на Надин отчаянный крик, теперь с балалайкой наперевес, будто с ружьём, от

¹⁴⁰ Русские балалайки до конца 19 века имели овальный корпус, две струны и длинный гриф.

¹⁴¹ Серенада (итал. serenata, от sera — вечер) — музыкальная композиция, исполняемая в чью-то честь, чаще всего для возлюбленной, обычно в вечернее или ночное время и часто под её окном.

школьной калитки метнулся к её окну и заиграл что Бог на душу послал, отчаянно, с силой ударяя по струнам.

И Хигаки тоже снова начал игру.

Два инструмента играли сначала каждый своё, пытаясь перекрыть силой звука друг друга. Когда какофония стала нестерпимой, балалайка, словно признав силу соперника, остановилась и немного погодя начала повторять за японским инструментом, приноровившись в конце концов так, что зазвучала с ним почти в унисон.

Почти нежный, «женский» звонкий утешающий голос балалайки и более отрывистый, нервный, «мужской», приглушённый и низкий тембр японского инструмента (Надя вспомнила его название, которое как-то упоминал Хигаки: сямисен) слились в удивительной красоте, основанной не на мелодии, чёткую линию которой по-прежнему было трудно выделить, а именно на ладности и разности звучаний.

Дети в Надином классе слушали, кто-то даже приоткрыв рот. На всех личиках, и у Ерошки, недавно собиравшегося на фронт «бить ипошек», и у строгой Зины было хорошее выражение, часть воспринятой гармонии, как отсвет согревающего огня...

...Импровизированный концерт оборвал приехавший из Новгорода заведующий школой. Евгений Андреевич обошел с тыла увлёкшихся исполнителей и громко спросил:

-- Что за музыкальный дуэт – или же дуэль – позвольте узнать, господа? Бретёрство у стен учебного заведения???

Надины дети порскнули от окна, но заведующий успел увидеть их. Музыканты, ухватив половчей свои громоздкие инструменты, согласно побежали прочь. Появившись через пару минут в Надином классе, заведующий увидел доску с написанным «М.Ю.Лермонтов. «Бородино» (1837 г.)» и саркастически сказал:

-- Я умываю руки!

И ушёл.

-- Кушать, верно, пора, -- раздумчиво сказала самая маленькая девочка, Клава Карпушкина, на прощальные слова заведующего.

-- Да, перемена, -- потерянно отвечала Надежда Васильевна. -- Что ж? (Голос её ободрился: она вспомнила про свой праздник и решила, что всё же сегодня необыкновенный день.) Нет-нет, прячьте обратно в карманы и сумки ваши печёные яйца¹⁴², хлеб с луком-солью да копейку на бублик! Будемте чай пить из нашего нового ларчика! Зина, достань, пожалуйста, из вот этой красивой бонбоньерки леденцы, посчитай и подели поровну между всеми вами. Если выйдет неровно, дай больше младшим. Сейчас посыльный по времени к нам придет из лавки с медовым тортом! Я угощать вас буду как именинница.

-- Надежда Васильевна! - - сказала ей явно в утешение Зина. -- Я Вам тоже хочу подарок сделать... невещественный. Обещаюсь к следующему уроку «Бородино» заучить и Вам рассказать.

-- И я! И я! -- раздались несколько голосов.

-- Вот это для меня - - самый лучший сегодня подарок!!!

-- Завтра, можа, не приходить? - - так же раздумчиво спросила Клава Карпушкина.

-- Почему? -- растерялась Карпова.

--Третьёводни¹⁴³ были именины у купца Запутяева, так други учителя вчерась в школу запоздали, -- пояснил Ерошка Паничев. -- Не семь часов учили, а три. А мы ждали. А Кл... энта, мелкая, с Нижнего Прихону пешком ходит. Шесть вёрст¹⁴⁴ в один конец.

-- И другие ребята ходят с деревень: с Верхнего Прихона, Щелина, Раглиц, - - добавила Зина. -- Вот Клава и спрашивает - - может, не приходить ей завтра-то?

-- Нет-нет, приходите все! Я буду вовремя!

¹⁴² Самым распространенным способом приготовления яиц в русских крестьянских семьях было каление и запекание. Каленые яйца долго держали в печи в закрытом горшке без воды. Печеные яйца запекали в золе, проткнув скорлупу иглой. Такие яйца долго не портились, их продавали на улицах разносчики, возили в карманах извозчики и кучера.

¹⁴³ Третьёводни (шимск. диал.) - - позавчера

¹⁴⁴ Около 6 километров

А в школьном дворе в это время сторож пересказывал истопнику, как «Митька Поликалов с апонцим выкобеливались, кто гульче¹⁴⁵: ён на балалайки али тот на дровах».

-- Можа, надо было тому санку¹⁴⁶ сломать? – предлагал альтернативное развитие событий истопник.

-- Не-е! Политической скандал, што ты?! У энтова... у стен учебного заведения!! Оны так, по-культурному. Один наскакиват, другой подначиват. Издивленники! Митюха-то наш ладно играт, живой рукой¹⁴⁷! Можа, проценит зазноба-то?! А то всё ноздри на сторону от ево.

-- Нищий, што сытый, што голодный, однем голосом поёт, - - неожиданно и непонятно философски отвечал поговоркою истопник.

7.

После Ляоянского сражения в Медведь прибыло ещё несколько сотен японских пленных, общее число их превысило тысячу.

Было начало января нового, 1905 года. Недавно сельчане отпраздновали Рождество и Новый год.

-- Ах, как интересно мне Максим рассказывал про нынешние праздники! - - говорила подруге Настеньке Сонечка, супруга молодого миллионера Максима Гаврилина. (Молодые женщины прогуливались по медведскому бульвару.) – Вообрази: мы в России живем по календарю... ах, я не помню точно названия, но Франция, Великобритания и много-много стран живут уже давно по иному исчислению времени. Максим говорил, нужно вперёд сдвинуть на 13 дней. Вот сегодня, к примеру, девятое января. Значит, должно быть – двадцать второе. Мы на тринадцать дней отстаем от Европы!

-- И Великобритания? - - оживилась Настенька от каких-то своих дум.

¹⁴⁵ (Шимск. диал.) громче

¹⁴⁶ САНка (шимск. диал.) - - челюсть

¹⁴⁷ ЖивОй рукОй (шимск фразеол.) -- быстро.

-- Нет, Великобритания не отстаёт. Ах, да, я же сказала - - и Великобритания по тому, новому календарю! Ты неточно спрашиваешь, душечка!

-- Пленным серьёзно устрожили режим, -- печально отвечала Настасья Яковлевна. -- Может, из-за потерь нас на фронте? Ранее им всюду можно было гулять: и у Владимирского моста, и... везде в окрестностях. И сколько угодно. Теперь же -- только бульвар и плац! И -- лишь два часа в сутки!

-- Ах, всегда можно найти возможности, были бы деньги... -- отвечала Сонечка невнимательно. -- Так я про календарь и праздники! Значит, ежели кто живет по новому календарю -- к примеру, наши пленные англичане или японцы - - удивительно, но и японцы тоже живут вместе с Европой! -- они все могли отметить Новый год по-своему, а потом с нами, во второй раз! А японцы -- даже и в третий! Максим говорил, у тех есть ещё один Новый год, принятый в старину от китайцев. Вот бы спросить у наших японцев - - когда же он?

У красавицы Настеньки сделался целиком красным нос, и она, остановившись и остановив тем самым Сонечку, закрыла глаза и зашептала что-то, придвинувшись близко, в Сонин воротник. Соня попыталась обнять подругу, но тяжёлые рукава собственной соболиной шубы мешали. Настина фигурка в сидящем точно по ней зимнем пальто, к которому была подобрана модная шапочка в общем стиле «казак», вздрагивала; одну руку она высвободила из меховой муфты-сумки и обняла ею Сонину шубу. Подруги затоптались на снегу.

-- Что ты, дорогая? Не стоит так обращать на себя внимание на улице!

Настенька отпрянула, сунула руку обратно в муфту и усиленно заморгала мокрыми ресницами.

-- Ты понимаешь: у него совершенно необыкновенные глаза! -- зашептала она, вторую половину фразы не на выдохе, а на вдохе. -- Они синие и... прекрасные! Я смотрю в них и думаю: вот и всё, и ничего мне более не нужно -- только всегда глядеть в эти глаза!!! Если б можно было, я бы поставила его карточку у себя и только любовалась бы им! Ах нет, я лгу! Мне нужно видеть его живого перед собою!..

-- Бедная моя! Но Владимир? Он ничего не знает?

-- Мне кажется, нет. Он занят всегда.

-- У твоей любви, моя дорогая, нет будущего.

-- У неё и настоящего уже, кажется, нет. Мой любимый сказал вчера, что не знает, в какой час его выпустят сегодня на прогулку.

-- Давай посмеемся! Хочешь? Максим говорил, японцы возводят в Аракчеевских на плацу снежную горку! У них не везде есть в Японии снег, так что можно вообразить их замешательство! Пойдем посмотрим?

-- Это неприлично, наверное, -- оживляясь, отвечала Настенька, подумавшая о возможности встречи у Аракчеевских с синеглазым английским офицером.

-- А мы издали. Будто прогуливаемся.

-- Да, перед казармами дорогу чистят!

На громадном плацу, верно, японцы наносили снегу на целую гору, которая была плотно прихлопана с боков лопатами и пролита в месте съезда застывшей уже водою. Теперь создатели готовились кататься на ней, и по робости их, переглядыванью и хихиканью было видно, что впервые.

На лицах, еще более жёлто-смуглых на фоне снега, белели открытые улыбки. На вершине горки усаживался на деревянные санки первый японец. Вот его сотоварищ толкнул санки сзади, и первопроходец полетел вниз.

Хотя санки в конце пути перевернулись, и ездок выпал в снег, он закричал, отряхиваясь, весело о своих впечатлениях что-то по-японски и прибавил, для солдат-конвоиров:

-- Руська гура! Гура хоросё!

Скоро уже вереница японцев добросовестно взбиралась на гору, как муравьи на муравейник, и летела вниз. Так как санок хватило не всем, садились прямо на лёд, очевидно, подражая виденным в селе катавшимся с горок мальчишкам. Отдельно стоявшие сдержанные японцы - - вероятно, офицеры -- после присматриваний тоже полезли на гору. Присоединились к ним и русские конвоиры. На всех лицах лежало выражение чистого детского удовольствия.

-- Я буду учить русский язык ради Вас только! - - раздался позади Настеньки и Сони приятный мужской голос, странно говорящий по-русски и отчего-то знакомый.

Молодые женщины обернулись. Настя подумала, что меховая шапочка, верно, слишком жаркая: у неё стиснуло затылок, и словно крохотные молоточки мелко небольно застучали, переходя с висков в уши и, как ей показалось, на ту ямочку под горлом, где, как верят крестьяне, помещается душа. По расчищенной дорожке от берега Мшаги к казармам шли двое. Тоненькая, по моде одетая барышня была любимая, балованная дочка местного купца Александрова, год безвыездно жившая и учившаяся в Петербурге и недавно вдруг приехавшая к отцу погостить - - Ксения, по-домашнему Сюта. Жеманившуюся Сюту вел под руку... английский офицер, в которого влюблена была Настенька.

Дорожка, где стояли Соня и Настя, была узка. Офицер, дойдя до них, пропустил свою спутницу вперёд, она поздоровалась, дамы машинально ответили. Офицер же, решив обойти дам, отступил с дорожки в снег, увяз в нём выше ботинок, развёл руки, одновременно улыбаясь своему неловкому положению и в упор глядя красивыми глазами в глаза Соне (дерзость, которая, однако, не привела госпожу Гаврилину в негодование), затем, изящным движением приподняв фуражку, потупил уже глаза так, что близко были видны его черные длинные ресницы, и снова вступил на дорожку. Догнав Сюту, офицер взял её под локоток, и парочка пошла дальше, любезно беседуя.

-- This funny lady with a white face and a red nose is like a Russian snowman with a carrot instead of its nose¹⁴⁸... Извините. Этот, второй, забавный дама, который мы прошли, похож на русский снеговик, с белый лицо, белый волос и морковь нос, – произнёс офицер. Послышался тонкий смех Сюты.

-- А мне... мне он говорил, что русский язык учить не хочет, он труден. А я... достала словарь и учила английский! -- сказала Настя, словно именно это было для неё самым поразительным. И, с совершенно побелевшим лицом и снятой шапочкой в руке, блондинка упала без сознания в снежную обочину лицом туда, где вдавлены были его следы.

¹⁴⁸ «Эта забавная дама с белым лицом и красным носом похожа на русского снеговика, у которого в качестве носа вставлена морковь» (англ.)

Несколько дней госпожа Самойлова, простудившаяся во время прогулки, лежала в кровати больная. Журнал парижских мод оставался открытым на одной и той же странице на столике, заставленном лекарствами, у её постели. Её кормили, она вставала ненадолго, двигаясь, как механическая красивая кукла, и, как кукла, произносила какие-то простые, без выражения, фразы, нужные для того, чтобы её оставили в покое.

В один из вечеров Владимир Назарьевич пришел взволнованный. Он постучал в спальню жене:

-- Ты не спишь, дорогая? Пришли газеты: страшные события!!

Она лежала на кровати в недавно вошедшем в моду домашнем платье-кимоно, бледно-розовом, расшитом по подолу вручную пёстрыми райскими птицами, листьями и цветами. Самойлов потрясал какой-то газетой и, не спрашивая Настю, хочет ли она слушать, принялся говорить взбудораженно:

-- Расстрел рабочих в Петербурге! Уже назвали Кровавым воскресением! Всё это – в прошедшее воскресенье, когда ты заболела на прогулке. Как поздно, однако, доходят до нашего медвежьего угла новости!!! Нет, я люблю своё село, оно образец даст и городу, но почта... Это немыслимо! Даже японцы наши пишут жалобы, что им корреспонденция и посылки месяцами идут с родины. Вот, посмотри, в газетах -- правительственное сообщение – было уже на следующий день событий, десятого! А мы доселе впотьмах! Прочешь тебе? – и, не видя протеста со стороны жены, Владимир Назарьевич принялся с чувством читать:

-- «Правительственное сообщение о событиях 9 января 1905 года.

В начале 1904 года, по ходатайству нескольких рабочих фабрик и заводов Петербурга, был утвержден в законном установленном порядке устав «С.-Петербургского общества фабричных и заводских рабочих», имевшего целью удовлетворение их духовных и умственных интересов и отвлечение рабочих от влияния преступной пропаганды. Общество это, избравшее своим председателем священника с.-петербургской пересыльной тюрьмы Георгия Гапона...»

Настя быстро перестала слушать и глядела на двигавшиеся губы мужа. «Как он, однако, увлечён», - - думала она вяло. – «Ах, да - - расстреляли рабочих... Жалко. Жизнь жалкая вещь.»

-- «...стачка стала быстро распространяться, охватив почти все фабрично-заводские предприятия столицы...» «...о восьмичасовом рабочем дне, об участии рабочих организаций в разрешении споров между рабочими и хозяевами... удовлетворение некоторых из домогательств рабочих должно повлечь за собою полное падение русской промышленности...»

«Падение... Вот и я пала... Наказанье пришло записной кокетке Настеньке – она влюбилась... Станут говорить... Пусть говорят...» - - Настя отвернулась к стене.

«...дерзкие требования политического свойства... Войска вынуждены были произвести залпы... На 4-й линии Васильевского острова толпа устроила из проволок и досок три баррикады, на одной из которых прикрепила красный флаг, причём из окон соседних домов в войска были брошены камни и произведены выстрелы, у городских толпа отнимала пашки и вооружалась ими, разграбила оружейную фабрику Шаффа, похитив около ста стальных клинков... толпою были порваны телефонные провода и опрокинуты телефонные столбы, на здание 2-го полицейского участка Васильевской части произведено нападение, и помещение участка разбито...Общее количество потерпевших... убитых 76 человек (в том числе околоточный надзиратель), раненых 233...» Ну как же она была права! - - воскликнул в порыве Самойлов. – О, ты заснула, прости, я не подумал, что ты ещё слаба, - - прибавил он шепотом.

-- Нет, я не сплю. Кто «она»?

-- Прости, но это всё, что тебя взволновало? В России начинается великая смута! Первые сотнями исчисляемые жертвы... Тебе как женщине неужто не жаль... Не понимаю... Хотя бы не страшно??

-- Чем же мы отсюда поможем этим жертвам? - - Настя повернулась к мужу и привстала на постели, глядя на него пристально. – Но ты уходишь от ответа!

-- Давно уже у меня созрел этот разговор... Хорошо же. Ты уверена, что выдержишь сейчас? Что ж... Родная моя, мы с тобою три года вместе. И всё более отдаляемся друг от друга. И мне больно это. Я ведь всё знаю!

-- Что... знаешь?

-- Знаю душу твою. И знаю секрет твой!

Владимир Назарьевич откинул вишнёвый полог, закрывающий дверь в комнату, смежную со спальней. И распахнул саму дверь.

-- Это комната, которую ты скрываешь под видом помещения для своей прислуги. Вот же что в ней! Дуняша твоя дала мне ключ.

В смежной комнате стояла на столе новейшая швейная машина Зингера¹⁴⁹; всюду – на кушетках, пуфах, полу – лежали свёрнутые или разложенные выкройки, журналы мод и книги. Самойлов поднял одну книжку и прочёл вслух:

-- «М. Теодор «Курс парижской кройки», издательство С-Петербург «Т-во Художественной Печати»».

Вот секрет твой, дорогая моя, который ты бережёшь даже от лучшей подруги твоей, Софьи Гаврилиной! Ты сама шьёшь себе и придумываешь все свои наряды! А делаешь ты это оттого, что, ты, душа моя, – швейный гений, и никто не может воплотить мечты твои лучше самой тебя!

-- Узнав это, я не смог понять! - - продолжал Владимир Назарьевич. – Отчего ты скрываешь это от нас всех? Чего тебе стыдно? Того, что ты руками своими что-то делаешь, а не нанимаешь слуг? Но ведь это барство, дорогая, прямое барство и... губит тебя!

Жизнь твоя тебя губит! Ты живешь праздно, душа твоя ничем не занята. И то единственное, чем ты могла бы гордиться – красивый труд свой – считаешь чем-то постыдным. Ты скажешь, что все так живут?! Что Софья Гаврилина тоже не имеет занятий? Но та хотя бы живёт в лад с мужем своим, Максимом. И от него берёт события, мысли, убеждения. Она, прежде такая ж, как ты, растёт как личность год от году. А ты?

-- Да ты прямо оскорбляешь меня! Что же ты хочешь? Разводу?

¹⁴⁹ В 1902 году в Подольске был открыт первый в России завод, выпускавший швейные машины американской компании Зингера с русифицированным логотипом «Зингеръ» и надписью «Поставщик Двора Его Императорского Величества». Эти машины широко расходились по России и экспортировались в Турцию и на Балканы, в Персию, Японию и Китай.

-- Нет, я хочу, чтоб ты жила!!! Когда ты в последний раз брала в руки книгу? Газету? Даже японцы в Аракчеевские выписывают русские газеты, журналы, беллетристику! Солдаты японские – и те учат наш язык! А тебя, образованную, умную, после того как ты окончила гимназию и вышла благополучно замуж, ничто, кажется, более не интересует! Что ж... Открой школу что ли швейного искусства для крестьянских девочек! Или хотя бы собственную швейную мастерскую! К тебе станут в очередь приезжать из Новгорода!

-- Я не хочу никаких школ и мастерских! Я хочу быть такая одна!

-- Одна?! Да ты и есть одна!!! И будешь всегда одна, и знаешь, почему?

Владимир Назарьевич, медвежья плотная фигура которого от возбуждения обрела ловкость, подскочил к туалетному столику и схватил фарфоровую французскую стоявшую там куклу.

-- Вот твое последнее увлечение! Оно можно, дозволительно, поскольку принято и у других нынешних, таких как ты, скушающих дам из света. Эта кукла одета, как парижская гранд-мадам¹⁵⁰, на ней - - бриллиантовое кольцо, настоящее, и подлинные бриллиантовые серьги, которые ты купила для неё! Ты шьёшь для неё наряды, тканые золотом. А вот - - вот, рядом, на подоконнике – ещё одна новая ваша игрушка - - ваша, ведь вы не даёте их детям, коли есть у вас дети – у нас с тобою их, хорошо, пока нет! – немецкий кукольный домик в два этажа, меблированный и укомплектованный податливыми твоим рукам людьми. Ты наслаждаешься кукольной жизнью! Да только кукольной жизнью никогда нельзя насладиться, как настоящей - - вот в чём беда! Вот что открылось тебе! Вот отчего ты плачешь эти дни, дорогая!

Настасья Яковлевна вскочила с кровати:

-- Вы сейчас, Владимир Назарьевич, обозвали меня ни на что не годную куклою? Какая же особа, позвольте спросить, вызвала в Вас сравнение со мною? С кем Вы успели уже поговорить до меня о ваших убитых?

-- Как ни циничен – в отношении убитых – Ваш вопрос, я Вам отвечу. Это Надежда Васильевна Карпова, учительница.

¹⁵⁰

Искаженное, ироничное *grande dame* (франц.) – знатная дама

-- Я подозревала это давно!

-- Вам не о чем беспокоиться. Я, в отличие от Вас, верен церковным клятвам. Но о чём мы говорили с Надеждой Васильевной, я Вам не скажу. Не поймёте-с!

И, оставив супругу растерянной, Самойлов вышел из спальни, накрепко закрыв за собою дверь.

9.

Часа за полтора до ссоры супругов Самойловых Владимир Назарьевич, действительно, встретил учительницу Карпову.

Прочтя сообщение о петербургском расстреле в своём кабинете дома, он был так взбудоражен, что прямо с газетой в руках вышел на улицу искать собеседника. Он думал пойти в контору Гаврилиных в надежде, что Максим Козьмич может задержаться там допоздна. Но на улице, увидев Карпову и раскланявшись, он вдруг отметил её, такое же взволнованное, как, верно, было у него самого, лицо.

-- Вы прочли? - - сказала первая Надежда Васильевна, показывая на газету в его руке. И она оказалась тем, кто, не уточняя и не расспрашивая, уже знал обо всём в подробностях и разделял его мысли.

-- Я ведь не за то, чтоб не поддержать чаяния рабочих, -- морщась оттого, что нужно это объяснять, говорил Самойлов, но она, перебивая, уже соглашалась:

-- Это понятно! Мы стыдимся за то, что есть разница в нашей жизни. И этой огромной разницы быть не должно! Но кровь... Но революция...

-- Это гибель для страны. Это скорый путь к поражению и внутри, и вовне. Мне страшно! - - вырвалось у Самойлова. -- И не за то...

-- Что Вы лишитесь богатства. Я знаю!

Они помолчали, глядя друг на друга блестящими глазами.

-- Видите -- в парке у церкви деревья? Ах, я кажется, выучилась мыслить по-восточному аллегориями! Но мне кажется сейчас пришедшее сравнение удачным! Вот сосна -- нам мнится, она вечно зелена, но так ли это? На самом деле её иглы меняются, но постепенно, незаметно нашим глазам! А

другие деревья рядом – без листвы, сбросили всё и остались ни с чем. Революция так же сметет всё! И новый цвет появится только через время. Если мороз не умертвит ветви... А сосна ни на миг не перестанет зеленеть и процветать. Это, как пример, -- реставрация Мэйдзи в Японии – знаете? (Он кивнул.) Именно реставрация, а не революция! Когда ничто не уничтожается, а к уже существующим деталям порядка добавляются постепенно новые, дополняя их, пока старые не отомрут. Тогда самые большие изменения вводятся без значительных социальных потрясений. И сосна вечно зелена!

Самойлов смутился оттого, что разговор их на абстрактную тему вышел таким близким.

«Вы – удивительный человек», - - сказал он. И неожиданно, опустив голову, добавил: «Пусть всё, что с Вами случится в жизни, будет хорошо», кивнул вместо прощания, что было почти невежливо, и, поменяв намерение, отправился домой, к Насте.

В своём кабинете он посидел немного, глядя на неразрезанную брошюру Соловьёва «Три разговора о войне»¹⁵¹ и, отложив взятый было ножичек для бумаг, понёс газету жене. Ножичек был металлический. На конце его ручки вытиснены были театральные маски: на одной стороне -- плачущая, на обороте -- смеющаяся.

¹⁵¹ «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» — философское сочинение Владимира Соловьёва, написано в 1899 г.

Свой экзотический Новый год¹⁵², третий, как говорила Соня Гаврилина, японцы, действительно, отметили в Медведе.

Праздник был встречен четвёртого февраля. Вечером же пятого февраля любопытные медведцы получили подробный отчёт о нём от ходячей японо-русской газеты -- истопника Филиппа Ильина.

Вкруг Ильина в трактире Белова собрались мужики. Ильин, как свойственно любой знаменитости, зная себе цену, начал неторопливо, пуская дым и оттопыривая мизинец руки, которой держал самокрутку:

-- Топил я, значище, в энтот день вначале у фицеров. Живут оны в своём корпусе, по два, по три, и то и по одному. ЖАру им завсегда поддавай в топки - - тепло как в байне¹⁵³, када детишки моюще! Окны не хотят открыть. В таком жару, значище, цветы у их всякий посажён на подоконниках. На рамах -- тож везде цветы, тока такия (Ильин растопырил пальцы свободной руки веером) -- пузатыи, с цветной бумаги. Фонарики тож наделан с цветной бумаги, развешан в снях. Хтой-та сточивше с дерева змейку, слышь -- потому -- девятьсот пятый у апонцив -- год деревянной змеи, от как.

-- Врёшь! -- сомневался кто-то.

-- Вот те крест! Издивленники! Картинки, канешна, есть у кого над кроватями... с барышнями... А ищо в снях у фицеров бадья стоит с водою, куды плевать (Ильин сплюнул) нельзя. Так и написано, по-апонски: мол, не плевать и окурков не кидать. Спрашиваю, для чего бадья - - грят -- пить! А вода -- не с колодцу! Варёная!!!

Где ни заглянешь -- всюду бумажные ихние флажки с красным солнцем¹⁵⁴.

-- Сами, что ль, бумажки режут? -- Спрашивали мужики.

¹⁵² Новый год в Японии отмечается по григорианскому календарю с 1873 года 1 января. Дата же традиционного японского Нового года основана на китайском лунном календаре, так же, как в Китае и других странах Восточной Азии, и приходится на конец зимы -- начало весны.

¹⁵³ (Шимск. диал.) -- баня

¹⁵⁴ Флаг Восходящего Солнца 27 января 1870 года был принят в качестве национального флага в период Мэйдзи. В настоящее время флаг продолжает существовать, но после Второй мировой войны в некоторых странах, например, Южной Кореи и Китае, он считается символом японского милитаризма, и его использование считается оскорбительным.

-- Не, то солдатики. Фицеры все учутся. Учутся, брат ты мой, как наши робяты в школе. Всюду книжки наложён. Кто аглицкий учит, кто, значище, хранцузский, а больше всех -- нашенский. А солдаты апонский в другом корпусе. Справа у их, значище - - койки в ряд, а налево – столы да стулья, как у робят в школе. Одны за ими читают, други сидят мастерят. Хто бумажны фонари да цветы, хто с дерева точит, хто с волосу плетёт. Корабли ищо знатные у их выходят! Я купивше у их один, - - и Ильин достал из кармана крошечную модель военного корабля, с искусно выточенными многочисленными миниатюрнейшими деталями. – И одним ножом сапожным! Месяц, слышь, точат, а продают за пять рублёв.

-- Ну, таки-то кораблики и мы уже купивше. Так что ж Новый год? – напоминали приятели.

-- Фонариков да цветов, понятно, настругали тьму. Всё изукрасивше! Наши солдатики к ихним солдатакам ходили поздравить. Ну, и я поздравил, што ж. Апонцы рады. Рты до ушей. Песни певали свои.

-- Водки дали?

-- Фицерам дали, а солдатакам не. Мож, волнений побоявше. Народу-то тьма таперь у нас. После Лиянского-то боя ищо прибавивше. Так што водки не дали. Так те заместо водки воды своей варёной налили, -- вот те крест, хе-хе! Наливше, значище, воды в бочонку, выстроивше поротно, взводный кричит, ён выходит, пьёт воды и тож кричит, мол, банзай. Хорошо ему, значище. Вси так наугощавше и давай опять петь. Рису своо наваривше. Ихний повар из солдатиков по-апонски готовит, а наши повара ему в помочи. Грили, они рыбники, ан не. Мясо наше им дюже нравище, аж пальцы облизыват. В общем, вси довольны.

Фицерам-то, кроме угощенья, дали и вино, и пиво. Тожа, слышать было, пели и банзай кричали. Ночью, грят, фицеры пославше были записку нашему командиру полка, просивше выдать ещё вина. Тот нЕ дал, да оны и успокоивше. И так им радость.

-- Смеётесь? – подошел к Ильину и мужикам приказчик Гаврилиных, Кайдаков, бывший тут же в трактире. -- Читать кто из вас умеет?

-- Я по складам умею! - - вызвался один. -- А чё?

-- На вон тебе газетку! – и Кайдаков, отдав ему свою газету, с хмурым лицом покинул заведение.

В сегодняшней газете, которую Кайдаков, ездивший по делам, купил в Новгороде, было сообщение об убийстве 4 февраля 1905 года бомбой революционера в Москве Великого князя Сергея Александровича – брата российского императора Александра Третьего -- бывшего московским генерал-губернатором.

11.

-- Чё стоишь, ртом глядишь?

Настасья Яковлевна, действительно, засмотрелась. Она стояла возле церкви, поджидая Надежду Карпову после школьных занятий. Настя знала, что Карпова пойдет здесь, так как другой дороги не было. Чтобы не выдать, что она здесь нарочно, молодая женщина вначале дошла до церкви, перекрестилась, постояла немного, а затем, подойдя к церковной ограде, стала от нечего делать смотреть сквозь чугунную решётку на улицу.

С ледяно-голубого неба щедро светило солнце. На всём лежал высокий пухлый покров снега. Крупные, густо брошенные бриллиантовые блески на нём указывали на увеличивающийся мороз. Настя подумала, что и сама она сейчас тоже точно в снегу - - в чёрном облегающем пальто с белой песцовой горжеткой¹⁵⁵, в белой меховой шляпке, замшевых белых полуботинках на белом меху, с фарфоровыми белыми пуговками, на каблучках-«рюмочках». Потом она позабыла про себя, взгляд её рассеянно скользил вдаль по улице, где не двигалось ни души. Словно сама жизнь была заморожена. Сидели высоко на остовах тополя семь чёрных крупных ворон, похожих на замершие, указывавшие в разные стороны флюгера. У трактира Белова возле коричневого пятна на снегу, где, верно, была выброшена какой-нибудь собаке кость или гнилое мясо, виделись одиночные, двойные, тройные и совсем запутанные строчки крупных птичьих следов; один след уходил в сторону и обрывался веерными отпечатками двух крыл и хвоста, вероятно, хитрой победительницы. Ни одна вдруг выскочившая из-под ворот или забора кошка или собака не нарушала общую неподвижность. Даже воздух, казалось, был окован морозом: не падало ни снежинки с небес, ни щепотки снега под ветром или собственным весом с предметов.

Высокая, втрое, а то и впятеро толще покрываемой поверхности, белая опушка лежала планках заборов, на ветвях и наклонных стволах темных,

¹⁵⁵ Горжётка — маленький меховой шарф или цельная (с головой, лапами и хвостом) шкурка пушного животного, которая, в частности, служит воротником пальто.

лишенных листвы деревьев. На гнилой пень наброшена была нарядная взбитая белая, в искрах, подушка. Нелепый куст, замшелая колода с застрявшим в ней заржавленным колуном, деревянная грубо сколоченная скамья у дома – всё, прежде некрасивое или обыкновенное, теперь, подчёркнутое снегом, в недвижимом мире, обрело вид предметов искусства и красоты, стало вне обыденной жизни, так что Настя ощутила себя словно внутри театральной декорации. Линии пухлого снега, долго копленного по крупинке, с равным прилежанием покрыли огороды и крыши домов, надстроили круги церковного купола и выброшенного ломаного колеса телеги, скопировали сложные поверхности козырька крыльца миллионера Гаврилина и забытой в бедняцком дворе, видимой сквозь дыру в заборе разошедшей тачки. Не упущена снегом была никакая малая поверхность. Округлые колпаки высились на верхушках заборных столбов, колпачки поменьше украшали заборные доски.

«Стоит Ермак, на нём колпак: ни шит, ни ткан, ни в доски бран, ни пояровый», - - вспомнилась Насте приговорка-загадка, какою её горничная Дуняша сопровождала, выглядывая в окно, каждый снегопад. Настасья Яковлевна загляделась, словно впервые увидала этот мир, когда слышался злой оклик.

Мужичок, грязномордый, в старом подранном молью овчинном тулупе нараспашку, в валенках, без шапки, которую он, верно, потерял, глядел на Настю злобно с другой стороны решётки. Она осмотрелась: поблизости по-прежнему никого не было, лишь в конце улицы двигались на белом фоне чёрные силуэты прохожих. Очевидно было, что оскорбительный возглас мужичка относился к ней – супруге хозяина половины рабочих Медведя. От мужичка несло водкою.

Настасья Яковлевна ничего не отвечала. Никогда такой выходки никто не мог позволить по отношению к ней. На несколько мгновений ей стало страшно, словно она оказалась внутри клетки.

Тулуп пал на снег и тут же захрапел.

Настасья Яковлевна скорее выбралась из-за решётки и, увидав подходившую из проулка Надежду Васильевну, быстро пошла к ней. Теперь был и повод заговорить. Она поздоровалась, указала на тулуп и вкратце пересказала испугавшую её историю.

-- К сожалению, народ много слышит пропаганды, -- отозвалась Карпова. – Однако, необходимо кого-нибудь позвать, чтобы он не замёрз, ещё и без шапки.

Она остановила подходивших двоих прохожих, один из них оказался знакомцем тулупа, и парни потащили его домой.

Настя растерялась: у неё был план, о чём говорить с Карповой, она хотела начать решительно, но теперь оробела от простоты и вместе с тем воли, с какою учительница обращалась в равной степени и с ней, и с прохожими парнями. Воля эта действовала столь сильно, поскольку очевидно происходила не от желания властвовать, а от глубокого участия и взятия на себя ответственности.

-- Вы знаете про последние события? – вдруг вырвалось у Настеньки. Она понятия не имела сама ни о каких «последних событиях», а просто вспомнила обидные слова мужа о её собственной темноте и захотела испытать Карпову.

-- Вы про Стесселя?

-- Д..да. Конечно!

-- Я думаю, никто – никто! -- здесь, вдали от войны, не имеет права судить категорически! А как Вы полагаете?

-- Да, я тоже так думаю...

(«Вот положение! - - с досадою подумала Надя. – Говорить с барышнею о политике...». Она точно забыла, что она сама барышня, а Настасья Яковлевна, если уточнять, -- замужняя дама.)

Мало помалу добросовестно открывшая пошире свои голубые глаза и кивающая словам Надежды Васильевны Настенька выведала, что за птица был Стессель и что случилось с ним.

Барон Стессель был комендантом несчастного Порт-Артура. Морского порта, арендованного Россией в Китае на 25 лет с 1898 года и превращенного за 6 лет из небольшого неблагоустроенного поселка в свежий застраиваемый город со своей электростанцией, с численностью (кроме военных) в 50 тысяч человек, из которых две трети составляли китайцы.

Порт-Артур был важен как незамерзающий выход к морю. Бо/льшая часть Первой Тихоокеанской эскадры русского флота разместилась там. И

первым мгновением войны стало 27 января 1904-го нападение японцев на русские корабли в Порт-Артуре.

Сюда послали опытного генерала Ноги, который десять лет назад уже взял, и всего за один день, китайский Порт-Артур в Первой японо-китайской войне¹⁵⁶. Но Порт-Артур, за который теперь сражались русские, Ноги не взял ни за день, ни за месяц, ни за полгода. И в августе 1904-го японцы начали тесную осаду города.

Анатолий Михайлович Стессель удерживал Порт-Артур одиннадцать месяцев. И Стессель сдал Порт-Артур 23 декабря 1904-го¹⁵⁷. Он оставил жизнь 24 тысячам осаждённых, из которых нераненых и небольших было 10-11 тысяч человек. Сдавались военнопленные, сданы были японцам корабли и весь запас боевого снаряжения. Русским офицерам японцы позволили вернуться на родину при даче честного слова о дальнейшем неучастии в военных действиях.

Теперь русские люди, от тех, кто поставлен был решать ход войны, до тех, кто не имел к войне никакого отношения, от персон, чьё мнение выдавали газеты, до лиц, которые не умели эти газеты прочесть - - все пытались понять, разумно или же преступно было сдать Порт-Артур. И те, кто защищал Стесселя, и те, кто обвинял его, приводили порой одни и те же факты. Говорили, например, что укрепления Порт-Артура, на которые нужно было бы потратить пять лет, возводились срочно, в пять месяцев, и это было поздно; что оборонительная линия крепости слишком тесно примыкала к городу и давала японцам возможность подобраться близко, так что по улицам города летали не только снаряды, но и ружейные пули. Говорили, что идея существования Артура для флота была сведена на нет экономией постройки, в итоге которой крепость не могла защитить флот от огня сухопутных японских батарей. Узнали, что гарнизон крепости был обеспечен мукой и сахаром на полгода, но мясом и консервами только на один месяц, и люди затем ели конину и без зелени болели цингой.

Ясно было, что герои Порт-Артура за 11 месяцев лишили японскую армию около 100 000 бойцов. Ясно было, что почти год порт-артуровцы держали при себе, не давая отойти, почти весь японский флот. Неясно было, как оценить сдачу героического порта теперь, когда он не уничтожен был ещё до последнего человека.

¹⁵⁶ Японо-китайская война (1894—1895) — война Японии против маньчжурской империи Цин.

¹⁵⁷ 5 января 1905 года по новому стилю

-- Я полагаю, Стессель главной целью существования Порт-Артура считал оборону стоявшего в гавани флота, - - говорила Карпова Насте. – Что ж? Вы знаете – флот был обречён после того как в конце ноября¹⁵⁸ мы сдали гору Высокую. Японцы получили долгожданную ими высоту, с которой теперь им видна была вся порт-артурская гавань. И начали свободно расстреливать наши броненосцы и крейсера. Всё было кончено быстро. Флот погиб в считанные дни. И Стессель сдал крепость.

Карпова, увлекаясь, показывала дар рассказчицы, и Настя словно видела, как японский генерал Ноги бросает и бросает на гору Высокую новые сотни и тысячи японцев, а те поднимаются на Высокую муравьиной вереницей, точно на снежную горку в Медведе, и скатываются мёртвыми; как груды того, что было людьми, скапливаются на серой каменистой земле сопки, плывут по воде бухты, и одежда русских и японцев, в которой отправляются они к разным своим богам, уже не различается в грязи и бурой кровавой воде; как расстрелянные русские корабли садятся один за другим на грунт неглубокой гавани, немного кренясь, словно убитый человек, оседающий набок; как разваливается наложенный доктором шов, порывая раскисшую кожу больного цингой...

Карпова опомнилась и взглянула на «барышню», ожидая увидеть испуг, ужас или безразличность.

-- Это будто шить рыхлую ткань близко к краю – нитки выскочат, -- сказала на рассказ о цинге Настенька. – Но откуда Вам известны подобные детали? Ведь в газетах, верно, не пишут такого?

-- Мой друг детства в начале ноября отправился на фронт добровольцем. Митя Поликалов. Он участвовал в боях за Высокую. Мне пришло под Рождество письмо от него. И с тех пор писем не было...

-- Я сочувствую Вам! Но сдача этого... Порт-Артура – это большое поражение? Японцы, я полагаю, радуются?..

-- Не знаю. Я давно не видала японского офицера, с которым раньше... часто говорила. Думаю, потерять двенадцать тысяч человек в боях за Высокую и сто тысяч за весь Порт-Артур – для японцев нерадостно. Но Вы правы, для России это большое поражение. Возможно, оттого нашим пленным ужесточили режим.

-- Так они действительно гуляют теперь только два часа в день?

-- Да, и лишь на бульваре и плацу.

-- Что ему пророчат? Стесселю? - - спросила, помолчав, Настя.

-- Вероятно, расстрел.

-- И он, должно быть, знал об этом? Когда принимал решение о сдаче?

-- Я думаю, предполагал.

-- Так какого же доказательства нужно ещё того, что он сделал правильно?

Эта простая мысль поразила Карпову, и она внимательнее посмотрела на блондинку. Настя же совершенно успокоилась.

Вывод из несчастий Стесселя, который уносила с собой Настенька, был: «Что ж, она положительно сильно влюблена, но не в моего мужа!»

12.

В мае 1905 года тёплым, нежным, пахнущим цветом черемухи вечером в село Медведь со стороны Владимирского моста въехала телега с запряжённой лошастью. Внутри телеги виднелось щедро положенное до края бортов сено, но в ней никто не сидел, только лежала рогожа, какой обыкновенно накрывают грузы или перевозимого покойника.

Эту пустую на вид телегу её владелец – мужичок с железнодорожной станции Уторгош, известный медведцам как занимающийся извозом – доставил к дому Поликаловых.

Уторгошский мужичок привязал лошадь к столбу забора Поликаловых, подождал и, не слыша собачьего лая за забором, запустил руку за невысокую калитку, снял щеколду, прошёл к дому и постучал по оконной раме. Никто не отвечал ему.

-- Вам тетку Ирину? – крикнула вознице с улицы бойкая девочка лет восьми-девяти. – А нет её, она в больнице в городе лежит. А бати ихнего тоже нет, он помер.

Девочка была Шурка Орлова. Не утерпев, она заглянула без спроса под рогожу. Увидав то, что лежало в телеге, она остолбенела на пару секунд, а потом, задёрнув рогожу, кинулась со всех ног к соседнему дому и, так же,

как возница, сняв с улицы внутреннюю щеколду калитки, скоро заколотила кулачками под окном, крича:

-- Теть Надь, теть Надь, выдите! Там, кажись, дядю Митю привезли!

Учительница Надежда Карпова выбежала с не отстававшей от неё Шуркой за калитку. Ещё возница не спеша повернул от дома Поликаловых, как Надя вдруг похолодевшими руками – была у неё при волнении такая особенность -- отдёрнула рогожу на телеге.

Она ждала, что откроет под рогожей Митю раненного либо умершего в дороге домой. Шесть месяцев назад Надя видела Митю, уходившего от этого дома на фронт, в последний раз, и теперь он на мгновение встал в её памяти прежним, хотя она понимала, что вид его должен измениться. Всё в нём природа создала богато: рост, могучие руки, крепкие ноги, завитки каштановых волос – васнецовский богатырь, вес которого, кажется, мог выдержать только конь-тяжеловоз. Надя, знавшая его с детства и взрослевшая вместе с ним, никогда не смотрела на его тело как на притягательное, но однажды он вдруг понравился ей. Это случилось на улице, во время самого обыкновенного их незначительного разговора. Митя улыбнулся, не смущенно, как обычно, ища её взгляда, а отвлеченно, с хорошей думою, глядя куда-то в сторону, и она словно в первый раз увидела, что у него красивые, идеальные белые зубы, хороши румяные полноватые губы и небольшие, с живинкой, серые глаза...

Теперь под открытой рогожей лежал в просторной белой солдатской рубахе высушенный обрубок человеческого тела без рук и ног.

Веки существа с трудом приподнялись. Голова с редкими бесцветными волосами сделала небольшое движение в сторону Нади. Существо приоткрыло рот, силясь что-то произнести, и Надя увидела, что в распухших цинготных дёснах почти нет зубов.

Ничто не соотносило этот обрубок человека с Митей. И Надя, минуту подержав свои ледяные ладони у рта, чтобы согреть руки, так, что Шурке Орловой показалось, что учительница хочет скрыть свое лицо, бережно прикоснулась к вырезу солдатской рубахи. На тощей груди существа лежали две верёвочки: одна - с нательным крестом, другая -- с дешёвым медным медальоном. Раскрыв медальон, Надя увидела себя.

Когда-то до войны в Медведь из Новгорода приезжал профессиональный фотограф – брат Софьи Гаврилиной; он попросил Надю

позировать ему для портрета. Митя тогда взял ненадолго эту фотокарточку, потом вернул. Теперь в медальоне Надя увидела тщательно вырисованное тушью, узнаваемое своё лицо. Но руки, которая оказалась такой талантливой и создала эту миниатюру, больше не существовало.

И тогда она, не замечая Шурки, возницы, подходивших соседок, встала на колени в дорожную пыль, бережно обхватила руками голову существа и, нежно, чтобы не причинить боль, поцеловала его в губы.

-- Помогите занести в мой дом, - - сказала Надя вознице.

13.

В мае 1905-го в редком доме села Медведь не произносилось хотя бы однажды японское слово «Того».

Адмирал Того, командующий Объединённым флотом Японии в течение всей русско-японской войны, вероятно, удивился бы, узнав, что за тысячи вёрст и сотни морских миль от его сражений его персону обсуждают русские крестьяне. Но еще более он удивился бы тому, что жители села Медведь довольно долго считали себя имеющими некоторое отношение к адмиралу.

Другой человек с фамилией Того появился в Аракчеевских казармах около трёх месяцев тому назад. Мукденское сражение 17 февраля 1905-го вслед за Ляоянским доставило в Медведь новых военнопленных, так что общая численность их приблизилась к двум тысячам человек. О прибывшем с фамилией Того стали говорить, что он -- племянник знаменитого адмирала Того, сам же -- майор Генерального штаба и, выходило, -- самый старший по чину из пленных в Медведе. Того поселился отдельно от других пленных, в двух комнатах дома, где ранее жили русские офицеры. За Того повсюду следовал личный, приставленный к нему часовой. Скоро стали разочарованно говорить, что медведский майор Того все-таки не племянник знаменитого адмирала. Мнимый племянник не стал бы надолго интересен медведцам, если бы скоро они не узнали о нём два обстоятельства.

Первым узнанным было то, что с «племянником» Того в плен добровольно пошла его молодая жена. Медведские сентиментальные дамы выведали откуда-то, что в сам миг пленения Того жена была с ним рядом. Того, малорослый, тихий, сутулившийся, о чём-то всегда угрюмо думал, на

вопросы неожиданно застенчиво улыбался и молча пожимал плечами. Жена его, маленькая шустроглазая японочка Кио, занималась мелкими делами, которые сама себе выдумывала, хозяйственно бегала по лавкам, ни секунды не казалась уныла и походила на снующую птичку в клетке, каких разрешено было заводить пленным на утешение. Она и пела, как птичка, охотно, тонко и подолгу, сопровождая себе на изготовленном для неё японскими солдатами сямисене, что весною, когда приоткрыли окна, стало известно любопытным проходившим мимо жилья майора.

У этой пары за три месяца никто не бывал, и они не бывали ни у кого. Они выходили на прогулку каждый вечер, но всегда очень поздно, очевидно, из-за желания майора не встретить прохожих. Медведцы видели из окон, как майор Того с мрачным выражением, пригнув голову, вероятно, из-за непривычного для него снега, ветра, метели или просто холода, проходил неизменный путь от Аракчеевских казарм до конца бульвара и, помедлив в этой точке, поворачивался, чтобы вернуться к казармам, откуда начинал шагать снова. Рядом с ним, не беря его под руку, но плечо к плечу, молча попевала улыбающаяся с сомкнутыми губами Кио. За ними на некотором расстоянии следовал часовой.

С момента, как Того появился в Медведе, он не произнёс ни слова. Это было второе обстоятельство, заставившее о нем говорить. Медведские дамы передавали друг дружке, что Того дал обет молчания на всё время плена. Как он объявил об обете, ежели решил молчать – в этом явилось затруднение у дам, но они, посоветовавшись, решили, что он, вероятно, написал об этом на бумаге. Как офицер Генерального штаба Того должен был знать русский язык, но не отвечал на вопросы тех русских, кто вначале подходил к нему. Сторонился он и компатриотов-пленных. В поведении он был безупречен.

15 мая 1905 года Объединённый флот Японии победил у острова Цусима в самой масштабной из известных на тот момент морских битв.

Командующий флотом адмирал Хэйхатири Того в миг обнародования первого сообщения об этом в Японии стал национальным героем. Русская пресса мрачно заговорила о близком конце войны и фиаско в ней России. Но медведский майор Того, узнав о Цусиме, не распрямил свои сгорбленные плечи и не отменил обета молчания. К концу мая в Медведе оделись в белый цвет вишни, напоминая майору Того о родной сакуре и призывая радоваться победной японской весне. Но на прогулках безветренными нежными

майскими вечерами он шёл, как сквозь метель, пригнув голову. За ним попевала преданная Кио, на лице которой застыла улыбающаяся маска.

Майским вечером в конторе купца Гаврилина собрались, как они обыкновенно это делали в конце дня для обсуждения планов на завтра, Максим Гаврилин и Владимир Самойлов. Покончив с делами, компаньоны не разошлись, а посмотрели, не сговариваясь, на карту мира, вывешенную Максимом Козьмичом с лета 1904-го на стене конторы.

На карте, где издалека бросались в глаза надписи заглавными буквами «РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ» и, ниже, «КИТАЙСКАЯ ИМПЕРИЯ», а справа на островах указана была «ЯПОНИЯ», Максим Гаврилин пару дней назад чернилами разных цветов пунктирами прочертил путь трёх отрядов российской Второй Тихоокеанской эскадры.

-- Говорят, Надежда Карпова детишкам в школе такую же карту повесила, - - нарушил молчание Самойлов. – И так же начертила путь несчастной эскадры.

-- Да, Порт-Артур погиб, когда японцы уничтожили нашу Первую Тихоокеанскую эскадру. Теперь же гибель Второй эскадры у Цусимы – это, как предрекают газеты, конец всей войне, -- отозвался Максим Козьмич. – И я полагаю, это правда. У России нет более флота!

-- Выпустят в печать новые карты, где мы увидим «ЯПОНСКАЯ ИМПЕРИЯ»!

-- Она уж давно объявлена империей, с приходом Мэйдзи. Только помнили о том лишь сами японцы. Теперь же -- призна'ет весь мир! Как мы допустили это??? Как допустили, ежели у японцев на начало войны было менее миллиона воинов, а у нас – четыре с половиною миллиона??!

-- Вы забываете, мой друг, что почти все наши сухопутные силы находились за тысячи вёрст от Дальнего Востока. Ехать же туда по железной дороге – самое быстрое -- месяц. Прибавьте, увы, невысокую пропускную способность Транссиба!¹⁵⁹ Между тем, от Японии до театра войны – одни только сутки морского пути!

-- Главный наш просчёт - - флот! – убеждённо сказал Гаврилин. -- Отчего не вышла подмога Первой эскадре в Порт-Артур сразу после объявления войны, в январе прошлого года, незамедлительно??! (Максим Козьмич, энергично шагавший по небольшой конторе, вскинул руки и посмотрел на Самойлова с удивлением.) Нет, я горячусь – корабли Второй эскадры – как оказалось!!! -- надобно было ещё достраивать... Но ведь и достройка затянулась! Не брали кредиты на эту достройку, жалели денег! Дожалелись - - проиграли войну!!! Права русская поговорка – скупой платит дважды: сколько мы проиграем Японии – Бог весть! Неужто в январе девятьсот четвёртого верхам это было неясно?! Ведь эта, единственная, подмога флоту - - корабли Второй эскадры – была в Балтике. А оттуда их не доставишь на Дальний Восток уже и за месяц!

Максим Козьмич подошёл к карте и, схватив карандаш, гневно стал показывать:

-- Из Балтики нашим броненосцам не пройти по Суэцкому каналу – мелок! Турция держит на замке для военных судов любых стран проливы Босфор и Дарданеллы. Таким образом, для главных сил Второй эскадры – отряда Рождественского, с броненосцами – был единственный и фантастический путь – вполсвета: из Балтики обойдя Европу, вокруг Африки, мимо Индии, меж Австралией и Азией, и оттуда только – на Дальний Восток!! Это, с остановками – пять-шесть изнурительных месяцев плавания! При том, заметьте -- плаванья отчаянного, в конце которого – как чувствует каждый последний матрос на каждом судне – вероятна смерть! Шесть месяцев ожидания расстрела в плавучей смертной камере, из которой нет выхода!!!

Что ж, нам, русским, храбрости не занимать! И несчастная Вторая эскадра вышла в свой смертный поход. Но вышла поздно, в октябре девятьсот четвёртого. Нет, я не верю, что не было денег на ремонт и формирование эскадры! Не было другого – должной организации! И вопросов к тому – после проигранной войны – будет о-ой как много!!! Почему, скажите, повернул обратно отряд Вирениуса, весной девятьсот четвёртого уже бывший на полпути к Дальнему Востоку?

-- Будут, вероятно, разбирать это.

-- Разбирать? А хотите, я сейчас разберу? Скажете, что не мне, новгородскому купцу, по чину и по силам рассудить целую войну, и что всяк

способен издалека разглагольствовать о политике?! (Медлительный Самойлов и не думал возражать.) А я Вам скажу на это вот что!!

Да, я купец, и купец преуспевающий! И мне досталась от предков моих сильная вотчина! Но и сам я тружусь для преумножения их богатств!

Что случилось бы, спрошу я Вас (Самойлов напрягся, но ответа его Максим Козьмич не ждал), ежели бы я сиживал у себя дома в халате и мягких туфлях, надеясь на то, что мой льняной завод как-нибудь там движется сам собою? (Мой друг, я для упрощения и донесения моей мысли стану говорить сейчас «мой завод», хотя ни мига не забываю о том, что он – наш с Вами!) Что бы началось, ежели бы при том руководила моим заводом не одна контора - - в каковой мы сидим сейчас с Вами – а -- три конторы?

Что ежели бы каждая из этих трёх контор, где верховодили бы трое управляющих, считала себя главной и упорствовала в этом мнении и оттого перечила бы в малом и большом другим двум конторам?! И в каждой нашлись бы люди, занимающиеся воровством денег, доступном при трёх денежных потоках?!

Вообразите притом, что в то время как льнозавод стоит в Медведе, три конторы, управляющие им, находились бы в Петербурге, Москве и, гипотетично, Владивостоке! Представьте теперь, что заводу объявлена финансовая война. Он должен срочно выпустить больше льна в условиях, что его поглотит конкурент.

Вообразим, что нашёлся умный рабочий на заводе, который знает, как выпустить больше льна, и сделал чертёж своего предложения.

Предложение рабочего не берёт в руки мастер, понимающий в чертежах, потому что контора №1 запрещает мастеру самому рассматривать чертежи. Она, контора, предписывает мастеру отослать чертёж рабочего во Владивосток.

Чертёж рабочего доходит до Владивостока почтой за месяц. Контора №1 во Владивостоке одобряет чертёж, потому что финансово он выгоден. Да вот беда – во владивостокской конторе сидят одни финансисты, и они не умеют читать чертежи!

Одобрённый финансистами, чертёж направляется из Владивостока в контору №2, в Петербург. Это -- Главная Контора, Контора Одобрения. О-о, её роль – самая удивительная!!! В этой конторе ничего не понимают ни в

чертежах, ни в финансах. Получивши чертёж из Владивостока, Главная Контора... ничего не делает сама. Она перенаправляет чертёж в контору №3 - в Москву, где сидят инженеры, понимающие в чертежах. Отправка занимает полторы недели.

(Внимательно слушавший Гаврилина Самойлов невольно усмехнулся и покачал головою.)

-- В Москве в среде инженеров мнения разделяются, - - продолжал свою фантазию Гаврилин. -- Одни одобряют чертеж, другие отвергают. Им бы съездить в Медведь, чтобы лично увидеть завод, пощупать, что предлагает умный рабочий, своими руками и понять его изобретение – но они не едут.

После еще полумесяца инженерных споров в конце концов – виват!¹⁶⁰ – чертёж рабочего побеждает и принят.

Сообщение об этом идет не в Медведь, где его ждет умирающий завод – а -- угадайте, куда? – верно! - - в Контору Одобрения в Санкт-Петербург. И вот там-то (подождавши три недели для того, чтоб не думали, что эта контора зря ест свой хлеб!!!) даётся и подписывается чертежу Последнее Одобрение.

Но детали для изобретения будут поставлять разные фирмы. Этих фирм – четыре или пять. Чертеж обречён, а вместе с ним и мой завод... Вы смеётесь, мой друг, а это не гротеск, это жизненная правда, и притом далеко не в полноте!!! Перенесём наши три конторы на явление русско-японской морской войны! Это будут Главный морской штаб, Морской технический комитет и Главное управление кораблестроения и снабжения. Да прибавьте к этим трём ещё две влиятельных инстанции: ход войны могут решать Генерал-адмирал и непогрешимая особа императора, на которую, впрочем, не исключено влияние посторонних лиц.

-- Да, Вы правы! Ежели можно отыскать одно слово для действий русского командования в уходящей войне, это будет «хаос». Для тех же, кто оказался внутри войны, этим словом будет «истощение».

-- Вы слышали о новой забастовке, иваново-вознесенских текстильщиков? -- без видимой связи спросил Гаврилин.

¹⁶⁰

(Устар.) - - ура!

-- Да. Истощение...

14.

Наде Карповой приснился мрачный сон, фантазмагория, которую, как это часто случается с последним утренним сном, она, проснувшись, в деталях вспомнила. Ещё лежа в кровати, девушка с бьющимся сердцем перебирала в памяти виденное.

Приснился ей тяжело катившийся – и катившийся нигде, в пустоте -- гигантский клубок, отчего-то жутким образом шевелящийся. Она подошла к этому клубку и увидала, что внутри него -- чернота, составляют же этот мрак чёрные человеческие тела. Они, не переставая, душат, бьют других без разбору, сами стараясь уклониться от чужих рук, и потому непрерывно извиваются. Чёрные фигуры людей не имеют черт лиц, а сами единообразно худы, как нарисованные на бумаге чёрными чернилами детской рукою человечки. Вот из страшного клубка тянутся к ней, Наде, руки и стараются схватить её, втянуть в клубок. Ей жутко. Но она протягивает сама руку и успевает, пока страшный ком катится на неё, отпрыгнуть и выхватить из кома за руку кого-то.

Этот кто-то, такой же чёрный, как все, вываливается из кома и падает к её ногам. И, как только он высвобождается из кома, он перестает быть чёрным, встает на ноги и становится обыкновенным человеком. Она хочет рассмотреть его лицо, но... просыпается.

Под окном избы раздался стук. Надя набросила платок на плечи и вышла в сени.

-- Стучу, стучу, тебя, видать, не добудиться, - - сказала вошедшая Катерина Курочкина, пригибаясь перед притолокой. – Мати твою видала, бабку Зину, на грядах¹⁶¹.

-- Да? А я заспалась, действительно. Взяла в школе недельный отпуск... Надо пойти маме помочь. Жалеет она меня.

За Катериной в дверь просунулась головёнка ее дочери, Аришки.

-- Тетя Надя! А у нас дядя Кавабата помер!

¹⁶¹ ГрядА (шимск. диал.) – грядка на огороде

-- Как? – тут только Надя увидала лицо Катерины. – Катюша, бедная! Так вот почему ты вчера на репетиции не была в театре!

-- Мы с кладбища! -- поделилась Аришка непривычными впечатлениями. – Японцы там сначала-то были. Цветов нанесли, обложили могилку. На камушке буквы свои выбили японские. Потом они ушли, а мы с мамой тогда подошли. Я прям со школы, с сумкой -- видите? (Ариша показала новенькую холщовую сумку с картинкой тигра.) У нас сумки теперь – у девочек тигр, у мальчишек – лев. Сёдня после школы-то мы, тигры, со львами сражались, хи-хи. Нас, тигров, не победили - - мы сбежали. Дядя Кавабата хороший был, добрый. Он теперь у кролика на небе, да?

-- Аришка, не трёкай. Поди на гряды, там баушка Зина садит, подмоги ей. А у меня, Надя, разговор к тебе.

Когда девочка убежала, Катерина достала из-за пазухи бережно сложенный листок.

-- Вот. Твой ипониц, Хигаки, мне передал. Грит, написал мне этот... Кавабата (голос Кати прервался).

Надя с сочувствием обняла подругу:

-- Ты не можешь прочитать? И Ариша ещё не умеет?! Я сейчас!!!

И Надя прочитала подруге написанное на листке.

-- Что ж это? Стихи разве?

-- Да, Катя, стихи. И я даже знаю, зачем. Мне Хигаки когда-то говорил, что если японский самурай... воин знает, что умрёт, то сочиняет предсмертное стихотворение.

Только тогда Катя заплакала.

-- В конец зимы чаходырый¹⁶² стал. Я -- трав ему да малины сушеной. Как мать-и-мачеха выросла, так её стала варить. А, видать, поздно. Дохтур в Аракчеевских сказал - - долгое воспаление. Видать, зима наша не по ему пришлась. И топят хорошо у их, и одевался тёпло, а вот... В жару сгорел... На могилке на камне написали ипонскими буквами... (Катерина остановилась, припоминая) «Сражён не людьми, а морозом». Хигаки твой мне перевел. Горюет тож. Друзьями ить были. Да только не по тому горюет.

¹⁶²

Чаходырый (шимск. диал.) -- кашляющий

-- Как это?

-- Жалеет -- не попадет Кавабата в святые. У их, кто помер за императора ихнего в войне, тот назначается святым. Храм какой-то есть, где все ихние имена, тыщи, записаны¹⁶³. А Кавабата от жара в плену помер. Непочётно. Думаю, от того они, фицеры-то ипонские, и все тут невесёлы. Горюют, как их дома-то встретят. Непочётен плен. Солдатики тока ихние радуются. Войне-то скоро, гряд, конец. Домой в Ипонию собираются. А мой не поедет... Невезучая я на мужиков...

-- А что такое Ариша про кролика говорила? – спросила Надя, чтобы немного отвлечь подругу, в то же время понимая, что Катя сейчас не может говорить ни о чём, кроме смерти Кавабаты.

-- Что ж? Глупость одна. Когда Кавабата у нас-то сидел, дак сказывал Аришке сказку про кролика. Будто мильён лет сидит тот на луне и пекёт лепешки, съешь – будешь жить вечно. Будто видать того кролика с Земли. Я глядела – не увидала. А ипонцы-то верят.

За занавеской в Надиной комнате послышался шорох.

-- Это Митя у тебя там? - - Катерина отвлеклась.

-- Да.

-- Так и живет у вас?

-- Где ж ему? Мать его, Иринья Анисимовна, все ещё в больнице в Новгороде. Да и приедет если -- не хватит ей сил за ним ухаживать.

-- А тебе хватит?

Катя, пристально глядя в глаза подруге, произнесла это так, что Наде стало понятно: она спрашивает не только о Мите.

-- Хватит.

Ариша вернулась в избу и защебетала:

¹⁶³ Согласно синтоистской традиции, японские граждане, погибшие в войнах, в которых участвовала Япония, являются объектом поклонения. Храм Ясукуни – синтоистское святилище, в котором поклоняются душам воинов, погибших за Японию и императора. Верховное божество храма — Император Японии. По итогам русско-японской войны 1904-1905 гг. к лику святых причислено 88 429 японцев, Первой мировой войны 1914—1918 гг. – 4 850, Второй мировой войны 1939-1945 гг. – 2 133 885 японцев.

-- Теть Надь! Теть Надь! А гляньте что тот, другой дяденька японец мне на кладбище-то дал для Вас! Тот, что раньше к Вам ходил, пока дядя Митя не вернулся!

Ариша вытащила из сумки грифельную доску, букварь, тетрадь и, наконец, вынула и торжественно, как актриса в финале пьесы, поклонившись, подала учительнице театральный, как она считала, предмет -- веер, помахав в воздухе рукой с ним, оставленной от себя:

-- То японцы сами делают! Из щепы.

«Не забудьте меня. Госпожъ Надь на добрую память отъ Хигаки», -- было написано по-русски на веере.

Хигаки всегда понимал Надю душою, без словесных объяснений. Это было прощание.

Через несколько дней умер Митя. Перед тем, как заколотили гроб, Надя поцеловала друга в лоб и положила к его телу рядом с нательным крестом и медальоном с Надиным портретом, пронесённым им через войну, бумажный листок. Это был листок, который передала ей Катя. Стихотворение, сочинённое Кавабатой и переведённое на русский язык Хигаки.

«Белой майской ночью

С белой вишни

Снег осыплется мне в ладонь и не растает.

Из чужого края ухожу я,

Свободный,

В небо.

Ничего своего не оставляю здесь,

Лишь две карие вишни,

Которыми любовался недолго

В чужом саду.»

ЭПИЛОГ

112 ЛЕТ СПУСТЯ

Виктор Николаевич Иванов, учитель и директор Медведской школы, закрыл новенькую книжку, пахнувшую той особой свежестью, которая, кажется, присуща лишь двум вещам на свете – постиранному в речке белью и только что выпущенным из типографии страницам.

«Изучали книгу В.Н.Иванова «Необыкновенная история села Медведь» -- внёс аккуратный Виктор Николаевич запись в журнал с табличкой «Летний пришкольный лагерь. Август 2017 года» в разделе «Краеведческий кружок».

-- Ну что, ребята? – спросил Иванов сидевших вокруг стола своих учеников. -- Понравилась вам моя книжка?

-- Ага. Да Вы ведь всё это придумали? Это же неправда? - - вежливым голосом спросил мальчик, который всегда во всём сомневался.

-- Понимаете, ребята... Это историко-художественный роман. А, значит, что-то в нём -- то, что допустимо вообразить -- придумано, а другое – правда. И правда документальная, зафиксированная в архивных документах, воспоминаниях очевидцев. Вот, например, я пишу о том, что в нашем селе Медведь в Аракчеевских казармах в 1904-1905 годах пребывали японцы. Это был единственный в России массовый лагерь для 2 500 – по другим данным даже 3 000 -- пленных в русско-японскую войну. И это правда. В Медведе в то время уже действительно существовал народный театр. Тот, что и сейчас действует! И я, ваш учитель, играю в нем роль Любима Торцова в той же самой пьесе, какая первой вышла на его сцене -- «Бедность не порок» Александра Островского. Вы ведь ходили на этот спектакль?

-- Ходили, – ответили ребята. Мальчик, который всегда во всём сомневался, уточнил:

-- А эти люди, про которых Вы написали – они правда жили? Или они ненастоящие?

-- Большинство персонажей в моей книге имеют прототипы. То есть они чем-то похожи -- именем и фамилией, чертами внешности или характера или судьбами -- на реальных людей, которые жили в нашем селе. В Медведе сохранились даже дома, которые я описываю в книжке! А пойдёмте, ребята, сейчас на экскурсию - - я вам эти дома покажу?! И тот бульвар, по которому гуляли японцы и медведцы в начале 20 века?!

-- Покажите! И расскажите – что с ними дальше случилось? С этими людьми?! А учительницей Надей? А с девочкой Шуркой? - - посыпались вопросы.

Дети с педагогом вышли из здания школы.

-- Вот, ребята, первое, что встретилось нам на пути – могила красноармейца Путриса.

В 1917-м году в России произошла социальная революция, истоки которой уходят в 1905 год.

Бедняки надеялись, что сразу после революции они начнут жить хорошо. Что станут все такими же богатыми, как купцы Гаврилины или Самойловы из моего романа.

Символом слома старого строя в селе Медведь стал снос в 1917-м году бронзового памятника Императору Николаю Первому с надписью «От благодарного общества пахотных солдат. Открыт в 1862 году 9 мая». Его больше нет. Мы видим его только на старинных фотографиях. Таких фотографий, к слову, сохранилось довольно много. Их сделала семья медведских миллионеров Гавриловых. Эта семья проживала в Медведе. Брат Серафимы Гавриловой, молодой невестки купца Кузьмы Семеновича Гаврилова, был модным фотографом в Новгороде.

Но вернемся к революции. Богатыми после неё медведцы не стали. Напротив, в апреле 1918-го в Медведе, прежде очень богатом селе, начали голодать люди. По воспоминаниям старожилов, население ело даже опилки и мох.

Между тем, медведцы узнали, что в Аракчеевских казармах хранился большой запас еды на 30 тысяч солдат. Никакие воинские части там в тот момент не стояли. И из казарм новая власть куда-то вывозила еду на глазах у голодных людей. Специальные продотряды также отбирали продовольствие и у самих сельчан. Те жители, у кого были коровы, овцы, зерно, другое

добро, объявлялись новой властью «кулаками» -- то есть богатеями – и их «раскулачивали» -- отбирали нажитое. Кто входил в эти продотряды? Состав их был разношёрстный, прибились к новой власти самые разные люди. Быть может, оказались среди них и такие персонажи, как дебошир и пьяница Тришка из моего романа. Хотя я выдумал его, но на самом деле в селе Медведь жил в 1900-х годах черносотенец, подбрасывавший жителям листовки «Бей жидов, спасай Россию» -- это зафиксировано в документах.

Жители Медведа пришли в Аракчеевские казармы на продовольственные склады и три дня осаждали их. В результате главный красноармеец, по фамилии Путрис, из охранявших склад был убит. Вы видите его могилу. Что случилось с теми оголодавшими, кто напал на отряд Путриса, мне неизвестно. Возможно, их расстреляли. Долгое время потом это происшествие именовали «кулацким мятежом». А фамилией погибшего красноармейца советская власть назвала одну из улиц Медведа. Это с той поры до наших дней -- улица Путриса. Старое же её название - - угадайте, какое? Улица Миллионная!!!

Вот как всё перевернулось в жизни села Медведь и его обитателей! Сама история перевернулась.словно небывалой силы ураган налетел в тихое местечко – сломал, рассыпал не только памятники, но и большие строения, переименовал названия улиц... А люди... Небывалый ветер подхватил и их, как картонные фигурки, закружил... Кто-то исчез в этом вихре навеки.

В 1918-м году некто предупредил молодого Михаила Кузьмича Гаврилова (сына умершего миллионера Гаврилова) о том, что его ожидает арест. И Михаил Кузьмич скорее уехал с семьёй из Медведа в Петроград (бывший Петербург). Растворился в большом городе.

Вот мы сейчас с вами как раз проходим мимо дома купца Гаврилова. Особняк сохранился, хотя и разрушается. Он по-прежнему выплывает на перекрёсток улиц Миллионной и Подгорной углом, как гигантский корабль носом, но похож теперь на корабль-призрак.

-- Или «Титаник»! – сказал кто-то из ребят.

-- Да, верно. Никто в нём не живёт, и сам он числится памятником. А в 1918-м году в этом доме от прежней большой семьи оставался жить один человек. Это -- Мария Евсеевна Гаврилова, вдова старого купца Кузьмы Семеновича Гаврилова. Староверка Мария Евсеевна сочла своим долгом

охранять старый дом. И она выполнила этот долг. Где она похоронена и как умерла, медведцы не знают. Словно эта достойная женщина покинула Медведь вместе со старой его историей...

-- Вы как-то не так называете их! - - сказал мальчик, который всегда во всём сомневался. -- У Вас в книжке у этих людей другие имена и фамилии, только похожие.

-- Да, ты верно заметил. Ведь я уже говорил, что это -- историко-художественный роман. Значит, что-то я придумал про жизнь реально существовавших людей. И, если то, что я придумал - - очень личное, лучше я не буду называть их подлинными именами. Ведь я могу случайно потревожить память о них. У многих живы их потомки.

-- А Самойловы? - - спросила девочка, которая помнила то, что не помнили другие.

-- Я люблю их тоже и жалею, и мне очень хочется предположить, что было бы и с ними, хотя это -- почти совсем выдуманные персонажи.

Образы Самойловых родились в моём воображении из увиденной мною архивной фотографии. Это фотография семейной пары: Василия Ивановича Любацкого -- компаньона по льнозаводу Михаила Кузьмича Гаврилова -- и Анисьи Яковлевны Любацкой. Это прекрасные молодые люди. Внешне они совсем таковы, какими я описал Самойловых в романе. На Анисье Яковлевне я увидел необыкновенный костюм. Нигде и никогда на старинных фотографиях я не встречал такого. И воображение унесло меня в прежние времена, когда женщины были так же красивы, как красивы и сейчас все молодые женщины, когда платья и шляпки были другими, но барышни так же думали о моде, а юные люди, вступающие в жизнь, любили, ошибались и страдали... Я создал историю Самойловых. А теперь так же, как и вы, мои слушатели и читатели, переживаю за них. И думаю -- что же ними могло случиться дальше?

Если бы вправду существовали на свете Владимир Назарьевич и Настасья Яковлевна Самойловы, я предполагаю, после революции был бы отдан приказ их -- богатую купеческую семью -- арестовать, предварительно отобрав всё имущество.

Успел бы исчезнуть из села Самойлов вместе с Настенькой? Хорошо, если б успел! А если нет? Боюсь, его мог ждать расстрел, а её -- ссылка. И в каком-то далёком сибирском местечке прежняя изящная модница Настенька

шила бы своими руками одежду для заключённых, шила быстрее всех, изо дня в день одно и то же, по одинаковым лекалам, давая самую чёткую строчку, думая только об одном -- как ей выжить. И когда-нибудь, пусть даже измождённой и больной, всё-таки вернуться в родное село...

Но коммерческая идея при «раскулачивании» богатеев отправлять их в лагеря на бесплатный труд, а также ссылать за несогласие с политикой коммунистов, пожалуй, активно стала внедряться в России позже, где-то в 1930-е годы. Поэтому судьба Любацких -- прототипов Самойловых -- сложилась несколько иначе. О них известно из архивов следующее.

На 1917-й год годовой доход купца Любацкого составлял 2500 рублей в год. Когда грянула революция, после поспешного отъезда его компаньона по льнозаводу Гаврилова Любацкий некоторое время оставался в Медведе. Его обложили большим налогом-контрибуцией. Что случилось с ним дальше? На одном из интернет-сайтов, посвящённых староверам, я нашёл следующие скупые строчки:

«В селе Медведь существовала моленная и богадельня под попечительством купца Василия Ивановича Любацкого (1861 – 1931), активного участника I и II Всероссийских соборов. В начале 1920-х гг. В.И. Любацкий переехал в город Гатчину Ленинградской области, где служил в моленной наставником.»

Любацкий на десяток лет старше моего Самойлова. Что случилось с Любацким в 1931-м, умер ли он естественной смертью, какова была судьба его очаровательной супруги? На эти вопросы у меня нет ответов. Но я знаю, что льняной завод - - создание Гаврилова и Любацкого, оставленное ими в Медведе – жил и процветал и при Советской власти. Его держали квалифицированные рабочие – лучшие кадры бывшего купеческого льнозавода. Завод погиб в 1941-45 годах, в Великую Отечественную войну. Остался от него только фундамент. Вот он, видите? Это место цеха, где когда-то замачивали лён.

Ну что ж... Про кого из героев моей книжки вам ещё рассказать?

-- Про Стесселя. И этих... главных японских генералов. И вообще полководцев, -- попросил мальчик, который читал книжки только про войну и героев.

-- Анатолий Михайлович Стессель за сдачу Порт-Артура был в 1908 году после долгого суда приговорен к расстрелу. Расстрел ему был заменён

на 10-летнее заключение в крепости. Отбыв чуть больше года в заключении, в 1909-м Стессель был освобожден по личному распоряжению Николая Второго.

Японский генерал Ноги, которому Стессель сдал Порт-Артур, потерял на русско-японской войне двух своих сыновей, последнего – в осаде Порт-Артура. После падения Порт-Артура Ноги стал национальным героем Японии. Во время доклада императору Мэйдзи генерал Ноги заплакал и попросил разрешения совершить ритуальное самоубийство, сэппуку, чтобы искупить свою вину за смерть около 100 тысяч японцев, брошенных им на осаду Порт-Артура. Император отвечал, что, так как Ноги действовал согласно его приказам, он не должен совершать сэппуку, по крайней мере, пока жив сам император. После войны Ноги потратил большую часть своего состояния на больницы для раненых на войне и памятники павшим. После смерти императора Мэйдзи в 1912 году Ноги совершил сэппуку вместе с женой.

Адмирал Хэйхатири Того, командующий Объединённым флотом Японии, после победы над русским флотом в Цусимском сражении был удостоен всех высших наград Японии и стал начальником Главного морского штаба. О судьбе майора Того, бывшего пленным в Медведе, а также Кио, преданной жены майора Того, мне ничего не известно.

И ещё об одном человеке, имевшем власть принимать ключевые решения в русско-японской войне, я не могу не сказать. Николай Второй, русский император, в описываемые мною дни был молод так же, как герои моего романа. Он вступил на престол в 26 лет. В 1904-м году, когда началась русско-японская война, ему было 36. В 1917-м году Николай Второй отрёкся от престола и остался в истории последним русским императором. В июле 1918-го года Николай Александрович был расстрелян советской властью вместе с женой, четырьмя дочерьми и 13-летним сыном.

Но мне не менее дороги и те герои моей книги, которые не совершали громких поступков, чьи имена и фамилии не только не известны миру или России, но и зачастую потеряны даже в истории Медведя! -- сказал Виктор Николаевич, обращаясь к мальчику, который читал только про героев. – Такие персонажи, как урядник Коля Курносый; заведующий медведской школой Евгений Андреевич Талызин; истопник Филипп Ильин; экономный эстонский яблоневладелец; костромская барыня, в порыве любви приехавшая за пленным англичанином в Медведь; торговец, державший тысячу индюков и возивший их на продажу из Медведя в Петербург; сёстры-чулочки,

жившие в красном доме, которым медведские мальчишки путали нитки, подбрасывая котят – все они существовали на самом деле.

По всей книге рассыпаны приписанные мною юным или смелым героям имена русских воинов, умерших в 1905-м году в лагере Нарасино для военнопленных в Японии: Захар, Семён, Прохор, Назарий, Максим. Есть полное совпадение: Ерофей Паничев. Один из главных героев, Митя Поликалов, носит фамилию погибшего военнопленного. Память о пленных Нарасино -- рядовых, матросах, стрелках, офицерах -- осталась в списке, который я обнаружил в одном историческом архиве; пусть она продлится для вас и на страницах моей книжки...

Порой история раскрывает в самом обыкновенном человеке - - героя.

Я расскажу вам о судьбе реально жившего в селе Медведь Александра Петровича Калязинова (в моей книге его фамилия - - Калядин). Этот тот уважаемый учитель, который ходил в тёплое время года всегда в вышитой русской рубахе-косоворотке, и кому вместе со страховым агентом Галактионовым (в книге – Голоктионовым) пришла идея организовать народный театр в Медведе. В 1906-м году Калязинов стал заведующим медведской школой.

Как зять богатого купца Калязинов имел двухэтажный каменный дом. После революции 1917-го этот дом у него отобрали. Но, поскольку новая власть оставила Калязинова в должности руководителя школы, то ему с семьей разрешили жить в малой части своего бывшего дома.

По последним из известных мне официальных данных Калязинов занимал должность руководителя Медведской Советской Школы II ступени в 1921 году.

Нам повезло, ребята. В 2004 году в архив нашего школьного музея поступило письмо внучки Александра Петровича Калязинова Надежды Зубриловой. Я захватил его с собой на нашу прогулку! Давайте сядем на скамеечку передохнуть, и я прочитаю вам этот документ.

«Мой дедушка, Калязинов Александр Петрович, родился в 1870 году. Он был побочным сыном какого-то графа, и поэтому ему дали высшее образование...

Дедушка с 1900 года был учителем в школе села Медведь. Он принимал активное участие в его общественной жизни: состоял в пожарной

команде, играл в оркестре. Женился он на дочери медведского купца Михеева Александра Федоровича, Анне. У дедушки с бабушкой очень часто собирались почтенные люди села. Бабушкин дом стоял на самом углу дорог, на Шимск и Уторгош. Он был каменный, двухэтажный. В нем же располагался и магазин. После революции 1917 года дом отобрали, но деду, как учителю, разрешили жить в небольшой части дома. Магазин же так и остался на своем месте. В 1941 году, во время оккупации села немцами, дом взорвали, чтобы не мешал обзору стратегической дороги.

Когда началась (Великая Отечественная) война (1941-45 годов), деду исполнился семьдесят один год, бабушке шестьдесят, а мне 7 лет. Чтобы не попасть к немцам, дед пошел в сельсовет с просьбой об эвакуации.

- Не сей панику, Александр Петрович. Война скоро закончится, – ответили на его просьбу руководители сельсовета.

Потом его послали куда-то перегонять общественное стадо коров. К этому времени уже началась бомбежка села. Это были первые бомбы. Я с подружками возвращалась с речки по тропинке возле оврага. Рядом проходило человек семь солдат. Видим, летит на нас самолет. Вдруг что-то завизжало. Один солдатик свалил меня на землю и закрыл своим телом. Потом раздался грохот и треск. Из нас никто не пострадал, но один из наших утят вернулся домой без клювика. Ночью вернулся дедушка. Он чудом не попал в плен к немцам.

Сельчане стали собираться в лес... Когда немцы приближались к нашему району, дед через деревню Menüша решил добраться до Новгорода.... Вышли из леса и заночевали в Menüше. Но в четыре часа утра деревню начали бомбить. Это был настоящий ад. Бомбежка продолжалась до темноты без передышки. Menüша сгорела полностью за несколько часов. Мы лежали среди редких кустиков за огородами. Нас буквально «поливали» пулеметные очереди.

Вечером вышли на дорогу. Шли войска. Дед попросил подвезти до Новгорода, но военным это было запрещено делать. Со всем народом пошли за несколько километров от Menüши и укрылись в оврагах. Там и дождались немцев, приехавших на мотоциклах с колясками.

Вернулись в Медведь. Это было сплошное пепелище. Зиму прожили в деревне Раглицы.

В 1942 году немцы дали деду должность инспектора школ. Он ходил и ездил по району для организации школ в деревнях. Ему приходилось выбивать у немцев для нужд школ избы, столы, дрова, чернила, бумагу. Он подбирал профессиональных учителей, добрых и честных, всячески их поддерживал. Шла война, но он понимал, что детей надо учить, что грамотных людей

трудно поработить. Благодаря его усилиям осенью 1942 года школы открылись. Я тоже пошла в первый класс. Наша школа в Медведе располагалась в уцелевшем от пожара доме, где дорога поворачивает на Шимск. Один учитель обучал по два класса одновременно: первый и четвертый... Сколько надо было иметь любви к народу, чтобы в то лихое время думать о его будущем! Это было не сотрудничество с немцами, а забота о молодом поколении...

Дедушка умер 4 августа 1945 года... Ему сказали, что после выхода медведских жителей из леса, в том числе и моих родителей, в одной из казарм на часовой mine все подорвались. Сердце не выдержало.

Он отдал Медведской школе более сорока лет жизни.

Вечная ему за это память. 25.08.2004».

Александр Петрович Калязинов стал дважды героем, хотя не отмечен никакими наградами. Его могли убить фашистские оккупанты, а после войны – расстрелять или посадить в тюрьму свои, сочтя его действия сотрудничеством с фашистами: были часты такие случаи. А он просто учил детей. И в этом был его обыкновенный подвиг.

-- А трактирщик Белов? - - спросила девочка, которая помнила то, что не помнили другие. – Что стало с ним? Он открыл при новой власти ресторан, о котором мечтал? Он же был бедный?! Его новая власть должна была поддерживать!

-- Нет. О Белове и ресторане в послереволюционном Медведе мне ничего, во всяком случае, не известно. Устриц и трюфелей, как мечтал Белов, крестьяне после революции 1917-го года точно есть не стали... Но известна судьба кумира Белова -- Судакова, того крестьянина Ярославской губернии, который в царские времена, начав свою карьеру официантом, стал владельцем знаменитого ресторана «Яр» в Москве.

О, это была славная история! Один кабинет судаковского «Яра» имел название «Пушкинский» в память о поэте, написавшем в своих стихах о «Яре». Среди посетителей «Яра» были Чехов, Куприн, Максим Горький, Федор Шаляпин... Но после революции 1917-го года ресторан «Яр» советская власть закрыла. Алексей Судаков был арестован. Впоследствии он вернулся в родную деревню под Ярославлем. И снова стал крестьянином...

А мы, ребята, пройдемте с вами дальше!

Кто скажет, что это за здание?

-- Медведский дом культуры!

-- Правильно! А ещё здесь располагается медведский народный театр, которому уже более 100 лет! В этом же здании -- пожарное депо. Строили его на пожертвования купцов -- в основном купца Гаврилова.

А вот - - старая колокольня. К сожалению, она -- всё, что напоминает нам о роскошной каменной пятикупольной церкви Святой Троицы.

-- Эту церковь тоже фашисты в Великую Отечественную разрушили? В 1940-х?

-- Нет. Огромная церковь была разрушена после Великой Отечественной войны... самими жителями! Да! Разобрали её на кирпичи и развезли по Медведю и окрестным деревням... Так что во многих сохранившихся домах, вероятно, есть частичка божьего храма. Винить тех, кто это сделал, сложно по двум причинам. Во-первых, все их дома были разрушены, необходимо было строиться, жить заново. Во-вторых же... Многое, многое изменила в сознании людей революция 1917 года! Новая советская власть боролась против церкви. В 1918 году вышел официальный «Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви». (Он действовал до 1990 года). Поощрялся атеизм - - неверие, а верующие высмеивались. И всё же, я убеждён, многие из тех, кто разрушил церковь Святой Троицы, после в глубине души пожалели об этом.

Снесли бы тогда же и эту церковную колокольню! Да вот не получилось -- очень уж крепко она была сложена! очевидцы вспоминают -- колокольню тянули цепями два гусеничных тягача из советской войсковой части, стоявшей на тот момент в Аракчеевских казармах. Не одолели!! Так и стоит она, напоминая нам о той красоте, которая была когда-то здесь, в центре села. А пятикупольная церковь Святой Троицы осталась только на фотографиях. Нет и красивой ограды, что была вокруг неё. И нет рядом памятника Николаю Первому, о котором я Вам рассказывал ранее...

А вот за этими деревьями -- вот за этими деревьями, ребята, подходите сюда поближе! -- когда-то находился дом... Вы знаете, чей? В этом доме родилась Александра Петровна Орлова.

-- Шурка Орлова!? -- зашумели ребята.

-- Да. И у этой девочки оказалась совершенно удивительная судьба! Как это часто бывает, нельзя считать исторические эпохи только черными или исключительно белыми. Александра Петровна Орлова говорила, что именно советская власть дала ей, сельской простой девчушке, возможность стать учёным, да ещё редким -- японоведом!

Шура Орлова окончила в Ленинграде – бывшем Петербурге и Петрограде -- Институт живых восточных языков. В 1931 году она переехала в Москву, где после аспирантуры стала преподавателем Московского института востоковедения. Её очень любили студенты. Она создала учебник по японскому языку. Все, знавшие её, говорили, что Александра Орлова была светлым человеком, по-доброму относившимся ко всем людям, животным, природе... Сейчас её уже нет в живых. Дочь Александры Орловой тоже стала японоведом, главным научным сотрудником Института востоковедения РАН, автором книг о Японии...

Как замечательно, что в нашем сельском краеведческом музее сохранился кусочек воспоминаний Александры Орловой 1970-х годов! Я взял эту, скопированную мной, запись на нашу экскурсию. Вот она:

«Я отлично помню японских военнопленных в селе Медведь. Я тогда была ещё девочкой. И обиднее всего мне было за то, что сойдутся два человека: японец и русский, и сколько труда им нужно было вложить в свои объяснения... Трудно понять им друг друга, разность языков мешает. Всем своим детским сердцем сожалела, что не могут хорошие люди понимать друг друга. Память у меня была хорошая, и я быстро выучила главные слова, и ещё девочкой выступала в роли переводчицы. Ещё тогда я мечтала о том, как было бы хорошо весь до подлинности японский язык выучить и помогать людям правильно понимать друг друга. И мечте моей суждено было сбыться. После Октябрьской революции я была одной из активисток, комсомолок. И при первом же случае уехала учиться в Москву...»

Вот, ребята, мы с вами дошли до Аракчеевских казарм. Ныне они пусты. А с 1818-го по 2010-й год -- почти 200 лет! – в этих казармах с некоторыми перерывами стояли разные русские воинские части. В 1970-х – даже учебные ракетные!

-- У меня там дедушка Петя работал! - - гордо сообщил один юный краевед.

-- Сейчас казармы, как и дом купца Гаврилова, медленно разрушаются. А между тем, -- продолжил Виктор Николаевич, -- Аракчеевские казармы в Медведе в 19-м веке проектировал знаменитый архитектор Стасов – тот, чьи здания украшают Петербург и Москву!

-- А почему Аракчеевские казармы красные? – спросили дети.

-- Потому что в окрестностях Медведя много красной глины. И многие здания в селе построены из красного кирпича. Кирпичи изготавливались в Медведе в прошлые века на трёх местных кирпичных заводах. Поэтому у нас много можно найти кирпичей с клеймом «С.М.». Это означает «Село Медведь» либо деревня «Старый Медведь».

-- У меня есть один кирпич такой! – И у меня! – закричали, обрадованные, ребята.

-- Справа вот за этими домами, - - продолжал Виктор Николаевич, -- находился в 20-м веке медведский бульвар. По нему очень любили прогуливаться как военные из Аракчеевских казарм, так и жители села Медведь, а в 1904-1905 годах – пленные японцы.

Сейчас бывший бульвар -- это проезжая второстепенная дорога между пятиэтажками, построенными в 1950-х. А их предшественники -- старинные дома – все снесены, за исключением бывшего генеральского двухэтажного особняка по левой стороне бывшего бульвара. Этот дом -- последний на бульваре, он упирается в огромный плац Аракчеевских казарм.

-- Вот детский садик, я в него ходил, -- показал кто-то из ребят.

-- А вот ручей. С виду – самый обыкновенный ручеёк. Но у нас зафиксировано в воспоминаниях старожилов, что основание этого ручья в период оккупации немецкими фашистами в 1940-х было забито телами русских пленных.

Аракчеевские казармы в Великую Отечественную в 1940-х немецкие оккупанты превратили в лагерь для русских военнопленных. Но это уже были условия, не сравнимые с теми, в каких Россия содержала в Медведе японских пленных в 1904-1905 годах!!!

Вспомните из моей книжки: в русско-японскую войну японские пленные получали в достатке рыбу, мясо, офицеры – пиво и вино; для них специально пекли белый хлеб, потому что они не ели чёрного. Военный министр генерал-лейтенант Сахаров издал особый указ, который разрешал японцам питаться той пищей, какая им была больше по душе: заменить на обед перловый суп более дорогим, рисовым, а на ужин вместо манной каши получать пшённую, при этом дополнительные расходы ложились на военный фонд. Японцам платили в плену деньги, они ходили в лавки за покупками, в трактиры, гуляли по селу и его окрестностям, общались с жителями, веселились, встречали Новый год, получали письма и посылки с родины, выписывали русские газеты и журналы, учили иностранные языки, играли в теплое время в бейсбол и гольф, зимой ходили на лыжах. И жители Медведа, и охранявший пленных 199-й резервный Свирский полк – все относились к японцам гуманно, доброжелательно. Точно такие же гуманитарные правила согласно международной конвенции соблюдала, в свою очередь, и Япония в 1904-1905 годах в отношении русских пленных в японских лагерях. Это – факты. Они подтверждены, в частности, многочисленными архивными воспоминаниями самих бывших пленных обеих сторон и опубликованными мемуарами иностранных независимых наблюдателей.

Увы, не зря русско-японскую войну 1904-1905 годов некоторые историки называют последней джентльменской войной в жизни человечества!!

В следующих войнах права человека, гуманное отношение к пленным стали исчезать. А в 1940-х годах фашизм под руководством немецкого лидера Гитлера объявил россиян и жителей других стран недочеловеками. Фашисты захотели вернуть нас к той эпохе, когда существовали человеческие зверинцы, в которых африканцы и индейцы сидели в одних клетках с обезьянами.

Фашисты в 1941-м году напали на Россию. Россия стала для них золотой желанной монетой.

Зверства фашистов известны: о них рассказал миру в 1945-м году Нюрнбергский судебный процесс. Там были представлены доказательства.

Мы же можем представить свои доказательства: о лагере для русских военнопленных, который устроили немецкие фашисты в Аракчеевских казармах села Медведь в 1940-х годах.

Эти доказательства зафиксированы в письменных воспоминаниях очевидцев: жителей Медведа и окрестных деревень.

Фашисты почти не кормили заключённых, не давали им медицинской помощи. По воспоминаниям старожилов, видевших пленных, форма русских солдат не стиралась, превратилась в корку из-за грязи и пота, пленные были измождённые, бледные. В лагере свирепствовали эпидемии тифа; солома, на которой спали пленные, шевелилась от вшей. Десятки пленных умирали ежедневно. Каждый день из лагеря вывозили по две-три телеги трупов. В телегах везли и ещё живых, но больных — чтобы просто выбросить их. С телег слышались крики, но фашисты не обращали на это внимания, смеялись. Фашистам нужно было построить мост через реку Шелонь, и они бросили на эту постройку военнопленных, к которым относились, как к скоту. Конвоиры избивали пленных палками, прикладами ружей. Начальник лагеря — офицер Латт из войск «СС» регулярно обходил лагерь и лично избивал истощённых людей, чтобы заставить их работать.

Сохранился - - вот он, посмотрите — так называемый дом Бэкмана. Здесь жил немецкий надсмотрщик Бэкман. Отсюда ваших ровесников-мальчишек оккупанты насильно угоняли на работы по содержанию дорог. Фронт стоял близко — передовая была под Старой Руссой, то есть в 60 километрах от Медведа. Помните, у нас на занятии краеведческого кружка старожил Николай Григорьевич рассказывал, как на этом месте в детстве Бэкман отлупил его плёткой за то, что он не пришел на работу вовремя?! Счастье ещё, что не выстрелил - - а мог бы...

Русских пленных немецкие оккупанты заставляли копать огромные могилы, которые постепенно наполнялись трупами. После войны в 1945-м году в Медведе обнаружили 1930 трупов русских военнопленных в ямах. Фамилии их не устанавливались. Советская власть считала предателями тех, кто сдавался в плен.

Жители Медведа и окрестных деревень помогали пленным. Мальчишки, например, рискуя жизнью, подкидывали турнепс, который они везли в телегах на корм скоту, через ограду пленным. И те ели его скорее прямо с землёй. Пытались спасти пленных и боролись с немецкими оккупантами местные партизаны и подпольщики -- совсем юные жители Медведа: девушки, юноши, дети из медведской школы. 40 таких подпольщиков фашисты раскрыли. Самому младшему было 14 лет. Фашисты вывезли этих молодых людей в Ленинградскую область, на станцию Сиверская, расстреляли и сбросили в огромную могилу. Только на одной

станции Сиверская расстреляно фашистами около 10 тысяч гражданских лиц. А сколько было в России ещё таких мест!

Во Второй мировой войне 1939-1945 годов, развязанной немецкими фашистами, частью которой стала Великая Отечественная война в России 1941-1945 годов, погибло и пострадало огромное число мирных жителей многих стран. Апогеем бесчеловечности стал в 1945-м году сброс лётчиками Соединённых Штатов Америки ядерных бомб на японские города Хиросиму и Нагасаки.

Япония ответила на этот удар величайшей мудростью.

Япония стала уникальной страной в мире. Конституция Японии 1947 года провозгласила отказ этого государства от всех войн и от собственной армии.

Готовясь к этой экскурсии, я принёс для вас цитату из девятой статьи Конституции Японии:

«Статья 9. Искренне стремясь к международному миру, основанному на справедливости и порядке, японский народ на вечные времена отказывается от войны как суверенного права нации, а также от угрозы или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров.

Для достижения цели, указанной в предыдущем абзаце, никогда впредь не будут создаваться сухопутные, морские и военно-воздушные силы, равно как и другие средства войны. Право на ведение государством войны не признается»

Можно сказать, что Япония в 1947 году выполнила заветную мечту моих героев - - Нади Карповой и Масакадзу Хигаки – молодых людей, думавших о том, как сделать, чтобы в мире не существовало войн...

-- Надя Карпова – она действительно жила в Медведе? А Хигаки? Он придуман Вами или нет? – посыпались Виктору Николаевичу вопросы.

-- Уместнее всего об этом, ребята, вам рассказать здесь. Вот мы и подошли с вами к особенному, уникальному для всей России месту в селе Медведь.

Это -- памятное место дружбы между Россией и Японией.

После войны 1904-1905 годов подсчитали, что в Медведе из 2 500-3 000 японских пленных умерло 19 человек. Все эти 19 человек погибли не из-за плохого обращения или плохого питания или неоказания медицинской помощи, а от ранений, полученных до плена или из-за каких-либо неизлечимых заболеваний. Японцы попросили разрешения у властей захоронить своих умерших с соблюдением традиционных обрядов. И им было дано такое разрешение и выделено место -- старинное офицерское кладбище.

-- Я вижу камушки какие-то. С рисунками, -- сказала самая маленькая девочка.

-- Это камни на их могилах. С иероглифами. Ты что, не видала раньше? - удивился самый старший мальчик.

-- Она, может быть, и не видела, -- ответил за малышку учитель. -- А вообще их недавно откопали. Точнее сказать -- откопали... во второй раз!

С 1905-го года в России произошло много потрясших страну событий. Старые истории стали забываться.

Старое офицерское кладбище после войны 1940-х было изрыто окопами, воронками от снарядов и бомб. Однажды летом 1965 года, гуляя там, ребята из медведской школы обратили внимание на торчавшие из земли верхушки камней в окружении травы. Школьники откопали камни, сняли с них мох и смели землю с каких-то выбитых на поверхности камней «рисунков».

Ребята вместе с руководительницей сельского музея Ниной Ильиной стали расспрашивать старожилов. И те вспомнили, что здесь, в северо-восточном углу старинного офицерского кладбища, были захоронены 19 японцев. Их прах в 1908-м году делегация из Японии увезла на родину, а надгробные камни с иероглифами, указывающими на их имена, остались в Медведе.

В 1965 году после находки школьников начался японский бум в Медведе. В сельский музей начали передавать экспонаты.

Нашлись миниатюрные копии кораблей, веера, крошечные туфельки, куколки и цепочки из конского волоса... Эти сокровища времени, сделанные японцами в 1904-1905 годах, передали в сельский музей старожилы села

Медведь. Сямисэны – традиционные музыкальные инструменты, сделанные пленными японцами из древесины, приготовленной на дрова, – из Медведя отправились в Санкт-Петербургский музей музыкальных инструментов в Шереметевском дворце. Все эти вещи демонстрировались в 1970 году в японском городе Осака на Всемирной выставке «Экспо-70» вместе с письмами от бывших японских военнопленных с добрыми словами, благодарностью за отношение, какое проявили к ним в 1904-905 годах медведцы.

В медведском музее хранятся открытки, которые после находки 1965 года посыпались из японских городов в Медведь. Их прислали бывшие пленные 1904-1905 годов или их дети и родственники. Они увидели фотографии в прессе и вспомнили об этой трагической и гуманной истории, ставшей необыкновенной частью их жизни.

Есть у нас в музее и особенно дорогая моему сердцу вещь. Фотография веера, который в 1960-х передала в музей села бывшая учительница Надежда Васильевна Карпова. К сожалению, сам веер затерялся. Он был очень простым. На нем -- надпись: «Г-жъ Надъ на добрую память отъ Хигаки. Не забудьте меня».

Но прошло, однако, с 1965-го года еще 40 лет. Новый ураган перемен прилетел в Россию. В 1991-м году распался Советский Союз. Был уничтожен советский строй. Камни с иероглифами в далёком новгородском селе забылись, за 40 лет снова покрылись землёй и затерялись...

О них вспомнили в 2004-м году накануне 100-летия со дня окончания русско-японской войны. Новый ветер перемен сделал так, что было разрешено создать мемориал, посвященный единственному в России бывшему лагерю для военнопленных японцев.

Я был тогда директором Медведской школы (она, по-прежнему, у нас в селе единственная). И мы решили заново откопать камни с иероглифами. Мой сын, Виктор Николаевич, ваш учитель физкультуры, и моя жена Вера Леонидовна – учительница русского языка и литературы – взялись со школьниками за раскопки.

Спланировали и очистили от кустарника и травы площадку, на неё выкатили вновь откопанные камни. На это место 14 июля 2004 года приехали

важные гости: Генеральный консул Японии – я записал его имя... -- Тэруми Мурамацу и вице-консул Кусибуту Тиё. Они совершили на месте бывшего японского захоронения поминальный японский ритуал.

А в сентябре 2004 года произошла наша встреча с бывшим министром иностранных дел Японии, депутатом Японского парламента Таро Накаямо.

Тогда было принято решение об открытии мемориального места в селе. Помог глава Медведского сельского поселения Владимир Иванович Рогозин. Финансирование обеспечила японская сторона. Открытие мемориала состоялось в сентябре 2005 года. Конечно, в присутствии многочисленной японской делегации.

В Петербурге же вспомнили снова о медведских сямисэнах, хранившихся в музее музыкальных инструментов в Шереметевском дворце. В 2005 году эти сямисэны отправились в путешествие в Японию для реставрации и представления японцам. Затем сямисэны вернулись в Петербург. В 2005 году, в 21-м веке, снова прозвучали голоса этих раритетов: на них сыграли участники программы «Ветры Ямато».

А к нам в село Медведь с 2004-го каждый год приезжают японцы. Среди них уже много лет -- заместитель директора Токийского института русского языка Йосихико Мори. Это имя я помню без записи. Мори-сан стал моим другом. Каждый май, когда в Медведь приходят белые ночи, и каждую осень, когда березки сыплют, как беспечные транжиры, вокруг себя золотые и медные монеты, господин Мори едет в Россию, чтобы лично принять участие в раскопках. Из 19 камней выкопаны на данный момент 12. И господин Мори считает своим долгом найти их все. Мы ищем с помощью архивных данных и схемы, которую когда-то нарисовал один из японских солдат.

Не в японской традиции выражать свои чувства на людях, но, когда Мори-сан находит камни с иероглифами, он плачет и обнимает каждый из них. Я записал его слова. «В один из дней мы ничего не нашли. И, опечаленные, уже собирались заканчивать поиски. Я присел, и тут меня укусил комар. Только я повернулся, чтобы убить его, и вдруг увидел небольшой булыжник, который торчал из земли. Полил его водой, и -- о чудо! — там были иероглифы! Это был десятый камень, который нам удалось найти. Он — самый крупный из всех».

В мире нет малого и незначительного и отсутствует смерть в том смысле, в каком мы её понимаем.

Друзья-японцы говорят нам, что символическую могилу 19-ти пленных в новгородском селе Медведь считает своим долгом посетить каждый японец, приезжающий в Россию.

-- Вот эти два камушка -- серые, тёмные, а те -- светленькие, - - сказала почтительно самая маленькая девочка.

-- Эти два найдены давно, а те – в прошлом году, они ещё не потемнели, -- ответил учитель. – А вот надпись на одном из камней: «Наоми Камура, самурай из рода Тасака. Сражён не людьми, а морозом»...

А теперь я отвечу на ваши вопросы о Наде и Хигаки.

Учительница Надя Карпова, действительно, жила в Медведе. Но кроме того, что она в 1965 году принесла японский веер и ещё несколько рукотворных вещей в наш музей, мне о ней ничего не известно.

Быть учительницей в 1900-х – это было большой смелостью.

Признаюсь вам -- начиная свою книгу о японцах в селе Медведь, я решительно не знал, что мне написать о Надежде Васильевне Карповой. В самом начале она была для меня даже не самым главным персонажем.

Вы не поверите, но, как и другие персонажи книги, Надя сама вошла в мою жизнь. Когда я писал о событиях в селе Медведь – грустных и весёлых, бурных и тихих, лиричных, я каждый раз думал: «А какую роль могла бы сыграть в том или ином событии Надя? А что бы она подумала, сказала или сделала?» Она получила удивительное влияние на меня. Мне кажется, я сам стал лучше, когда открыл её душу!

Женщины России – поразительные женщины! Японцы удивляются роли наших женщин в политике в патриархальные времена. Вот далеко не полный список женщин Руси у власти: императрицы Екатерина Первая, Анна Иоанновна, Елизавета Петровна, Екатерина Вторая Великая, царица Ирина Годунова, княгиня Ольга, Марфа Борецкая-посадница... Наши женщины решительны, смелы и открыты. Знаете ли Вы, что автор популярной уже более 100 лет в России песни о «Варяге» -- женщина?

«Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг» — песня на стихи австрийского поэта Р.Грейнца, которые перевела в 1904 году на русский язык 30-летняя поэтесса Евгения Студенская. Впервые эта песня была исполнена на торжественном приёме, устроенном императором Николаем Вторым в Зимнем дворце в честь офицеров и матросов «Варяга» и «Корейца». Евгения Студенская окончила историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. С ней могла дружить моя Надя Карпова...

Глубокая и сильная женская душа, натура, которая соединяет внутреннюю красоту с мудростью, влияет на всё малое и великое, происходящее вокруг неё, воплотилась для меня в Наде Карповой.

Я не знаю, создавала ли Надежда Карпова, жившая в селе Медведь, словарь местных диалектных слов – но МОЯ Надя обязательно бы за него взялась. Поэтому я включил в свою книжку говор жителей Шимского района Новгородской области, опираясь на словарь, который 20 лет составляла с учениками учительница школы шимской деревни Коростынь Екатерина Борисовна Стогова. По данным опроса Екатерины Стоговой, в наши дни, в начале 20-го века, жители шимских исследованных деревень в возрасте до 20 лет употребляют в живой речи 18%, 20-40 лет - 65%, старше 40 лет - 98% диалектных слов, вошедших в словарь. Спасибо Екатерине Борисовне! Словарь, который она мне предоставила, - - памятник уходящей языковой эпохе.

Масакадзу Хигаки – пленный, действительно, находившийся в Аракчеевских казармах в 1904-1905 годах. Он подарил Наде Карповой веер на память. Хигаки уехал в Японию после окончания войны. Надя и Хигаки, как записано в наших краеведческих материалах, некоторое время после войны переписывались, потом переписка прекратилась.

Завершая мой рассказ о русско-японской войне 1904-1905 годов, могу добавить, что в Японии в период войны было создано 28 лагерей, в которых содержалось около 80 тысяч русских военнопленных. В России число пленных японцев составляло до 3 000 человек. Почти все они содержались в селе Медведь. По воспоминаниям бывших военнопленных обеих стран, когда окончилась война, и из Японии, и из России их провожали с оказанием всяческого внимания. Один из русских офицеров писал в воспоминаниях, что на вокзал бывших пленных провожали японские солдаты, которые их прежде караулили, фруктовщики, кондитеры, часовщики и прочие торговцы, для отъезжающих офицеров устраивали спектакли и обеды. А у нас в медведском музее сохранилась уникальная фотография, запечатлевшая отъезд японцев из

села на родину. Их также провожает много людей. Фигура девушки в шляпке на первом плане напоминает мне о Наде Карповой... Что если это действительно она? Увы, теперь поздно это узнать...

Я специально не пишу в своей книге и не рассказываю вам о том, кто победил в войнах 1904-1905, 1914-1918, 1939-1945 годов, каковы были итоги войн... Но мне важно сказать, что благородный дух джентльменской войны 1904-1905 годов после её окончания ещё долго влиял на русских и японцев. Так, четырём японским сёстрам милосердия Россия вручила серебряные медали за уход в плену за тяжелораненым капитаном I-го ранга Бойсманом. Япония, в свою очередь, установила в Мацуяме – городе, где в годы войны находился лагерь для русских пленных, памятник русским героям. Сразу после войны японское правительство создало в Сеуле музей памяти героев «Варяга» и наградило командира крейсера «Варяг» Руднева орденом Восходящего солнца.

То, что вражда между людьми неприродна, а вражда между государствами не вечна, доказывает тот факт, что в Первой Мировой войне 1914-1918 годов Япония уже стала другом - - союзником России. Любопытно, что тогда из песни «Варяг» был удалён третий куплет, где обидно говорилось про внешность японцев...

-- Откуда Вы всё это знаете? Вы что, тогда жи-Ы-ли? - - спросила самая маленькая девочка, вкладывая во взлетевший высоко звук «ы» такие удивление и почтительность, которые предполагали Иванова несомненным участником событий прошлого столетия.

-- Нет, милая.

-- А Вы хотя бы в Медведе жили?

-- Нет. Я родился и вырос в соседней деревне. И у моей деревни, как и у каждого места в России, Японии или другой стране нашего большого мира -- своя уникальная история... И я уверен: каждая из этих историй достойна того, чтобы о ней рассказать...

Экскурсия закончилась. Юные краеведы решили, что будут каждый год помогать Виктору Николаевичу и Мори-сан искать оставшиеся 7 камней.

Учитель отпустил детей по домам. Когда он ушёл, на скамеечке, где они сидели раньше, самый старший мальчик нашёл два листка бумаги.

-- Смотрите! Это письма какие-то! Наверное, исторические, из музея. Виктор Николаевич забыл нам их прочитать!

И они уселись и прочитали их.

«Писать на русском языке, несомненно, труднее, чем на нём говорить! В японском языке один иероглиф обозначает понятие, слово или часть слова. В русском языке одна буква, как правило, не означает ничего. Чтобы сложить слово, нужно поставить рядом несколько, иногда много букв. Это трудно даётся моему соображению.

Я пишу Вам это для того лишь, чтобы Вы почувствовали через разделяющие нас океан и тысячи вёрст, как велико -- сложенное из трудных букв -- моё сердечное желание поделиться с Вами своей жизнью и узнать о Вашей.

До плена я не знал ничего о России. Теперь я знаю и уверен, что люди в России и Японии походят друг на друга сильнее, чем народы наших государств на народы Европы.

Из наших общих качеств, русского и японского народов, я бы назвал главными следующие.

Согласие с авторитетом главного в государстве или своем окружении и добровольное подчинение ему -- и умственная свобода высказывания собственных мыслей и суждений, в том числе расходящихся с мнением авторитета; стремление к обмену мнениями в толпе, при котором слушается суждение каждого.

Чёткость и разграничение назначения и обязанностей мужчины и женщины, первичность направляющей силы мужчины в семейных отношениях -- и свобода суждений женщины, признание авторитета мудрой женщины в семье и обществе.

Неприятие и народное осуждение женоподобного в мужчине. Великая ответственность мужчины за семью, работу и страну.

Сдержанность в физическом проявлении чувств в присутствии чужих людей, несклонность к разболтанному, открытому поведению в чужой обстановке.

Любознательность и народная смекалка.

Я был в России ровно год, с августа 1904-го до августа 1905-го. Я – один из не столь большого числа японцев, кому дано было увидеть вашу страну и наблюдать воочию чудо майских северных белых ночей. Но не измерить мою печаль от того, что я не видел в единственную данную мне для этого весну 1905-го года в белые ночи Ваш сад. И никогда, верно, уже не увижу.

Знаете ли Вы, что я, тем не менее, каждый год получаю весточку из России?

Каждую осень к нам в Японию летят из России лебеди. Они приносят на своих белых крыльях нам зиму. Я знаю, что, когда эти лебеди весной вернутся в Россию, не будет среди этого числа белоснежных птиц ни одной, которая пролетит мимо Вашего дома. Путь этих лебедей пролегает из Японии в далёкую от вас Сибирь.

Ваше село Медведь весной тоже пролетают лебеди. Но они летят не из Японии, а с близкого вам юга.

Эти разные пути сложились веками, тысячелетиями. Говорят, что лебедь может изменить свой традиционный путь, если встретит пару из другой стаи или если произойдет в его привычном месте обитания огромное бедствие.

Огромное бедствие – война -- изменило когда-то мой путь и привело меня к Вам. Но я вернулся к своей стае, а Вы не изменили своему пути.

И всё-таки каждое утро, встречая Солнце, я посылаю Вам с ним привет. Я протягиваю к нему руки, и лучи падают мне на ладони. Я знаю, что за день с Востока оно передвинется на Запад. И, когда в Японии наступит вечер, то же Солнце, неся Вам утро, дотронется до Вас... »

Дочитав это письмо, самый старший мальчик – черноволосый, с немного узкими чёрными глазами, смуглый и худой – посмотрел почему-то на девочку – ту, которая помнила то, что не помнили другие.

«Почему я раньше не замечал, что она красивая?..» -- подумал мальчик. А девочка взяла у него из рук листочек и прочитала вслух второе письмо.

«Я знаю, что Вы никогда не увидите этих строк, и потому смела.

Я люблю Вас. Люблю Вашу душу, не постижимую до конца и вечно постигающую новое. Я люблю сам внешний вид Ваш. То соединение тонких черт лица, узких ладоней и прямой осанки, в сочетании с природной целесообразностью движений, союз изящного и мужественного одновременно, который не способны в полной мере обрисовать слова «гармония», «красота» или «грациозность», но может передать, наверное, образ изогнутого охотничьего лука с готовой вылететь стрелой.

Вы показали мне мир как одну живую каждомomentно меняющуюся и неизменно прекрасную картину. Я благодарна Вам за это. Я не встречу более такой удивительной и родной души, как Вы. Но сейчас, когда первая боль расставания с Вами прошла, я почти спокойна. Мне кажется, Вы со мною всегда и будете всегда. И, когда утром я смотрю на Солнце, я знаю, что оно, передвинувшись за день, пришло ко мне от Вас, и протягиваю ему руки, думая, что, быть может, его лучи грели Ваши ладони. Тогда я улыбаюсь и желаю Вам счастья.»

На глазах у девочек блестели слезы, а самая маленькая спросила:

-- Это всамделишные письма? Их тот дядя японец написал и та тётя учительница?

-- Я не знаю, -- ответил самый старший мальчик. И добавил, задумчиво глядя на девочку, которая помнила то, что не помнили другие: -- А разве есть разница? Мне кажется, это неважно... Это неважно! – твёрдо повторил он. И все согласились с ним.

Поздним вечером, когда на тёмном небе появилась чётко видимая луна, несколько маленьких фигурок сошлись на выходе из села Медведь на краю Подгорной улицы, где заканчивался ряд фонарей и виднелся близкий Владимирский мост.

-- А я из окошка вылез! – произнесла в темноте одна фигурка.

-- А я - - в сени, будто на двор, - - сказала вторая.

-- Тише вы! Сейчас кто-нибудь гулять пойдет, прогонят нас по домам! – в темноте стали различаться лица, и самый старший мальчик продолжил: -- Ну, давайте смотреть!

-- Ой, сияет как! Нет, мне не видать ничего. Глазам больно!

-- Нету там зайца!

-- Не зайца, а кролика!

-- Какая разница! Должны быть длинные уши! И этот... котелок, в котором он варит.

-- Может, это у тебя котелок не варит?!!

-- Ой, ха-ха. Можно подумать, смешно.

-- А я котёнка взяла. Для храбрости. Вот он, на руках у меня. Всё-таки у него когти! Нека-Нека-Нека! Куда побежал?

-- Убежала твоя храбрость...

Участники краеведческого кружка Виктора Иванова решили, что, как только выдастся ближайшая тёмная и безоблачная ночь, они проведут самостоятельное исследование. Никак им не давал покоя один эпизод в книжке Виктора Николаевича! В самом конце книги девочка Ариша говорит про кролика, который, по японской легенде, сидит на Луне и печёт лепёшки бессмертия. Действительно ли видно ли этого кролика с Земли? Это и захотели проверить юные краеведы. И, скрыв от взрослых свой план, устроили ночную прогулку.

Теперь они стояли в темноте, задрав головёнки кверху, и старательно вглядывались в пятна на ярком серебряном диске. Глаза быстро ослеплял

свет Луны, и уже через несколько секунд дети сводили их со светила и часто моргали.

Сколько они ни смотрели на диск Луны, кролика там не видели. Открытие в краеведческой науке сделал, однако, бело-чёрный котёнок, внезапно прыгнувший с рук самой маленькой девочки. Малышка нагнулась, чтобы поймать его и... увидела Лунного Кролика.

-- Вон он! - - завопила девчушка. Котёнок по кличке Нека сиганул в кусты.

Чтобы увидеть то, что видят другие, нужно попробовать встать на их точку зрения.

Чтобы увидеть Лунного Кролика, ребятам нужно было немного наклонить голову вправо. Там, где живут японцы, Луна видится с Земли чуть по-другому. В этом оказался Секрет Лунного Кролика...

Декабрь 2016г.- апрель 2018г., Великий Новгород.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

Анахронизм, допущенный автором: настоящая дата создания народного театра в селе Медведь – 1898 год. Первая пьеса – «Бедность не порок» А.Н.Островского. Роль Любима Торцова исполнил учитель